Ю. А. БЫЧКОВ

ЖИТИЕ ПЕТРА БАРАНОВСКОГО

Ю.А. БЫЧКОВ

ЖИТИЕ ПЕТРА БАРАНОВСКОГО

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1991

85.113(2)
Б95

Художник **В. И. ШАПОВАЛОВ**

Б $\frac{4702010204-163}{М105(03)91}$ КБ—14—42—91

ISBN 5—268—00494—8

14 февраля 1992 года исполняется сто лет со дня рождения Петра Дмитриевича Барановского — легендарного архитектора-реставратора, выдающегося ученого в области архитектурной археологии, археографии, истории архитектуры, создателя первого в стране музея архитектуры под открытым небом «Коломенское», автора универсальных методологий восстановления утерянных элементов древних зданий, воссоздания полностью разрушенных памятников.

Семьдесят пять лет отдал Барановский делу реставрации памятников культуры России, Украины, Белоруссии, Закавказья. Его рука коснулась более сотни зданий различных эпох, школ, стилей. Среди них знаменитый Пятницкий собор в Чернигове, Крутицкое подворье, архитектурный комплекс Болдинского монастыря.

Им сделаны обмеры, фотофиксации, проведены археологические и археографические исследования свыше тысячи памятников, большая часть которых была уничтожена в советское время. Обмерные чертежи П. Д. Барановского дали возможность в наши дни создать проект научно обоснованного восстановления уничтоженного в 1936 году Казанского собора на Красной площади. И это только начало!

Творческое наследие П. Д. Барановского бесценно. Его идеи, проекты, фотофиксация утерянного заслуживают пристального внимания и реализации в практической работе. Нельзя отказываться от мысли восстановить, воссоздать с полной достоверностью возможно большее число разрушенных советскими геростратами памятников.

В 1920 году на заседании ученого совета Центральных государственных реставрационных мастерских П. Барановский теоретически обосновывает идею создания музея под открытым небом как один из способов сохранения и показа характерных образцов русской деревянной архитектуры. Получив одобрение и став первым директо-

ром музея-заповедника в Коломенском, он перевез туда из-под Архангельска башенные ворота Николо-Корельского монастыря, рубленый дом Петра I, другие памятники, знакомые ныне миллионам людей, посещающих это притягательное место Москвы.

При участии мастера разрабатывались основополагающие документы по выявлению, учету и сохранению памятников истории и культуры. Под его началом возникло и развилось движение добровольной помощи общественности реставраторам.

Барановский был среди инициаторов создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, его активным деятелем, а в конце жизни — почетным членом.

В связи со 100-летием со дня рождения мастера Президиум Центрального совета ВООПИиК решил установить мемориальную доску на корпусе больничных палат Новодевичьего монастыря, где П. Д. Барановский жил и работал с 1939 по 1984 год, развернуть на основе завещанного потомкам творческого наследия и его скромного, но столь характерного имущества музей-мастерскую П. Д. Барановского с тем, чтобы здесь начал действовать методический центр по изучению и воплощению в жизнь его идей и проектов. Решено содействовать завершению работ по возрождению памятников архитектуры Болдинского монастыря, где, по воле провидения, осенил его гений реставрации...

Приступая к написанию жития Петра Дмитриевича Барановского, я заново перечитал все доступное из суждений, высказываний, воспоминаний, рассказов, разговоров о нем и пришел к выводу, что первая работа о Мастере не имеет права быть монологом. Необходимо предпринять попытку суммирования знаний и представлений о Барановском близких ему людей. Случилось так, что все писавшие о нем, потрясенные, как правило, личностью этого необыкновенного человека, брали точкой отсчета момент первой встречи с ним. Это вынуждало их строить свои очерки и статьи на экскурсах в прошлое, на подкрепленных публицистическим пафосом перечислительных рядах свершений и будничных дел, наконец, на впечатлениях от общения с Мастером, что весьма ценно с точки зрения документальности. Главное же — в записях этих сохранен живой облик Петра Дмитриевича, его лексика, характер, строгость, увлеченность, доброта, юмор. Конечно, жизнь, а точнее житие, Барановского требует большой книги,

да и не одной — так она вместительна и многообразна,— и настало время сказать о личности такого громадного калибра, как он. Еще вчера мы были его современниками, а сегодня имя его принадлежит истории, из которой ничто великое, ничто сильное, что воплощалось в носителе этих драгоценных качеств, не остается забытым, стертым временем.

Восприятие деятельности и, в особенности, личности Барановского каждым, кто его знал, остро индивидуально.

Один сановно-невежественный музейный деятель, директор Государственного Исторического музея, совсем недавно, летом 1990 года, в ответ на мою просьбу о возможности устройства мемориальной квартиры-мастерской в палате Новодевичьего монастыря, где Петр Дмитриевич жил и работал сорок с лишним лет, пренебрежительно заметил: «А какое он имеет отношение к Историческому музею? И вообще случай с Барановским странен: раздули выдающегося ученого из обыкновенного реставратора-кирпичника...»

Не столь существенно, сколь характерно, что прошедший по партийной дорожке в директора Исторического музея В. К. Левыкин не знает истории этого примечательного музея. Не знает он, что Барановский с 1923 по 1933 год был заведующим музейным комплексом в Коломенском, а Коломенское — филиал ГИМа изначально и остается таковым по сей день. Да и вообще вся деятельность Барановского, археолога-историка и по диплому и по призванию, тесно связана с ГИМом.

Памятен и такой «деятель», как Лев Аркадьевич Петров, в шестидесятые годы бывший директором Центральных научно-реставрационных мастерских. Вся его «деятельность» заключалась во враждебном преследовании Барановского, который был сотрудником мастерских и один умудрялся делать больше, чем весь институт. Это учреждение находилось в прямом подчинении Министерства культуры СССР, и Петров, зная безразличие министра Фурцевой к памятникам, всячески унижал достоинство их бескорыстного защитника в лице Барановского.

Председатель Московского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры профессор А. С. Трофимов так вспоминает об одной очень характерной для того времени встрече: «Многие факты уничтожения памятников заставили нас искать пути к руководству нашей культурой. Петр Дмитриевич был инициатором встречи с министром культуры Фурцевой. Это

было на исходе 1964 года, когда полным ходом шла чистка Москвы и Подмосковья от старины в преддверии разработки и утверждения нового Генерального плана реконструкции...

Петр Дмитриевич тщательно готовился к этой встрече со свойственной его характеру пунктуальностью, опасался не упустить самого главного — сказать о бессмысленном разрушении памятников Москвы и других исторических городов. В это время поступали тревожные известия о разборке храмов в Суздале, Владимире, Пскове, Калуге, Туле, Вязьме. Мособлсовет пытался снять с охраны ансамбль Троице-Сергиевой Лавры. В самом Загорске уже разобрали деревянную церковь XVII века на Ильинской горе и блинные лавки XVIII—XIX веков у стен монастыря. Были взорваны торговые ряды в Романове на Волге (ныне г. Тутаев). Областное псковское руководство хлопотало о закрытии Псково-Печерского монастыря и использовании его исторических построек под машинно-тракторную станцию. В Ленинграде подготавливали к сносу всемирно известное Никольское кладбище Александро-Невской Лавры, уже были взорваны Путевой дворец на Средней Рогатке (архитектор Бартоломео Растрелли) и собор Спаса на Сенной площади, построенный в 1765 году архитектором Андреем Квасовым.

В приемной министра культуры нас предупредили, что в нашем распоряжении будет не более 10 минут. Петр Дмитриевич пытался что-то объяснить помощнику министра, но тот привычным движением руки открыл дверь, и мы очутились в просторном кабинете. Фурцева предложила сесть и сразу же спросила, что заставило нас прийти к ней. Петр Дмитриевич начал говорить о полном неблагополучии с памятниками архитектуры, что он рассчитывает на ее помощь, поддержку в деле охраны и реставрации.

Министр сделала гримасу, означавшую полное неудовольствие, и, прервав Барановского, сказала, что, по ее мнению, **памятников слишком много,** всеми ими заниматься невозможно, да и не к чему. У государства есть вопросы поважней памятников. Тут она повторила весьма расхожий в то время аргумент: «Мы подходим к коммунизму, а людям жить негде!» К ужасу Барановского и всех присутствовавших она стала говорить о намерении снести все, «что мешает строить коммунистические города». И тут, кажется, архитектор Петр Петрович Ревякин спросил Фурцеву, какими должны быть эти, по ее мнению, ком-

мунистические города? Она заметила, что архитекторы это должны лучше знать, но что совершенно ясно для всякого — конечно, без церквей...

Мы возвращались домой с чувством полной безысходности. Петр Дмитриевич съежился, еле волочил ноги и упорно молчал. Чувствовалось, что он глубоко переживает только что услышанное и ищет выход из создавшейся ситуации.

На следующее утро он мне позвонил и твердым голосом сказал, что всю ночь не спал, но пришел к убеждению, что нужно создавать общественное мнение путем всевозможной пропаганды памятников...»

К такому же выводу в ту пору приходили многие глубоко переживавшие трагическую судьбу отечественной культуры русские люди. Московские художники провели в выставочном зале столицы на Кузнецком мосту тематическую выставку произведений живописи, скульптуры, графики. В газете «Советская культура» из номера в номер публиковались очерки, статьи, письма, реплики, острые сигналы о неблагополучии с охраной памятников. Это вызывало резкое неудовольствие Фурцевой; главного редактора газеты вызывали в ЦК, за закрытыми дверями делали оскорбительные выволочки, но прямой, честный, мужественный Дмитрий Григорьевич Большов своих позиций не сдавал. В конце концов он, по настоянию Фурцевой, был снят с поста, «Советскую культуру» реформировали в газету ЦК КПСС, но никто из оставшихся в редакции принципов Барановского не предал.

На протяжении 60 лет Петр Дмитриевич был в центре беспощадной борьбы с дьявольскими силами за выживание русской духовности. Об этой главной его сущности никто не сказал лучше архитектора-реставратора, идеолога духовно-патриотического движения В. А. Виноградова, ныне директора института «Спецреставрация», воплощающего в жизнь заветы своего учителя: «Не случайно П. Д. Барановский ценность памятника культуры как святыни ставил выше ценности человека, погрязшего в мерзостях мира сего и не чтущего святыни. Очевидно, бывают часы крушения истории, когда невозможно спасти не желающего спасаться человека, когда **для понимающего открывается такая бездна падения, что спасение святынь только и оправдывает жизнь человека в сем мире».**

Гений, герой — эти мирские оценки не подходят к личности П. Д. Барановского. А духовное значение недоступно еще нашему пониманию. И потому совмещаются в его

образе многие грани деятельности — Реставратор, Хранитель, Мастер, Учитель, Праведник.

Профессия реставратора памятников истории и культуры всегда выделялась в особую элитарную область знания и деятельности, элитарную — не отдельную от народа, а по сути — область жертвенного служения Первообразу. Она предполагает возможность глубинного погружения в исчезнувшие знаки культур и возвышенного восхищения откровением, отворявшим в образах Слова иное измерение и понимание жизни.

Но за чудесными открытиями духовного мира Слова, воплощенного в образах памятников истории и культуры, перед каждым входящим в эту сокровенную область понимания стоят мрачные и чудовищные завалы и наслоения мира действительности, поверженного в ад, с вылезающими из всех его щелей упырей и нетопырей. Раскрыть эти нечистоты, расчистить гнойные язвы, пробить свет подлинной духовной жизни, открыть окно в Мир — необыкновенно сложная задача, требующая напряжения всех нравственных и физических сил человека. Тем более в эпоху, когда этот род деятельности и знания запрещен под страхом смерти, пыток, лагерей, психушки, изгнания, отчуждения близких, когда реставратор обречен на одиночество, прозябание без всякой социальной надежды. Когда опорой ему служит всего лишь несказанная радость открытия, радость увидеть чудо иного бытия, не подверженного тлению. Чуда действительно странного, недоступного пониманию окружающих людей.

Какова же цена этого вйдения, если человек идет к нему сознательно через все жертвы и лишения, к тому же лишенный права и возможности быть в лоне социально спасающей церкви? Такое состояние оставленности и беспредельного сиротства человека наступает в конце мира, в эпоху наступления Второго пришествия и иного Царства. Оно подобно распятию на кресте, который завещано всякому нести на себе. Готовность нести свой крест до Голгофы каждый год, каждый день, каждый час, каждое мгновение переживать смерть и воскрешенному вставать, чтобы идти дальше до следующей Голгофы,— этот ужас сможет ли кто-либо выдержать из любви к реставрации памятников культуры, из необъяснимого желания взглянуть на Чудо Откровения?

1936 год. Москва. Красная площадь. Казанский собор. П. Д. Барановский, только что вернувшийся из ГУЛАГа, с ограничением места прописки (город Александров),

узнает, что реставрированный им храм Казанской Божией Матери — это закамуфлированное наслоениями веков чудо Древней Руси, храм с горкой кокошников наверху, воплощавших «силы небесные — суть пламень огненный»,— разрушается. Разрушается тот образ, который давал силы жизни для борьбы, сопротивления, одинокого противостояния Злу. Как не проклясть после этого весь мир, не впасть в соблазн оставить Злу творить злодеяния! Грань отчаяния подвигает на подвиг. Бог его бережет. Под угрозой нового большого срока, а может быть, и расстрела за «контрреволюционную деятельность» П. Д. Барановский ежедневно нелегально выезжает в Москву, делает обмеры разбираемого храма, фотографирует трагедию Образа. Чего ради? Когда кругом разнузданная бесовская вакханалия уничтожения русской культуры, когда заколачиваются последние гвозди в гроб ее истории под дикие пляски обезумевших мертвых душ России вокруг костра, раздуваемого дьявольской инквизицией заезжей черни.

Да и что делать с этими материалами страшных свидетельств, за хранение которых ждет та же участь? Хранить возможность собственной смерти ради спасения Образа? Но обнаружат хранилище — не спасти Образ, и тогда — всему конец. Жизнь в условиях постоянного ожидания смерти и кроткой надежды спасти Образ храма надолго определила душевное состояние, которое формировало образ самого Петра Дмитриевича Барановского. Отсюда его бесстрашие, неукротимая воля и фантастическая энергия в достижении цели, отсюда «внезапный родник великих средств». Когда нет уже деления на задачи большие и малые — все значительно. Важно преодоление Зла методом научной реставрации Добра.

1968 год. Дом В. И. Даля на Большой Грузинской в Москве. Принято решение о его сносе для строительства здания алмазного фонда Министерства геологии. Секретарь ЦК Соломенцев и председатель народного контроля Кованов спокойненько подписали приговор дому, несмотря на открытый протест ученых и общественности. П. Д. Барановский начинает атаку на аппарат общественного строя — князя мира сего. Днем и ночью он встряхивает от спячки мертвые души, не верующие, не верящие ни во что, вдыхает в них дух непримирения с действительностью, уговаривает крупнейших академиков сделать последний шаг к спасению памятника, поднимает мощную волну возмущения народного, убеждает моло-

дежь бросить все дела и встать грудью, спасая дом от бульдозеров. И, о чудо, власть отступила, предоставив Обществу охраны памятников реставрировать дом Даля собственными силами и средствами. Тут-то и родилась идея создания научно-реставрационной мастерской; спасение памятника, его охрана, реставрация, использование под культурные цели стали принципом нового подхода к сохранению наследия. Мастерская постепенно становилась школой Мастера — реставратора Образа.

Многие убеждали вернуть дому Даля первоначальный облик конца XVIII века — особняка с шестиколонным портиком. Построенный для историка российского князя Щербатова в классическом стиле, стоящий на пригорке над Пресненским прудом особняк был действительно привлекателен. Но Учитель обратил внимание на необычное привнесение в оформление фасадов элементов резьбы крестьянской усадьбы Русского Севера в виде крытых крылец, центрального балкона, фронтона с резными кронштейнами, которые свидетельствовали о реконструкции дома сыном Владимира Ивановича — академиком архитектуры Львом Далем, одним из первооткрывателей образов Древней Руси в крестьянских постройках Русского Севера. Была поставлена задача сохранения этих культурных наслоений: максимального выявления элементов памятника конца XVIII века, сохранившихся на срубе следов пожара Москвы 1812 года, старых окон и дверей, анфилады комнат, а впоследствии — организации Музея В. И. Даля.

Лето 1970 года. Село Коломенское — хранилище П. Д. Барановским Образов Святой Руси, вывезенных в 20-е годы с Севера памятников деревянного зодчества, а в 30-е — фрагментов разборки храмов Москвы и области. И вот страшное известие о прокладке трассы будущего Пролетарского проспекта, летящего бетонной стрелой в самое сердце хранилища спасенных святынь — Коломенское. Судьба Иова повторяется в судьбе П. Д. Барановского. Казалось бы, удалось спасти частицу Образа от дракона, надежно схоронить, взлелеять, отреставрировать, вдохнуть капли жизни в новый музей — и вот снова напасть разрушения исторического ландшафта, деревень, сел, сужение экологического оазиса.

Судьба уготовила П. Д. Барановскому самые иезуитские по «изяществу» удары: после реставрации памятник разрушали на его же глазах, подобно убиению сына на глазах родителя, после возрождения тлен разрушения

снова тяготел над памятником, а горе гнуло Мастера. Так было с Болдинским монастырем в Смоленской области, так было с усадьбой Коломенское, с Ново-Иерусалимским монастырем, Крутицким подворьем, с деревянными храмами Русского Севера...

Крепкое испытание было уготовано Реставратору, точнее — огненное очищение, пройдя которое, воскресали нетленные Образы храмов и учение Учителя, за которые он положил Жизнь свою подобно Сергию Радонежскому.

Жесткий нрав, бескомпромиссно требовательный к себе и другим характер, не допускающий поблажки... Не всякий мог выдержать общение с Учителем. Но тому, кто был близок к нему, в краткие минуты отдохновения открывалось потрясающее богатство его памяти, хранящей красочные картины культуры Древней Руси. Он жил ими постоянно, окружал себя ими, побуждал и других видеть не одну только мерзость запустения и забвения, но и то, что наполняло веками жизнь народа — Образы Святой Руси. Из его кабинета на 3-м этаже реставрируемой Владычной палаты в Крутицах, превращенной совдепией в якобы жилой дом, открывались виды на изуродованный Кремль с Ново-Спасским монастырем и на разрушенные остатки Симонова монастыря. Он предлагал замечательному художнику К. К. Лопяло выполнить в рисунках реконструкции этих видов с Крутиц, что и было сделано Карлом Карловичем.

Сохраняя и реставрируя памятник, П. Д. Барановский возрождал утраченную память, честь и достоинство народа, личность. Памятник, обретая общественную значимость, становился ценен родовой памятью, в нем история поколений и подобие Первообразу, та генетическая нить, которая связывает нас с древними мастерами, с судьбой Отечества и нашей судьбой.

Барановский был нецерковным человеком, он не исповедовался, не причащался в храме. Так сложилась судьба. Но перед ним всегда был исход глубоко почитаемого им его Учителя — реставратора П. П. Покрышкина, ушедшего в конце жизни в монастырь. Признавая Православную церковь и религию истоком культуры, двигателем истории, он не мог войти в ее сакральное царство, опасаясь, что, встав на этот путь, не сможет открыто защищать от гибели и разрушения памятники культуры. В этом поступке, видимо, и скрыта загадка Праведника, жившего в миру.

Весь свой авторитет, все свои жизненные силы он отда-

вал великому делу восстановления попранных святынь Святой Руси, неся свою крестную ношу — Хранителя Первообраза.

Это апокалипсическое прозрение смысла жизни, подвижнической деятельности П. Д. Барановского определяет истинность его Образа. Под этим углом зрения и рассматривай, читатель, здесь изложенные факты, так сказать, зри в корень!

В феврале 1967-го мы с ним оказались в Дорогобуже, а накануне в Москве отмечали его 75-летие. Увлеченно объяснял он мне секреты кладки XVI века (разговор шел о Болдинском монастыре). Я спросил, откуда в нем это потрясающее чутье при разгадывании всякого рода хитростей мастеров, живших вон когда — в XVI веке! Он, озорно сверкнув стеклами очков, сказал: «Должно быть, мамаша в детстве глиняным горшком по голове треснула».

Явный намек на провидчество в путаных-перепутаных кирпичных кладках, на поразительное чутье любых кирпично-каменных форм. Впрочем, и деревянные конструкции он читал с той же свободой природой одаренного человека, знакомого с плотницким делом от младых ногтей.

Владимир Чивилихин — автор широко известного историко-публицистического эссе «Память» — сблизился с Барановским в процессе работы над своей, как оказалось, последней книгой. Вот что узнаем мы от Чивилихина о Болдинском монастыре под Дорогобужем, об отце Барановского и деле его жизни: «Мы подъехали к монастырю уже затемно, ничего не увидели и расположились на ночлег в деревне Болдино, у здешнего лесничего.

Не спалось. Тарахтел где-то движок, собаки вокруг брехали, потому что неподалеку бил стекла тещиного дома упившийся зятек. Петр Дмитриевич скрипел койкой и вздыхал в темноте.

— Вы вообще-то знаете, что такое Болдино и что оно такое для меня лично?

— Нет. Если не спится, расскажите.

— Понимаете, тут родник всей моей жизни и моего дела.

В портфеле, стоящем у лежанки, я нащупал клавишу диктофона и включил: еще в Москве я попросил у Петра Дмитриевича разрешения на этот счет, и он сказал, чтоб я писал, чего хочу,— секретов у него никогда никаких не было, и он доживает без них.

Родился Барановский на Смоленщине, неподалеку от Болдина, в селе Шуйском. Отец его, безземельный крестьянин по положению, деревенский умелец по нужде и таланту, слыл мастером на все руки — мог и срубы рубить, и дуги гнуть, и телеги да сани ладить, но главным занятием, к которому он сызмальства приучал сына, стало доброе и славное мельничное ремесло. Дмитрий Барановский умел и любил ставить на подпрудах смоленских речек эти древние простые устройства, от века дающие народу хлеб насущный. И они красовались среди зеленых ракит, отделяя омутистые, черные и тихие воды от шумных, пенистых, белых, а еще бы красивее были, если б не грузная приземистость тех мельниц, утонить бы да поднять верха повыше, чтобы от этого все вокруг захорошело...»

В дорогобужской гостинице, где мы с ним заночевали в ту первую поездку к нему на родину, Петр Дмитриевич, помнится, философствовал на занимавшую его тему талантливости русского народа вообще, а в архитектуре — особенно. Говорил назидательно и убежденно. Этот ночной монолог я полушутя-полусерьезно назвал не иначе как «Откровением апостола Петра». Зодческий талант присущ многим народам. Он материализован в их истории, продемонстрирован в их культуре: величественной архитектуре древних греков и римлян, своеобразных каменных памятниках исчезнувших майя, божественной западноевропейской готике, сказочных мифах арабских, индийских, вьетнамских, непальских, бирманских зодчих, китайских крылатых пагодах! И русские вписали свои блестящие страницы во всемирную каменную летопись, а деревянное зодчество Русского Севера вообще уникально по масштабу и разнообразию!

«За долгие века русский народ возвел десятки тысяч каменных и деревянных сооружений светского и культового назначения, среди которых нет даже двух похожих, и я не знаю, чем это объяснить. Может быть, архитектура как одно из проявлений коллективного творческого гения предоставляла простор для выражения свободы духа, индивидуальных художественных способностей?» — вопрошая, утверждал Барановский. Безусловно, это так, слушая его, думал я, поскольку в наше время полная несвобода личности воплотилась в стандартизации строительства и оставила втуне коллективный гений народа. «Каменщики будущего», заведшие Россию в тупик, старались всяческими способами стереть с лица земли те самые десятки тысяч сооружений русских зодчих, среди которых

нет «даже двух похожих». И преуспели. А если бы не было таких, как Барановский, разобрали бы фундамент духовности до основанья! Между тем внешне будничный голос Барановского продолжал звучать — раздумчиво и пафосно.

«Творения безымянных зодчих, предназначенные для всеобщего обозрения в течение веков, были в каком-то смысле наиболее демократичным видом искусства, деянием народа, плодом его раскрепощенной фантазии. А может, это равнинный русский пейзаж требовал рукотворного разнообразия, заполнения пространства волшебными, прихотливыми, часто почти игрушечными формами, неповторимыми изящными силуэтами? Или причуды коренились в психическом складе нашего народа, не терпящего упростительного, стандартного, мертвяще-примитивного в жизни и умонастроении, в его мечтаниях о лучшей доле, которые он мог выразить, только создавая земную красоту? И не заложено ли в самой природе человека стремление материализовать свою сущность — возвышенность идеалов, мощь духа, страсть к созиданию?»

Академик Грабарь считал архитектурную одаренность русского народа исключительной. Он писал: «Подводя итоги всему, что сделано Россией в области искусства, приходишь к выводу, что это по преимуществу страна зодчих. Чутье пропорций, понимание силуэта, декоративный инстинкт, изобретательность форм — словом, все архитектурные добродетели встречаются на протяжении русской истории так постоянно и повсеместно, что наводят на мысль о совершенно исключительной одаренности русского народа». Подтверждение этим мыслям я находил всю свою жизнь. И находил бы снова и снова, проживи еще столько же...

Сам Барановский был из числа этих талантливых представителей народа, Богом отмеченный человек. А что тут скажешь: творческая одаренность народа или отдельного человека — одна из глубочайших тайн жизни. Сызмальства был он при отце — и, казалось, судьба ведет его по отцовской дороге: быть Петру мастеровым. А он с ранних лет жаден до книг и спрашивает про такое, о чем его ровесники думать не думают, а отец затрудняется ответить. Однажды они проезжали село Рыбки, и сын впервые увидел деревянное строение, напоминающее огромную елку, вонзившуюся в небо. Петр неотрывно глядел на шатровый храм, пока лес не загородил деревню.

Петр Дмитриевич в ответ на мои расспросы о том, когда

его увлечение архитектурой началось, рассказал о первом опыте изучения деревянного храма... Видение в Рыбках так сильно запало в душу, что он 12-летним мальчиком самостоятельно произвел обмеры древней шатровой церкви, получив на то разрешение сельского священника. Надо думать, в разговоре со священником он не сробел и смог объяснить тому, для чего требуется подробное знание размеров и конструктивных особенностей церкви. О неизгладимом впечатлении от встречи с Болдинским монастырем он часто рассказывал в старости молодым друзьям, помощникам и продолжателям его архитектурно-реставрационных начинаний, среди которых был и Александр Михайлович Пономарев, как преемник Барановского связавший себя с Болдином, видимо, уже до конца своих дней.

В фильме о П. Д. Барановском «Крест мой» (режиссер В. Ловкова) Александр Михайлович говорит: «Привезли его родители в Болдино на ярмарку. Встреча с творениями Федора Коня решила всю дальнейшую жизнь Барановского».

А вот как об этой решающей встрече с Болдином рассказал, со слов самого Петра Дмитриевича, Владимир Чивилихин: «Петру Барановскому было пятнадцать лет, когда отец привез его в Болдин монастырь на храмовый праздник Введения Богородицы. Тут стояла такая же, как в Рыбках, шатровая Введенская церковь, но выложенная до креста в кирпиче. Церковь-то закрыли по ветхости еще в пору отцовой молодости, а праздник остался — съехалось с окрестностей много народу, а у монастырской стены торговля шла всякой всячиной, гармоники заливались за прудом, карусели крутились, но сын как завидел огромный пятикупольный собор, так и замер.

— Помню, меня поразило,— говорил потом Барановский,— что купола выше сосновых куп... Как в этой крохотной деревеньке люди подняли такие громады камня под небеса и придали им красоту?..»

Болдино — часто встречающееся название на географической карте России. Встает перед глазами осенний среднерусский пейзаж, вспоминаются строки Пушкина, его плодотворнейшая болдинская осень в Нижегородской губернии.

Есть Болдино и в Подмосковье. Оно хранит память о первом русском историке Василии Никитиче Татищеве. Здесь им написана «История Российского государства», краеугольный камень, положенный в основание науки, зна-

чимость которой в наши дни проявляется с особой силой и остротой.

Бóлда в переводе с древнерусского — дуб. Символ вечности, крепости могучей корневой системы. Судьба, выходит, не слепа, если метит этим словом места столь именитые?

Болдино смоленское лежит обочь ленты Старой Смоленской дороги, соединяющей Дорогобуж и Вязьму. От Дорогобужа до Болдина пятнадцать километров. Да и до Москвы не так далеко — около трехсот. Известно Болдино с начала XVI века, когда облюбовал это «зело прекрасное» место на берегу небольшой речушки инок Герасим — ученик Даниила, духовника Василия III, крестного отца Ивана Грозного. «Московским апостолом» был Герасим в смоленских землях, отвоеванных у польско-литовских захватчиков при Иване III.

В 1500 году великий московский князь Иван III на реке Ведроше, что впадает в Осьму, почти рядом с Болдином, разбил польско-литовские войска и взял древнейшие русские земли под руку Москвы и православия. К Москве отошла исконно русская Северская земля — Чернигов, Новгород-Северский, Путивль.

В этих местах скрещивались две главные дороги глубокой древности — с севера на юг и с запада на восток. В средневековье здесь прошла татаро-монгольская орда. По Старой Смоленской дороге в 1812 году французы шли на Москву и бежали обратно. На важном историческом перекрестке основал инок Герасим, прозванный Болдинским, монастырь во имя Пресвятой Троицы, являющейся символом единения и мира. Не в глухих дебрях, чтобы скрыться от мира, а вблизи оживленной Смоленской дороги, был основан монастырь — форпост духовного самоутверждения Руси на западных границах Московского государства. В мае 1530 года был освящен деревянный Троицкий храм с приделом во имя преподобного Сергия Радонежского.

Монастырь стремительно возвышался, рос, укреплялся. К концу XVI столетия он представлял изумительный по своей цельности архитектурный ансамбль, включающий трапезную палату на высоких подклетах с шатровой церковью Введения, столпообразную трехъярусную колокольню и могучий Троицкий собор — вероятно, наиболее монументальное сооружение времен царя Федора Ивановича.

Монастырь стал некрополем для многих выдающихся

деятелей Русского государства, посланных для укрепления западных границ. Среди прочих знатных фамилий, сделавших крупные пожертвования в монастырь, встречается в его приходных книгах и фамилия Пушкиных. «Лета 7102 (1593) года сентября в 13 день Гаврила Григорьевич Пушкин дал на корм по своим родителях два рубля денег...» Это ведь корни, могучие корни русской истории!

Любознательный и настойчивый юноша Петр Барановский многое из того, что здесь сказано об истории Болдинского монастыря, вызнал в пору подготовки к поступлению в Московское строительно-техническое училище. Поехал он в Москву не с пустыми руками.

«У меня были зарисовки церкви в Рыбках и Введенской в Болдине,— вспоминал позже Петр Дмитриевич.— В те годы возбудился интерес к архитектурной старине, но считалось, что влияние национальной русской зодческой школы, характерной шатровыми верхами, не распространилось западнее Можайска, переместившись на Север. Когда в Московском археологическом обществе, объединившем любителей старины, показал я эскизы западных шатровых церквей, ученые мужи ахнули и написали мне поручительную бумагу с тем, чтобы я смог произвести в полном объеме обмеры болдинских древних сооружений. Сообщение об этом я сделал в декабре 1910 года, тогда же получил поручительное письмо Московского археологического общества, но дождаться лета терпения не хватило и на святки явился в Болдино с помощником, братом Иваном. Игумен изучил бумажку и разрешил войти в Введенскую церковь, которую никто не посещал тридцать лет. Она была пуста, только в углу стояла огромная старинная печь. На полу — снег, нанесенный через окна, и сквозные трещины. Смахнув картузом пыль с печи, увидел ослепительные краски изразцов. Это было потрясением! Красота сказочная и таинственная! Тут же с братом — за дело. Сколотили лестницы, собрали по деревне мотки вервья. Две недели, коченея на ветру и морозе, обмеряли ветхий памятник. Карнизы, разрушенные корнями трав, осыпались. Шатер был испещрен забитыми кирпичной трухой трещинами. Приходилось действовать осторожно, на ощупь. Закончив обмеры Введенской церкви, принялись за трапезную палату, примыкавшую к ней.

Удивительное, знаете ли, неповторимое явление. Одностолпная, сводчатая, с замечательным изразцовым декором и изразцовыми сверху донизу печами. Конечно, нечто подобное у нас есть, например, Грановитая палата,

но то в столице, во дворце, а тут — монастырская трапезная в глухомани!

Возвратился в Москву. Пришел на заседание Археологического общества. Развесил чертежи, рисунки, эскизы с обмерами. Прочел небольшой доклад. Представил первый в своей жизни проект реставрации. Через несколько дней получил приглашение прийти в Археологическое общество. Показывают бумагу о моем награждении и вручают премию в четыреста рублей пятирублевыми золотыми монетами. Для меня нежданная, огромная сумма, которую я всю положил в банк, как ни трудно мне тогда жилось. Весной купил фотографический аппарат с прикладом и поехал по России...»

Первым делом Барановский побывал в родных местах. В селе Рыбки сфотографировал и еще раз, капитально, обмерил ту самую деревянную шатровую церковь XVII века — свою первую любовь. Побывал в Вязьме, обмерил там архитектурный уникум церковь Одигитрии — трехшатровый храм (три многометровых каменных шатра в ряд на общих сводах, в России таких церквей не осталось, кроме угличской Дивной). В Одигитрии все уникально: основной кирпич — особый, длина — 30, ширина — 16, толщина — 8,5 сантиметра, детали кладки — 16 различных размеров и конфигураций — прошли специальную формовку и обжиг. По всему архитектурному объему красный кирпич промежает белый мячковский камень, по словам Барановского, «игрушка без единого отеса». Петр Дмитриевич считал, что по изяществу и мастерству каменных работ Одигитрия превосходит даже Василия Блаженного. До последних дней Одигитрия оставалась его сердечной привязанностью, и в поле зрения его были долгие годы реставрации этого выдающегося памятника.

В Вязьме же летом 1911 года он сделал обмеры и проект реставрации собора Ивановского монастыря. А летом 1912 обследовал, сделал проект и модель реконструкции Борисоглебского собора в Старице.

Окончив в 1912 году Московское строительно-техническое училище, он работает в качестве помощника архитектора на строительстве зданий и сооружений в Москве, Ашхабаде, Туле. Одновременно учится на заочном отделении искусствоведческого факультета Московского археологического института.

Первая мировая война на целых три года (1914—1917) отвлекла его от учебы. Он был мобилизован в 3-ю Инженерную дружину и служил начальником команды, строив-

шей укрепления на Западном фронте. Конечно же, это положение угнетало его, душа рвалась к тому, что было его призванием. В ходе переброски 3-й Инженерной дружины на разные участки Западного фронта подпоручик Петр Барановский ухитрялся в прифронтовых районах Белоруссии, Полесья и Волыни проводить исследования (обмеры, фотофиксацию) памятников деревянного зодчества, пытаясь в чертежах, эскизах, фотографиях сохранить бесценные образцы. Таким образом он основательно изучил более десятка памятников народного искусства XVII—XVIII веков в районах Минска, Слуцка, Пинска, Ровно.

В должности начальника строительной команды 3-й Инженерной дружины Барановский встретил революцию. Почти весь личный состав дружины самовольно разъехался по домам, а он опломбировал склады инженерно-строительного инвентаря и стройматериалов и наладил их охрану. Иначе он, человек долга, поступить не мог. Когда прибыли представители новой власти, он передал им под расписку спасенные от разграбления склады.

Весной 1918 года Петр Барановский с золотой медалью окончил Московский архивный институт и тотчас принялся за написание диссертации о памятниках Болдинского монастыря. Им был накоплен уже большой материал, сделаны важные открытия. В их числе такое: автор архитектурного ансамбля Болдинского монастыря государев мастер палатных, церковных и городовых дел Федор Савельев Конь. Единственный зодчий русского средневековья, который именовался столь торжественно и почетно, по заслугам. Федор Конь построил два грандиозных по объемам и высоким художественным достоинствам сооружения: Смоленский кремль и Белый город в Москве, возвел величаво-возвышенный столп Ивана Великого в Кремле. Впрочем, в биографии его больше загадок, нежели ясности, убедительной доказательности.

Преемник болдинских дел Барановского А. Пономарев пишет: «Автор архитектурного ансамбля монастыря, к сожалению, документально не определен, но можно верить интуиции первооткрывателя и первоисследователя памятников Болдина Петра Дмитриевича Барановского, который видел в них руку Федора Коня. Барановский говорил, что почерк Федора Коня невозможно перепутать с работой другого мастера, как невозможно перепутать стихи Пушкина со стихами его современников. Связь Федора Коня с Болдинским монастырем подтверждается

записями в монастырских приходо-расходных книгах, а подтверждение его непосредственного участия в формировании ансамбля требует дальнейших изысканий».

Как бы там ни было, но основательность стилистического анализа болдинских шедевров, архивные изыскания убедили таких авторитетных ученых, как В. К. Клейн и В. А. Городцов, в принадлежности авторства Болдинского ансамбля Федору Коню. Выданный молодому ученому почетный диплом как знак судьбы — Болдино пребудет с ним навсегда! Подобны звукам фанфар слова этого торжественного рескрипта: «Постановлением Совета Московского археологического института в заседании 15 октября 1918 года вольнослушатель института Петр Дмитриевич Барановский, прошедший полный курс наук археологического отделения, выдержавший устные испытания и успешно защитивший диссертацию под заглавием: «Памятники древнерусского зодчества в Болдинском монастыре», на основании Высочайше утвержденного 31 января 1907 Положения об институте, удостоин звания Ученого археолога, награжден медалью и зачислен в действительные члены института».

Полвека минуло, а Барановский по-прежнему с молодым задором рассуждал об авторстве Федора Коня.

«Удивительные находки, знаете, случаются. В 1923 году в шведских архивах были найдены приходо-расходные книги Болдина монастыря. Это исключительно важная находка, потому что она подтвердила, хотя опять-таки косвенно, мои догадки об архитекторе. Родился Федор Савельевич Конь в наших смоленских краях, под Дорогобужем, сын его в девяностых годах XVI столетия был казначеем монастыря. Федор Савельев Конь появился в Болдине около 1575 года. Его ссора с придворным Ивана Грозного Генрихом Штаденом, о чем есть документальные свидетельства, закончилась дракой. Мастер после этого исчез. Куда он делся? Пробрался в Болдинский монастырь и начал его обстраивать. Вознесся над лесом собор с громадной центральной главой и четырьмя поменьше, явились чудо-трапезная, колокольня в шестерик с огромными арочными проемами и шлемовидным завершением. Характер кладки, стилевые приемы, зодческий почерк в сочетании с документами и биографическими данными Федора Коня убедили меня в том, что именно он, этот великий русский зодчий, создал на своей родине еще один бессмертный памятник мастерства, искусства и духа, который уже при его жизни считался

лучшим архитектурным комплексом Московского государства... Белый город Федора Коня в Москве безвозвратно исчез, поэтому так важно было сохранить Болдинский монастырь. В начале двадцатых годов, когда я приступил к осуществлению проекта реставрации Болдинского ансамбля, он производил тягостное впечатление...»

Монастырь за три с половиной века претерпел многое: захват иноземцами в 1611 году в период польско-литовского господства на Смоленщине, превращение его в пристанище иезуитов до середины XVII века, надругательства наполеоновской солдатни, превращавшей храмы в конюшни.

Но, как говорит А. М. Пономарев, спадал едкий дым пожарищ, одевались сооружения монастыря в белоснежный известковый наряд, и вновь колокол благовестный созывал народ на ярмарки, проходившие в Болдине по престольным праздникам — на Троицын день летом и на Введение зимой.

Хозяйничанье иноземных захватчиков, почтенные годы, всяческие доделки и переделки старили, видоизменяли великолепные постройки Болдинского монастыря, они теряли свою былую стройность и величие. Введенская церковь и трапезная, у которых почти полностью сгнили дубовые стяжки-связи, в любой момент могли обрушиться. Барановскому не терпелось начать реставрационные работы по проекту, получившему одобрение авторитетного ученого совета, но разгорающаяся на просторах России гражданская война вынудила временно отложить начало работ в Болдине.

1918 год. После подавления массированным артиллерийским огнем вооруженного выступления левых эсеров в Ярославле этот чудный, сказочно-прекрасный город — русская Флоренция — лежал в руинах. Петр Дмитриевич пишет в «Автобиографии»: «В 1918 году я предложил свою инициативу Комиссариату имуществ республики, а затем Наркомпросу в организации исследования и сохранения памятников архитектуры города Ярославля, поврежденных в ходе подавления белогвардейского мятежа...» Благодаря Барановскому о масштабах трагедии памятников Ярославля узнали в Кремле. Эта беда свела П. Д. Барановского с И. Э. Грабарем, развернувшим в это время реставрационные работы в Кремле. Он включил Барановского в состав Кремлевской реставрационной

комиссии и через заведующего музейным отделом Н. И. Троцкую — жену всесильного председателя Реввоенсовета республики Льва Троцкого — помог добыть в военном ведомстве необходимые для консервационных работ в Ярославле брезенты.

Распоряжение о незамедлительных работах по спасению фресок Ярославля, по свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, было сделано лично Лениным. В августе 1918 года молодой энтузиаст реставрационного дела Петр Барановский выехал в Ярославль. Он обладал полномочиями руководителя работ по сохранению памятников и вез бесценный багаж — двенадцать большемерных брезентов. Барановский знал, что, если до осени не закрыть проломы в кровлях и сводах, знаменитые на весь мир ярославские фрески вымокнут и сползут со сводов и стен.

Пострадали от артогня кровля и своды особо богатых фресковыми росписями церквей Ильи Пророка и Николы Мокрого. В последней была повреждена галерея, выбиты несущие столбы. Барановский возродил выгоревшие и разбитые Митрополичьи палаты, провел комплекс сложных восстановительно-реставрационных работ по Спасскому монастырю.

В 1968 году в Ярославле шел суд над архитекторами-реставраторами, которые в результате преступной организации работ по замене кровли на церкви Иоанна Предтечи в Толчкове вымочили, погубили драгоценные фрески этого собора. На суде казенные радетели архитектурного наследия ярославской земли пространно толковали о плохом качестве кровельного железа (кровлю меняли дважды в течение десяти лет, и все это время на сводах стояли тяжелые леса, продавливающие тонкую жесть), а главное, о большом числе объектов реставрации. Выходит, было плохо то, что на ярославской земле много шедевров зодчества.

Больно было слышать обо всем этом Петру Дмитриевичу! Он за десять лет — с 1918-го по 1927-й — провел реставрацию десяти выдающихся памятников Ярославля, исследовал, обмерил, зафиксировал в фотографиях, частично отреставрировал или выполнил проекты восстановления и обновления ряда памятников древнерусского зодчества в Угличе, Ростове Великом, Мологе, а его «преемники» за десять лет сумели довести до гибели художественный ансамбль мирового значения. Ярославский судебный процесс состоялся через год после публикации в «Советской культуре» статьи Ю. Бычкова и С. Макарова

«Ярославские неурядицы», где во всей неприглядности предстало явное равнодушие и погоня за так называемой производственной выгодой двух руководителей Ярославских специальных научно-реставрационных мастерских В. В. Бессонова и Б. В. Гнедовского. В газету пришло множество откликов. Состоялась встреча с заместителем Председателя Совмина РСФСР В. И. Кочемасовым, который должен был возглавить создаваемое под напором раздраженной бесчисленными потерями интеллигенции Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Я выложил ему на стол несколько взволнованных писем ученых, известных художников — П. Д. Корина и других, пытаясь склонить его к принятию должных мер. Было ясно: если не остановить коновалов от реставрации, не считающих за искусство «какие-то фрески», то от русской монументальной живописи вскоре и следа не останется, о чем красноречиво говорили письма. Зампред при мне пригласил прокурора республики и указал провести по газетной публикации и письмам строгое расследование.

Это был первый в советской истории суд над губителями памятников, схватка двух противоборствующих взглядов: чуждого, потребительского: «этих ваших памятников у нас чертова прорва, подумаешь, фрески подмочили» — и радетельного, отеческого: «наш долг не только сберечь старину, но и вернуть поврежденную временем, скрытую от глаз красоту людям». Когда после процесса я вернулся в Москву и сел за статью «Суд в Ярославле», мне позвонил Барановский. Барановский, который слыл человеком легендарным, богом реставрации, как старого знакомого, расспрашивал меня о том, что было в Ярославле, благодарил за поддержку. Вспомнил, как все начиналось в 1918-м: «Будучи назначенным руководителем работ в Ярославле, я организовал там сперва реставрационную комиссию из местных знатоков старины, специалистов-строителей, а потом мастерскую. Первые четыре года был просто руководителем и исполнителем работ, последующие шесть лет — председателем реставрационной комиссии и научным руководителем».

Я не удержался и спросил, почему он не приехал в Ярославль на процесс, ведь на нем были многие его единомышленники, товарищи по борьбе против расплодившихся в условиях тоталитарного режима геростратов. В голосе Петра Дмитриевича зазвучали трагические ноты: «На Ярославле я поставил крест, когда тамошние варвары взорвали церковь Петра и Павла на волжском берегу.

А ведь она в 1922 году была отреставрирована мною и сияла божественной красотой. После этого я себе сказал: ноги моей там не будет... А что они писали! Послушайте. «Северный рабочий», 18 февраля 1932 года. Статья «Пролетарская диктатура в действии»: «Подлинно социалистическим, а не музеем церковных древностей должен стать Ярославль... Очистить площади и улицы города от «Варвар-великомучениц», «Симеонов Столпников» других церквей». От лозунгов — к делу. Из имеющихся в Ярославле 80 церквей в 1932 году в числе действующих было только 13. Как развернулись с помощью ГПУ! Кого на Соловки, кого в прорубь головой. Разуверились граждане, власти церкви позакрывали. Но вот досада — Главнаука мешает: «Все церковные здания считаются историческими памятниками, стоят на учете Главнауки». И на самом деле работа по восстановлению пострадавших в июле 1918 года ярославских церквей сопровождалась научным исследованием всего комплекса ярославской старины. Для меня было ясно: Ярославль — город-памятник. Все его церкви — шедевры или просто достопримечательности, которые следует беречь. В этом-то и состояла некоторая «трудность» для ярославских безбожников, пламенных большевиков. Иначе заложили бы динамит под все 80 церквей и — на воздух. Однако нет таких крепостей, которые не брали бы большевики. И вот как большевистская позиция была явлена в «Северном рабочем»: «С целью переоценки их (это о церквах да соборах речь ведут.— *Ю. Б.)* исторической ценности была составлена комиссия из представителей от общественных организаций Ярославля и двух специально приглашенных архитекторов сектора Главнауки Наркомпроса Барановского и Померанцева». «Представители общественных организаций», скажу я вам, были невежественны и злобны до крайности. Мы с Померанцевым, как могли, и научно, и по-народному, втолковывали этим врагам культуры, что Спасский монастырь особенно дорог великой русский нации, так как там в 1800 году Мусин-Пушкин обнаружил в древнем книгохранилище список «Слова о полку Игореве», что фрески церкви Ильи Пророка по своему художественному уровню не имеют равных, так как это вершина мирового монументального искусства второй половины XVII века. Мы говорили — они досадовали, почему нас, меня и Николая Николаевича Померанцева, еще в двадцатых не пустили в расход. Но дело к тому шло. Слушайте, что писали: «Ученые-архитекторы Барановский и Померанцев

не оправдали надежд ярославской общественности. Они вместо объективной оценки стали доказывать, что церкви Ярославля являются историческими памятниками и их необходимо сохранить.

Барановский и Померанцев протестовали против снятия с учета ряда музейных церквей, приведя весьма оригинальный и малоубедительный довод, что наличие памятников, то есть церквей древнерусской архитектуры, не помешает строительству будущего социалистического города, а наоборот, они только увеличат его ценность и культурное значение. «Ярославль представляет собой комплекс, выявляющий в общей истории искусства особо музейную ярославскую школу, дающую интересные образцы перелома развития стиля»,— говорят ученые в архитектуре».

Хотите знать, что еще изрекал «Северный рабочий» от имени советской общественности, приезжайте»,— заключил наш разговор Барановский.

Я подхватился и поехал к нему в Новодевичий. Еще раз прочитали вместе статью в «Северном рабочем». «Конечно,— говорил Барановский,— встречаются и сочувствующие культуре большевики, но дуболомы не перевелись: витебский партийный губернатор Мазуров приказал взорвать храм XII века; видите ли, место понадобилось под гостиницу, и взорвали. XII век взорвали!

А я, будучи работником Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений фашистов в сорок четвертом, этот храм выводил из тяжелого состояния — он в войну выгорел, стоял с побитой кровлей. От фашистов уцелел. Но в мирное время его взорвали втихую, ночью, пока город спал. Камень вывезли. Как бы и не было ничего».

Тут мы замолчали, как молчат при покойнике. Потом Барановский вновь принялся вспоминать, опять ярославское: «Тогда, в тридцать втором, с нами разговаривали, как с врагами народа, обвинения навешивали серьезные: до срока или до вышки было полшага. После наших с Померанцевым рацей в «Северном рабочем» объясняли трудящимся: «Ярославская общественность не может согласиться с такими аполитичными доводами. Она протестует против того, чтобы Ярославль оставался городом церквей, загромоздивших площади, улицы и проезды, мешающие превращению Ярославля из епархиально-купеческой колыбели в подлинно социалистический город». Это пострашнее Батыя с его ордой...»

Как тут не вспомнить недавнюю поездку в Ярославль в качестве попутчика академика Е. П. Велихова, у которого в бывшей «епархиально-купеческой колыбели» намечалась встреча с областным начальством. Поговорили о строительстве компьютерных предприятий, побывали на стройплощадках. И. А. Толстоухов (первый секретарь обкома) стал исповедоваться. Очень, говорил, переживаю, разрешат ли передачу Толгского монастыря епархии. Монастырь красоты неописуемой и в таком жутком состоянии! И секретарь показал нам руинированный советской властью архитектурный комплекс на левом волжском берегу. Как истый патриот-ярославец говорил он о непреходящей ценности этого известного по Руси духовного центра, заметив попутно, что понятие о красоте и величии получил с детства и именно здесь. Опять и опять возвращался тревожной мыслью в Москву: отдадут ли монастырь епархии... Накануне тысячелетия Крещения Руси — отдали. Возрождается, оживает Толгский монастырь. Как видим, есть сегодня подвижники идей, за которые бился в страшное время первых пятилеток П. Д. Барановский. Именно бился. Сознавая, что в Ярославле они с Померанцевым потерпели поражение от «общественности» в лице тамошнего ОГПУ, Барановский перенес свои надежды в Москву, где, как можно догадаться, и в рядах ученых уже не было того единства, которое необходимо было для отстаивания Ярославля как архитектурного комплекса мирового значения. Вчитайтесь в пугающие инквизиторской сутью строки «Северного рабочего», ужаснитесь тому, как из русских православных людей тоталитаризм творил стукачей, громил, выродков: «Особое мнение архитекторов Барановского и Померанцева рассматривалось в Москве 17 декабря на заседании совета Центральных государственных реставрационных мастерских Наркомпроса. (Их горячо поддержал историк архитектуры Сычев.) Очевидно, ученый не знал, что Ярославль теперь не тот, каким он его знал. Ярославль, несмотря на протест прокурора (вообразите дальнейшую судьбу этого сторонника права, законника в большевистской России.— *Ю. Б.),* весной 1929 года заставил замолчать церковный звон.

Ярославль имеет сорокатысячную армию безбожников, десятки и сотни ударных бригад безбожников, ячеек союза воинствующих безбожников, группы юных воинствующих безбожников. Ярославцы ведут борьбу за сплошной безбожный город...»

40 тысяч безбожников, притом воинствующих! Это

страшно. Но и семена, посеянные Барановским, взошли. Иначе вместо Ярославля мы имели бы «сплошной безбожный город».

Барановский писал в «Автобиографии» 1947 года: «В те же годы я был привлечен к педагогической деятельности в вузах. По окончании с золотой медалью Московского археологического института и защиты диссертации, я был оставлен при кафедре истории русской архитектуры и с 1919 по 1922 год читал эту дисциплину, состоя профессором ярославского отделения Московского археологического института». Сохранилась уличная афиша: «К сведению студентов Археологического института. Могут быть и все желающие. В среду 19 ноября профессор П. Д. Барановский прочтет доклад на тему: «Зодчество Ярославля». Начало в 19 часов вечера. О днях следующих докладов будет сообщено особо».

В Ярославле Петр Дмитриевич, конечно же, не только латал пробоины в храмах от артиллерийских снарядов и читал лекции, он возвращал древним строениям их первозданный облик. Необыкновенной красоты дворцом XVII века вышли из реставрации Митрополичьи палаты, прежде скрывавшие свою пышность за всевозможными пристройками, потерявшие свой изначальный декоративный убор. Взять хотя бы ту же церковь Петра и Павла — как похорошела она после восстановительных работ, проведенных под руководством Барановского,— или церковь Николы Рубленого!

Академик И. Э. Грабарь, говоря о рождении реставрационной науки, именно науки, а не шаманства, не вульгарных домыслов, не экспериментаторства на памятниках старины, отмечал особые заслуги Барановского в выработке методов и принципов восстановления подлинных архитектурных форм: «...Так же, как в живописи, основной смысл реставрации памятников архитектуры сводится к их охране, и здесь перед нами еще более настоятельная задача спасения памятника... Важно только не поддаваться соблазну архитектурных фантазий. По счастью, при многочисленных перестройках и переделках целых памятников или отдельных частей в большинстве случаев архитектор-археолог, обладающий долгим опытом, изучавший кладку разных эпох и наделенный архитектурной интуицией, всегда найдет на месте нового окна, пробитого или растесанного в недавнее время, точные следы древнего окна, скрытые под штукатуркой, и сумеет математически точно его восстановить. Таким архитектором-эрудитом

является у нас П. Д. Барановский, под непосредственным руководством которого произведены все работы по восстановлению разрушенных зданий Ярославля. Им разработана вся реставрационная методика, ее теория и практика, вытекающие из открытых им законов древнерусского строительства...»

Но, как говорится, все началось с яйца. Ярославский период труда Барановского на первых порах состоял в организации спасательных работ, и, как только в результате умело проведенных консервационных работ непосредственная угроза гибели фресок миновала, он отправился в родное Болдино и приступил к осуществлению давно намеченного. Вот что сообщает о болдинских трудах как первооснове крупных научно-практических открытий Барановского А. М. Пономарев, не раз обсуждавший с Петром Дмитриевичем вопрос, «как было на самом деле», основательно изучивший творческий путь своего наставника.

«В трудные 20-е годы П. Д. Барановским были проведены уникальные по своей новизне и научной дерзости реставрационные работы.

В самом тяжелом, можно сказать, в аварийном состоянии находилась Трапезная палата с церковью Введения. Кирпичный шатер, восьмерик и основание церкви были пронизаны трещинами. Вход в Трапезную палату и в церковь был запрещен ввиду опасности обрушения кирпичной кладки. Диагноз, поставленный П. Д. Барановским, был точен — нарушена конструктивная основа сооружения. Пустые полости в стенах восьмерика и четверика — это не вентиляционные каналы и не дымоходы, как считали прежде, обнаруживая подобные пустоты на древнерусских сооружениях, это каналы от сгнивших дубовых связей, предназначенных для восприятия распора от массивного шатра.

Требовалось незамедлительное восстановление конструкции основания шатра. Для обеспечения безопасности проведения работ восьмерик был «обвязан» деревянным срубом, который корсетом сжал кирпичную кладку. Очистка каналов от мусора требовала большого мужества и была не безопасной. Поэтому Барановский первоначально сам освоил и опробовал приемы работы и только после этого выбрал из болдинской детворы наиболее ловких и смелых мальчуганов, которые буквально с головой залезали в каналы, очищая их от остатков сгнивших дубовых брусьев, кирпичного и известкового

мусора. Мужчины эту работу выполнить не могли ввиду небольших размеров каналов. После расчистки в каналы заводились металлические прутья, а пустоты забивались раствором. Таким образом восьмерик и четверик Введенской церкви были укреплены внутренним железобетонным каркасом. Новое, весомое слово в методике научной реставрации памятников архитектуры!

Только после укрепления конструкции приступает П. Д. Барановский к восстановлению утраченных декоративных элементов Введенской и примыкавшей к ней восточной стены Келарской палаты. С величайшей точностью (не по аналогии, а на основании исследования раскладки кирпичей) был восстановлен карниз Келарской палаты и кокошники в основании шатра. При выполнении этих работ впервые был применен метод, предложенный П. Д. Барановским,— восстановление стесанных декоративных элементов, выложенных из кирпича, по «хвостовым» частям кирпичей. Этот метод базируется на стандартности размеров кирпича. Пользуясь размером кирпича в качестве модуля, Барановскому удалось с высокой степенью точности восстановить растесанные оконные проемы Трапезной палаты. Таким образом, в Болдине впервые в реставрационной практике были применены новые методы, ставшие азбукой научной реставрации памятников.

Все работы были проведены успешно и качественно, а залогом тому стало то, что Петр Дмитриевич был автором проекта и научным руководителем, и прорабом, и каменщиком когда надо.

И рабочих в то время не надо было привозить в Болдино. С избытком хватало местных мужиков, умевших и топор держать в руках, и мастерок, и кельму. Отбирались самые достойные — работать у П. Д. Барановского считалось большой честью, да и оплата была весомая — дневной заработок хорошего мастера равнялся стоимости 16 пудов ржи.

В Болдине впервые проявился во всей широте подход П. Д. Барановского к реставрации памятников, который в дальнейшем прослеживается во всех его работах. Он не впадал в мелкий ремонт и косметические работы, а сразу выбирал первоочередные работы во спасение и сохранение памятников.

Поражает широта охвата изучаемой проблемы. Параллельно с реставрационными работами на территории монастыря под руководством П. Д. Барановского начи-

нает формироваться музей, основу экспозиции которого составили исторические материалы, церковная утварь, изразцовые печи XVII и XVIII веков и деревянная скульптура Верхнего Поднепровья, собранная М. П. Погодиным[1]. Экспозиция была развернута в палатах подклета Трапезной, а на территории, прилегающей к монастырю, формировался музей под открытым небом (в Болдино была переведена из села Усвятье деревянная церковь XVII века) — новое слово в музейной работе в нашей стране, продолженное затем в Коломенском под Москвой».

В стремлении разобрать по этапам жизнь и деяния Барановского постоянно сталкиваешься с сопротивлением этому намерению биографического материала, обильного по свершениям и чрезвычайно скудного сведениями о характере бытия этого настоящего героя нашей тяжелейшей эпохи. Изредка всплывает из прошлого деталь, столь ярко характеризующая этого фанатически преданного делу реставрации человека, чтобы понять его враз и до конца.

Трудовое долголетие поражало всех, кто работал с ним рядом. На расспросы любопытствующих, в чем тут секрет, он отвечал: «Да никаких секретов. Я никогда не курил и не пил, мало спал, умеренно питался, иногда сырой крупой... Заработаемся, бывало, без обеда, часов до десяти-одиннадцати — кирпич плывет в глазах. Смотрим с помощником-каменщиком — ничего нет, кроме пачки пшена. Рассыплем по ладоням и жуем... Да, да, случалось, питался и так. А иногда святым духом... Имею в виду тот душевный запал, который необходим для всякого большого дела. Мне нужны лишние года. И я всегда хотел раздвоиться, растроиться, раздесятериться, чтобы успеть побольше сделать».

Дорого ему это желание обойдется. До сих пор недоброжелатели распускают слухи, что он, дескать, выскочка, всего-навсего окончивший трехмесячные курсы не то каменщиков, не то штукатуров. Когда готовилось решение Моссовета о мемориальной доске на доме, где жил Петр Дмитриевич, сколько довелось претерпеть дочери его Ольге Петровне оскорбительного из-за включенных в текст слов «выдающийся ученый». А между тем в 27 лет он уже

---

[1] Старинное оружие, археологическая керамика, скрытые в культурном слое следы жизни далеких предков. В верховьях Днепра — множество городов, в связи с чем скандинавские саги говорят о нашей прародине как о Гардарике — стране городов. Это льстило чувству патриотизма Барановского, и он частенько вспоминал легенду о Гардарике.

был профессором, возглавившим кафедру в Ярославском отделении Московского археологического института. В 1920 году Московское археологическое общество избирает его своим членом-корреспондентом. В 1922 году корифей археологической науки профессор В. А. Городцов пригласил его читать в МГУ курс археологической топографии и обмера памятников. В 1919 году он назначается старшим научным сотрудником Академии истории материальной культуры и ведет большую научно-теоретическую работу. О том, как умел Барановский сливать воедино теорию и практику, выводить из практики важнейшие для дела реставрации теоретические положения, строя фундамент науки, уже кое-что сказано, и в дальнейшем это будет стержнем повествования о его жизни.

«Настоятельная необходимость в охране архитектурных памятников,— говорил Барановский,— заставляли отдать все силы на служение этому делу и потому не хватало времени думать о чем-либо ином. По этой причине с 1923 года я оставил по личному желанию свои педагогические занятия в вузах, работу в Академии истории материальной культуры...» Заметим — рано оставил, из-за чего в старости много претерпел,— бумажки и «корочки» потерялись в дали времен.

Но тогда его целиком захватила масштабная практическая работа архитектора-реставратора.

В Болдине он ведет дело с завидным размахом, одновременно укрепляя новыми, им изобретенными приемами обветшавшие за три с половиной столетия постройки Федора Коня, одним словом, небывалый разворачивая историко-краеведческий, этнографический, художественный музей, изучая и описывая ни на что не похожие местные болдинские изразцы. В Ярославле и по всей Ярославской губернии — в Мологе, Угличе, Ростове Великом, селе Елизарове исследует, обмеряет, фотографирует, реставрирует, ведет архитектурный надзор за рядом выдающихся памятников. В Москве при обследовании Спасского собора Андроникова монастыря обнаруживает белокаменную кладку начала XV века, времени иночества Андрея Рублева, а став в 1920 году участником Северо-Двинской экспедиции Грабаря, посетил в сентябре 1920 года Архангельск, Заостров, Николо-Корельский монастырь, Нёноксу, Лисеостров, Уйму, Левлю, Утостов, Холмогоры, Панилово, Кривое, Ракулы, Ситский монастырь,

Хаврогоры, Моржегорье, Репаново, Березник, Осипово, Корбалу, Ростовское, Челмохту, Конецгорье, Кургоминье, Тулгас, Топсу, Троицу, Сельцо, Заостровье, Телегово, Сольвычегодск, Верхнюю Уфтюгу, Нижнюю Уфтюгу, Черепково, Пермогорье, Белую, одним словом, все или почти все города, селения, монастыри по Беломорскому берегу и берегам Северной Двины от устья до верховий великой северной реки. Петр Барановский выносит из этого путешествия ощущение встречи со сказочной красоты страной и непреходящую боль и тревогу за судьбу деревянной архитектуры Русского Севера, которая вследствие крутых мер против священства оказалась в большинстве случаев бесхозной, разворованной, разграбленной.

Экспедиция проводилась сразу же после гражданской войны и имела целью установить убытки, причиненные интервентами на Севере. (Советская печать тогда вопила на весь свет: «Ах, интервенты, ах, варвары, сгубили памятники», а власть с молчаливой ухмылкой наблюдала за разрушительной работой своих доморощенных вандалов.) Барановского включили в состав экспедиции по настоятельному требованию Грабаря, после доклада, сделанного им 1 августа 1920 года в ученом совете Государственных реставрационных мастерских, «О научных задачах организации музея русского деревянного зодчества на открытом воздухе в Коломенском». Где истоки этого музея? Конечно же, в Болдине. Барановский перевез на территорию монастыря из села Усвятье обреченную на слом деревянную церковь XVII века. С молодых лет мыслящий широко, всеохватно, в общероссийском масштабе, он понимал, что Болдино не то место, где постоянно будет толпиться народ, дивясь красоте древнерусской народной деревянной архитектуры. А вот бывшая царская резиденция Коломенское на высоком берегу Москвы-реки — другое дело. Это место знает весь мир.

Вспомним восхищение французского композитора Гектора Берлиоза «чудом из чудес» — храмом Вознесения в Коломенском: «Все во мне дрогнуло. Это была таинственная тишина. Гармония законченных форм. Я видел какой-то новый вид архитектуры. Я видел стремление ввысь...» И то, что некогда исчез с лица земли деревянный дворец Алексея Михайловича, для Барановского — аргумент в пользу размещения в Коломенском памятников деревянной архитектуры: свято место пусто не бывает. Грабарь, обожавший талантливого молодого ученого, горячо поддержал Барановского. Работу в Болдине и Ярос-

лавле он попросил его прервать и собираться в путь.

Здесь самое время сказать об их духовной близости и глубине различия в понимании жизненных принципов да и жизненных дорог. Фигурально выражаясь, один — пшеничная сдоба, другой — ржаной ломоть. Игорь Эммануилович европейски образован, фантастически трудолюбив, редкостно удачлив. Он всегда наверху, во главе. Барановский, учившийся на скромные крестьянские трудовые доходы, силен не столько объемом книжных знаний, сколько природной талантливостью, поразительной интуицией. Общее у них — понимание исключительной одаренности русского народа в строительном деле. Грабарь называет Россию страною зодчих, и он прав. Грабарь воспринимает совершающуюся у него на глазах революционную драму преследуемых масс и преследующих их чекистов как некий безразличный для него фон, от которого он абстрагирован, отделен невидимым стеклом. Он внешне лоялен новой власти и в то же время — нейтрален. Он — над схваткой, временами наивен — ему так удобней. Разве не об этом говорят строки из письма Игоря Эммануиловича жене из Архангельска 6 сентября 1920 года?

«Милая Валюшка!

Белортран, несмотря на желание пойти нам навстречу, за отсутствием пароходов, не мог нам предоставить ничего большего, как маленький пароходик, отправляющийся на Соловки особым отделом ЧК. Сильный ветер и качка, а на пароходе нет кают, и нам надо было быть на палубе целые сутки... От этого удовольствия мы отказались (Еще бы! В Архангельск он ехал в международном спальном вагоне.—*Ю. Б),* тем более, что сведения Георгиевского о Соловках неверны. Остров и монастырь превращены в грандиозный концентрационный лагерь не только для Архангельского района, но и для Москвы, откуда целые партии бандитов препровождаются...»

Прерву цитату. Препровождаются «бандиты» вроде Павла Флоренского?.. Игорь Эммануилович стремится обеспечить необходимый для занятий искусством комфорт:

«Я составил новый план: сесть на пароход, который был уже подан через четыре дня по прибытии в Архангельск (первые два дня мы потеряли из-за двух праздников — успения и воскресения, хотя это время ушло на ознакомление с музеями, подотделом искусств и т. п.), и отправиться для обследования Двинской дельты и Белого моря — Николо-Корельского монастыря с знаменитыми деревянными воротами и оградой и Нёноксы с пятишатровым деревянным храмом. Николо-Ко-

рельский монастырь современен Соловецкому монастырю (XIV—XV века) и обещал богатую жатву, которую мы и нашли. Оказалось множество икон XIV—XV веков первостепенной важности. Не меньше оказалось их и в Нёноксе, где имели свои солеварни монастыри: Соловецкий, Николо-Корельский, Кирилло-Белозерский, вносившие сюда частые вклады... Только эти пять памятников (два храма в Корельском монастыре и три деревянных церкви в Нёноксе) заключают достаточно материала, чтобы превратить Архангельский музей, до сих пор чепушистый и тупой, в первоклассный музей древнерусского искусства, а ризница Архангельского собора заключает такой материал по эмали и шитью, какого немного и в Оружейной палате... Пока мы устроили в соборе музей, чрезвычайно эффектный: в дальнейшем, я полагаю, это надо будет передать Архангельскому музею, когда мы его организуем. Но с ним беда: здешний губисполком, состоящий из очень симпатичной молодежи, дельной и энергичной, как водится, не придает никакого значения задачам чисто культурного строительства. Прежнее древнехранилище свернуто и передано в очень плохое...

Завтра идем вверх по Двине, докуда нас пустит вода. Все идет очень хорошо...»

Все идет лучше некуда... Сегодня мы знаем, сколь преуспела в уничтожении памятников русской культуры эта самая «симпатичная молодежь, дельная и энергичная».

Было намерение пройти по Пинеге, исключительно богатой памятниками, о которых науке практически мало что было известно. Но... вода не пустила. Осеннее мелководье. Грабарь отложил экспедицию по Пинеге на 1921 год; однако вторая северная экспедиция была осуществлена в одиночку... П. Д. Барановским. Вот его рассказ об этом.

«Я вез с собой три пуда соли. Деньги в ту пору на Севере да и по всей России ничего не стоили. На соль же можно было выменять хлеб, нанять подводу или лодку, рассчитаться с рабочими.

Меня интересовали деревянные шатровые храмы, предтечи каменного храма Вознесения в Коломенском, о которых летописец сказал: «Бе же та церковь вельми чудна высотою и красотою, и светлостью...» Я не сомневался, что зодчий, воздвигший Вознесение, взял за образец северный деревянный шатер. В прибрежных селах по Пинеге оказалось столько церквей «чудных вельми», что я решил во что бы то ни стало пройти по реке до самых верховьев. Приезжаешь в село, а там две-три шатровые церкви-красавицы, трехэтажные дома-хоромы, мельницы-крепости — и все это первоклассные шедевры зодчества. Строили северяне

так, чтобы самим всю жизнь красотой любоваться и чтобы внукам завет оставался.

Обратный путь с верховий до села Пинега, где я едва успел на последний пароход, уходивший на зимовку в Архангельск, прошел в лодке с проводником, местным жителем. Страшно даже вспомнить то путешествие. Мой проводник — местный житель, согласившийся за пуд соли быть кормчим, долго, видно, потом вспоминал меня. Поездка эта нам обоим чуть ли не стоила жизни. Вначале плыли хорошо. Потом ударили холода. Плыть стало трудно. Светлого времени было мало, мы все время рисковали разбиться на порогах. Пинега к устью стала широкой. Деревень на берегу не было видно, и нам негде было обогреться и пополнить съестные припасы. Да еще беда — стали мучить нас галлюцинации. Однажды к вечеру плывем, а впереди высокий крутой берег. Голодные, глаза слипаются от усталости, сами окоченели от холода. И вдруг мне почудились огни деревни впереди. «Гляди,— толкаю я своего кормчего,— деревня!» Тот напряженно вглядывался и заревел от радости. Ломая прибрежный лед, мы с трудом пристали к берегу. Выскочили из лодки и, перегоняя друг друга, бросились вперед. Бежим, оглашая лес тяжелым дыханием и треском сучьев, а огни все дальше и дальше уходят от нас. Понял я тогда, что это обман зрения. В лесу мы могли потеряться и замерзнуть. Собрал я остатки сил и еле смог уговорить моего обезумевшего спутника вернуться назад. У него совсем уже не было сил. Мне пришлось погрузить его, как куль, на дно лодки, и плыть вперед. Эту ночь я никогда не забуду.

Приплыли мы в Пинегу с последним гудком парохода, отдавшего швартовы. Казалось, больше на Север меня не заманишь никакими калачами. Однако все в жизни пропорционально интересу. Не утерпел я и на будущий год опять поехал в экспедицию по северным деревням. Ничего не знаю чудеснее русской деревянной архитектуры!»

В составленном им в 1962 году на всякий случай «Перечне научных исследований, экспедиций, археологических раскопок, обмеров, фиксаций и проектов реставрации памятников архитектуры, выполненных архитектором-реставратором П. Д. Барановским», есть лаконичная запись: «1921 год. Выйско-Пинежская экспедиция по памятникам народного деревянного зодчества, проведена единолично по рекам Вые и Пинеге с исследованиями и обмерами в селах Вершина, Малопинежье, Выя, Сура, Чухченема, Кеврола, Пиринема, Чакома, Поча Пинега,

Вонга, на Усть-Выйском погосте и др.». И — печальное примечание в крайней правой колонке перечня: «Большинство не существует». Позволю привести еще три строки «Перечня», чтобы яснее было, что́ не существует ныне, а в двадцатых годах нашего страшного столетия еще стояло на земле: «Храм деревянный Выйского погоста, год постройки — 1600, Сольвычегодский район Вологодской области. Обмер и проект реставрации. Не существует».

Храм был воздвигнут триста лет назад верой и во имя веры. И вот веру у народа отняли — грубо, насильно, варварски. Топили в прорубях, расстреливали, заключали в концлагеря священников, жгли священные книги, иконы, сбрасывали наземь колокола, разоряли храмы Божьи. К чему это привело? Одичавшие люди — председатели колхозов, охотники и туристы, лишенные облика человеческого запойные пьяницы — рушили дивной красоты деревянные храмы бульдозерами, разжигали костры на деревянных полах деревянных двухсот-трехсотлетних храмов. И раньше случалось — подожжет храм молния, или все село вместе с храмом спалит летний пожар. Но вера поднимала из пепла храм, краше прежних восставали на высоких берегах привольных северных рек крестьянские хоромы. А тут, при советской власти, семьдесят с лишним лет — одна безнадежность.

Разорение и потравы заметны на Севере уже с самых первых лет советской власти. Барановский ясно представлял себе «возможности» союза безбожников, во главе которого стоял Миней Израилевич Губельман (Ярославский), он не заблуждался — изведут все под корень. Сегодня, итожа «успехи» советского периода, можно сказать, он был близок к истине: чудом сохранилось 10—15 процентов памятников деревянного зодчества Русского Севера.

Особенность характера Петра Дмитриевича — крестьянское упорство, постоянный поиск выхода из немыслимых положений, изобретательность. По́нимая, что хрупкая красота северных рубленых храмов, после того как в абсолютном большинстве были изгнаны их хранители — священство и верующие, подвергается смертельной опасности, он увидел возможность их спасения (спасения деревянной оболочки храма, архитектурной идеи) в концентрации памятников деревянной архитектуры в заповедниках, куда их предстояло свезти из труднодоступных мест.

Думается, мне позволительно включить в повествова-

ние о трудах и днях великого подвижника свое первое впечатление от разговора с Барановским о Коломенском. Итак, моя дневниковая запись.

1968 год. Декабрь. Поздний вечер. Я у Барановского. Старика жалко. Выглядит он больным, потерянным. Петр Дмитриевич хорошо себя чувствует, когда занят практической работой. Кабинетная жизнь тяготит его, изнуряет. Звонит телефон, он поднимет трубку и, не давая слова сказать тому, кто, видимо, хочет поддержать его, начинает говорить монотонно, скрипуче, так, словно зимний ветер раскачивает надломившийся сук старого дерева. Тот, с кем он говорит, конечно же, знает житие Барановского, и сквозь печальные ноты старческого ворчания ему слышится и видится иное — солнечная сущность этого фанатика-подвижника, блистательного ученого, наделенного небывалой интуицией мастера.

А я, слушая бесконечный монолог, прикидываю, как бы, не обидев Барановского, завести разговор о том, что он в последнее время отстранился от своего детища — заповедника «Коломенское», а между тем бездарная типовая застройка, подступая рядами и шпалерами девятиэтажек, рушит заповедник, грозя покончить с ним.

— Как я могу забыть Коломенское? — вскидывается Петр Дмитриевич.— Как могу выбросить Коломенское из сердца и из головы? Ведь у меня и мама там похоронена, и сердце мое там...

Слушая печальные восклицания старика, я пытаюсь представить, как пятьдесят лет назад весело звенели топоры на крутом берегу Москвы-реки — ставились леса вокруг величавого шатра церкви Вознесения под бодрящие возгласы артельщика: «Раз-два — взяли!» — собирали мужики-плотники из матерых, в два обхвата, потемневших от времени лиственничных бревен циклопические венцы срубленной русскими людьми еще в семнадцатом веке медоварни. Ее в разобранном виде привезли тогда из Преображенского — тоже царского села.

То на лесах в поднебесье, то на зеленом лугу близ Приказных палат Алексея Михайловича, где было отведено место для медоварни, майский ветер развивает русые кудри стройного, легкого на ногу хозяина большого, небывалого предприятия. В Коломенском, бывшей царской загородной резиденции, молодой ученый, старший научный сотрудник Академии истории материальной культуры Петр Барановский созидает музей под открытым небом. Он сам писал об этом так:

«В 1922 году мною в практической плоскости был поставлен вопрос о необходимости организации в нашей стране музея архитектуры как наиболее действенного средства познания и пропаганды, могущих решительно содействовать задачам охраны памятников зодчества. Основанием будущего музея я предложил считать историческую усадьбу «Коломенское» под Москвой с ее знаменитыми памятниками мирового значения.

Будучи директором организованного по этому предложению музея, я в течение десяти лет был занят реставрацией храма Вознесения (XVI век) в с. Коломенское, храма Иоанна Предтечи (XVI век) в с. Дьяково, дворцовых палат (XVII век), собиранием и систематизацией предметов материальной культуры и фрагментов архитектуры древних веков. Кроме того, я поставил там и впервые у нас в стране осуществил идею сосредоточения под открытым небом подлинных памятников деревянного русского зодчества, лишившихся своего функционального содержания и стихийно разрушавшихся. Шесть переведенных с Белого моря и других мест памятников положили основу «Русскому Скансену» (в отличие от шведского) в Коломенском. Наконец, в экспозиции музея «Коломенское» впервые получили отражение задачи изучения и показа древнерусской строительной техники».

В 1926—1927 годах он проводит обследование памятников архитектуры близлежащих уездов Московской губернии— Бронницкого, Дмитровского, Подольского, Коломенского с целью сбора вещественных памятников в музей «Коломенское». Как свидетельствует старейший московский искусствовед В. Н. Москвинов, «в музее в Коломенском — «архитектурные фрагменты», останки множества московских зданий разных веков, их собирал на месте крушения П. Д. Барановский и на свои средства свозил в Коломенское».

Приведу зафиксированные Барановским в «Перечне» свершения по сбережению огромного художественного опыта «России — страны зодчих». Только один год — 1928-й. Началось тотальное уничтожение русской культуры, национального уклада жизни. Тяжелый маховик совпартвласти, запущенный для слома тысячелетней Руси, набирает обороты. Ломаются храмы и монастырские комплексы, ломаются судьбы миллионов людей, разрушается, перемалывается в прах сложившийся в веках образ жизни крестьянского в своей основе народа, уничтожается, режется под корень расцветшая, обретшая в канун 1917

года силу национальная интеллигенция, идет физическое истребление православного священства, множится число концентрационных лагерей, и в этих трагических обстоятельствах бесстрашный, не сомневающийся в своем предназначении Мастер бросается в огонь, чтобы извлечь из всеуничтожающего пламени забвения то заветное, без чего в будущем, когда минет угар разрушительного помешательства, народу не обрести духовно-творческой национальной самобытности.

Итак, год 1928-й.

«Вологодские монастыри — Комальский, Павло-Обнорский, Каменный и Прилуцкий. Осмотр и фотофиксация. Примечание: три первые монастыря не существуют. Ворота Павло-Обнорского монастыря с резными деревянными столбами (1654 г.). Обмер, проект их реставрации, вывоз в музей «Коломенское».

Медоварня Преображенского дворца деревянная. Вывоз в музей «Коломенское».

Николо-Мясницкая церковь (XVI в.). Обмер и исследование в процессе разборки здания. Найдена коллекция каменных подсвечников (XV в.). Фиксация памятников, обработка материалов.

Село Донково, храм деревянный 1722 г. (Клинский уезд Московской губ.). Обмер, фотофиксация и вывоз деталей в музей «Коломенское» перед разборкой памятника».

Он создавал музей, полагая, что, вникая в сущность творческих устремлений русских людей в прошлом, современники, а затем потомки начнут различать, что был свет и что есть тьма.

Надежды и упования Барановского были не беспочвенны. «1931. Выставка «Техника и искусство строительного дела в Московском государственном музее «Коломенское» с отделами: камень и кирпич, дерево, железо, слюда и стекло, строительная керамика, резное дело в архитектуре, строительный рисунок и чертеж. В связи с этим многочисленные детали памятников архитектуры из разных мест РСФСР. Примечание: сохранилась только часть экспозиции».

Свидетельствую: когда в середине пятидесятых я попал в Коломенское и впервые увидел сохранившуюся часть выставки Барановского, окончательно укрепился в зодческом гении моего народа.

Организованная Барановским в те далекие годы выставка «Техника и искусство строительного дела в Московском государстве XVI—XVII веков» на долгие годы ста-

ла постоянной музейной экспозицией. Ничего подобного по количеству и ценности реликвий древности до сих пор никому не удавалось поднять из недр истории, подобрать на месте крушения и развернуть для обозрения. Это уже в последнее время ее изрядно разорили, разобрали.

В результате реставрации в двадцатых годах храм Вознесения обрел первозданный облик свой, о котором летописец, современник этой постройки, отозвался восторженно: «Бе же церковь та вельми чудна высотою и красотою и светлостью, такова же не бывала прежде сего на Руси».

Укоренился под сенью вековых деревьев Коломенского заповедника заложенный П. Д. Барановским Музей деревянной русской архитектуры. Такие музеи созданы и создаются в Костроме, Нижней Синячихе на Урале и на Волге под Нижним Новгородом, в Иркутске и Суздале, в Юрьеве-Польском и Новгороде, в Вологде и Малых Корелах близ Архангельска.

Свозить — не свозить — десятилетиями спорили ученые и публицисты, а памятники рушились и горели по всей необъятной России сотнями, тысячами. Барановский, думается, не хуже иных пламенных защитников подлинности места и времени создания шедевров из дерева понимал, что на своем месте памятник впечатляет куда больше, чем в заповеднике, но ему была так же ясна угроза потери исполненного в дереве архитектурного наследия, и он предпочел действенные меры спасения надежде на авось.

Коломенское. Здесь воплотилась въявь творческая мысль Барановского о музее-заповеднике. Это бриллиант в короне русской истории. Многие его грани засверкали благодаря талантливым рукам Мастера. Кто хоть сколько-нибудь привязан к истории древней русской столицы, любит бывать в Коломенском. Там одинаково хорошо и в пору июньского травостоя, и в дни осеннего листопада, и когда пуржит алмазной пылью февраль, и когда цепляет апрельскую небесную просинь шатер храма Вознесения. Пристрастившись к Коломенскому, уже и не представляешь, как — без него.

Только в Коломенском можно перенестись в XVII век, оказаться в Приказной палате времени царствования Алексея Михайловича, где все так неподдельно, что кажется: вот сейчас в сводчатой дверной нише появится слегка согбенная фигура нашего бородатого предка — приказного дьяка.

Три года ушло на реставрацию и музеефикацию. С

1925 по 1928 год Барановским выполнен обширный комплекс работ. Приказные палаты, отданные в советское время под конюшни, освобождены. Проведены исследования, обмеры, раскопки, восстановлен в своей первозданности бытовой интерьер Приказов.

В Коломенском прошло детство Петра Великого. Восстановить разобранный в конце XVIII века (по ветхости) деревянный царский дворец постройки 1667—1670 годов (восьмое чудо света) не представлялось возможным. Барановский провел раскопки и исследования фундаментов, выявил топографию всего комплекса, подсобных сооружений. В ходе работ в земле он обнаружил множество печных изразцов (давняя его любовь!), дверных завес, оконниц и прочих следов былого величия. Он позаботился о создании макета дворца, который теперь каждый может увидеть в экспозиции Музея архитектуры имени А. В. Щусева в Москве. Барановский на свой лад отдал дань уважения личности Петра I. Из Архангельска, где старину крушили с особой большевистской энергией, он перевез домик Петра, который был обречен на снос. Петр Дмитриевич считал чудом то, что ему удалось перевезти эту историческую реликвию в Москву. И вот сегодня, в Коломенском, шагнув за порог незатейливого бревенчатого дома, оказываешься в кабинете Петра Великого. Минута — торжественная, волнение — небывалое!

В Коломенском все еще зеленеют редкими корявыми ветвями шестисотлетние дубы — сверстники Куликовской битвы, ровесники Андрея Рублева. Коломенское для утверждения в каждом из нас патриотического чувства столь же влиятельно, как Московский Кремль, как «Война и мир» Толстого, как поэзия Пушкина.

В Коломенском родилось и воплотилось в реальность то, что зачиналось в Болдине. В «Перечне трудов» Барановского 1919—1927 годами датированы реставрация Троицкого собора, колокольни, шатрового храма, трапезной, организация историко-художественного музея в Болдинском монастыре. Болдино было лабораторией, где впервые на практике проверялись догадки, гипотезы, предположения.

Осенью 1922 года в Московском архитектурном обществе П. Д. Барановский выступил с докладом «Применение деревянных связей в древней архитектуре и новый способ укрепления их разрушенных конструкций по опыту, примененному в 1922 году в Болдинском монастыре». В 1923 году в селе Усвятье под Дорогобужем он проводит ис-

следование, фотофиксацию и обмер деревянного храма постройки 1658 года. Богослужение в храме было большевиками насильно прекращено, и замечательный, редкостный для Смоленщины памятник подвержен опасности. Барановский получает разрешение на разборку и перевозку церкви для сохранения ее в Болдинском монастыре.

Летом 1924 года перевозка состоялась. Оставалось заложить фундамент и собрать храм на новом месте, однако мечте Барановского не суждено было сбыться. Многое, да что там — все, что затевал Петр Дмитриевич в Болдине, было погублено. В 1986 году А. М. Пономарев написал историческую справку «Болдино Смоленское». В момент работы над справкой гласность еще о себе не заявляла, и Александр Михайлович недоговаривает что-то важное: «Параллельно с реставрационными работами на территории монастыря под руководством П. Д. Барановского начинает формироваться музей, основу экспозиции которого составили исторические материалы, церковная утварь, изразцовые печи XVII—XVIII веков, деревянная скульптура Верхнего Поднепровья, собранная М. П. Погодиным. Экспозиция была развернута в палатах подклета Трапезной, а на территории, прилегающей к монастырю, формировался музей под открытым небом — новое слово в музейной работе нашей страны, продолженное затем в Коломенском под Москвой.

К сожалению, в конце 20-х годов был нарушен прогрессивный ход культурного строительства в стране...»

Посмотрим повнимательнее на развитие событий в первые десятилетия после переворота.

1918 год. Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. По видимости — прогрессивная акция. На деле — стремление создать в России, окрепшей на идее христианства, мировой оплот атеизма. «Историю, как известно, не перепишешь. Но, думаю, общество развивалось бы иначе, не будь в числе первых принят советской властью декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви,— считает Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II.— Вся европейская цивилизация эволюционировала на нравственных принципах христианства... Возможно, мы не оказались бы свидетелями весьма печальных итогов, не объяви победивший пролетариат в первые же послереволюционные годы несовместимость своей идеологии с религией. Именно тогда была, мне кажется, совершена одна из трагических ошибок».

Тоталитарный режим насилия, пролетарская (если бы пролетарская!) диктатура не ограничились отделением церкви от государства, начался процесс ограбления и физического уничтожения церкви и церковнослужителей, целенаправленное разрушение тысячелетнего фундамента христианской в основе своей культуры русского государства. Татаро-монгольское иго — это все-таки веротерпимость. Большевизм — это нетерпимость к свободе любого вероисповедания. Каким кощунством было постановление Совнаркома о вскрытии святых мощей, лишение священства гражданских прав! Апогеем насилия стал декрет ВЦИК от 23 февраля 1922 года «Об изъятии церковных ценностей в целях получения средств для борьбы с голодом». К моменту принятия декрета церковь, начиная с переворота 1917 года, несколько лет грабили и разоряли. Фактический руководитель этих акций Троцкий признавался: «Из всех обстоятельств дела вытекает, что главные церковные ценности уплыли за годы революции. Осталось только громоздкое серебро...» А Патриарх Тихон уже летом 1921 года, а затем в начале февраля 1922 года, призывал паству и клир оказать помощь голодающим всеми возможными средствами, в том числе жертвованием церковных драгоценностей, не являющихся богослужебными предметами.

Голод в России, которая традиционно кормила Европу, вызвали большевики. Послушаем незабвенного В. И. Ленина: «Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность является в руках пролетарского государства, в руках полновластных советов самым могучим средством учета и контроля... Это средство учета, контроля и принуждения к труду посильнее законов конвента и его гильотины. Гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление, нам этого мало. Нам надо не только запугать капиталистов в том смысле, чтобы чувствовали все насилие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему. Нам надо сломить и пассивное, несомненно еще более опасное и вреднее сопротивление. Нам надо заставить работать в новых организационных государственных рамках. И мы имеем средство для этого... Это средство — хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 269).

Война против собственного народа объявлена, чего уж там церемониться с церковью. А вот и руководство к действию: «На съезде партии устроить секретное совеща-

ние всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь, и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать...» (Наш современник. № 4. 1990. С. 169).

Все было сделано, как рекомендовал создатель Советского государства. Исполнители нашлись тут же. Безвинно погибли сотни тысяч людей. Русская православная церковь была разграблена, оболгана, расстреляна. Вспоминается поэтическая эпитафия полководцам, героям 1812 года: «Зачинатель — Барклай, совершитель — Кутузов». И — жестокая параллель: «Зачинатель — В. И. Ленин, совершитель — И. В. Сталин».

Как в этой ситуации не подивиться мужеству П. Д. Барановского, человека, преданного отечественной культуре, ей посвятившего свою подвижническую жизнь, человека, веровавшего в Христа, как веровали миллионы русских людей до варварской комиссарской секуляризации.

Принятие декрета об изъятии церковных ценностей застало врасплох не только церковь, которая всеми силами стремилась помочь государству в преодолении тяжких последствий голода в Поволжье и без вины виноватая подверглась жесточайшим репрессиям, но и отдел музеев и охраны памятников старины Наркомпроса. Ведь в церквах, соборах, монастырях хранилось множество шедевров декоративно-прикладного искусства. Антикварная ценность во много крат превышала стоимость золота и серебра в слитках, в которые намеревалось превратить их в одночасье для расчетов с торгашами «самое интеллигентное», «самое образованное» правительство. Чтобы указать на это, И. Грабарь добивался приема у Председателя ВЦИК М. И. Калинина. В конце концов попал. Услышал грубое: «Где же вы были раньше?» В результате малоприятного разговора музейному отделу Наркомпроса разрешили там, где еще не закончена полная реквизиция, отбирать для музеев ценные в художественном отношении церковные вещи, предметы культа.

Грабарь в пожарном порядке рассылает своих эмиссаров по городам и весям необъятной России. В составе экспедиции Центральных государственных реставрационных мастерских П. Д. Барановский (летом 1922 года) отправляется в Новгород для отбора художественных и исторических памятников при изъятии церковных ценностей. В Древнем Новгороде и его окрестностях экспедицией было осмотрено около 50 церквей и соборов, историко-художественные ценности которых переданы в местный музей (и поныне один из богатейших), а требующие реставрации доставлены в Москву.

Участие в этой полной трагизма поездке глубоко огорчило Барановского. Дело шло к прекращению функционирования всех монастырей, большинства, если не всех, церквей и как следствие к исчезновению книг, икон, церковной утвари, священных предметов и, опять же как следствие, к разорению архитектурных комплексов, ликвидации «за ветхостью и ненадобностью» церквей в городах и селах.

По возвращении из Новгородской экспедиции он для Совнаркома составляет записку: «Исторические и художественные характеристики 50 крупнейших древнерусских монастырей, основания для их национализации».

Понимая, что национализация сама по себе не гарантия спасения высокохудожественных архитектурных комплексов, Барановский выдвигает предложение о создании на базе монастырей историко-художественных музеев. Свой растущий авторитет и энергию он бросает на реализацию этого замысла. Еще и еще раз доказывает он запуганным местным властям, что для нарождающегося атеистического общества лишенные своего религиозного существа храмы, а тем паче крепостные стены монастырей не вредны, что иконы и фрески, вне связи с церковной службой, проповедующей нравственные заповеди Христа, прославляющей кротость Богоматери,— всего лишь произведения высокого искусства, созданные народными мастерами. От слов переходил он к делу. Приехав весной 1923 года в Боровск, начал детальное обследование семи замечательных архитектурных памятников XVI—XVII веков в Пафнутьев-Боровском монастыре, где вскоре не без его участия был организован музей.

В «Перечне научных исследований, экспедиций, археологических раскопок, обмеров, фиксаций и проектов реставрации» тем же 1923 годом помечено начало его многолетних трудов в Александровской слободе, куда он выехал с целью организации музея.

Будучи страстным исследователем по натуре, Барановский был счастлив открывшейся ему возможности добраться до первозданности. В действующем монастыре, скажу объективности ради, вряд ли открылась бы ему возможность сделать то, что, к примеру, он осуществил, судя по его собственноручно написанному резюме, в Александровской слободе. Итак, П. Д. Барановский, «Перечень».

«1923, 1927, 1936, 1939 — Александровская Слобода. XVI в. Монастырь-музей. Постановка вопроса об организации музея. Исследование и реставрация памятников. Покровская церковь начала XVI в. Открытие фресок в шатре, в алтаре, раскрытие архитектурных деталей, составление проекта реставрации и частичное проведение работ в натуре. Троицкий собор XVI в. Обмер, исследование и эскизный проект реставрации. Разборка глав XIX в., раскопки в области алтарной стены, открытие древних окон и пр.».

А какой это был провидец! Летом 1923 года он под ничем не примечательным выходящим на Охотный ряд тривиально оштукатуренным двухэтажным фасадом открыл исключительное богатство каменного декора дворца (что это бывший дворец, все забыли!) фаворита царицы Софьи Василия Васильевича Голицына. В итоге кропотливой работы, длившейся пять лет, он вернул Москве этот роскошный по формам (московское барокко!) дворец, возведенный по заказу европейски образованного Голицына в 1685 году. Заодно была отреставрирована домовая церковь Пятницы, построенная в тех же барочных формах, в следующем 1686 году. Увлеченный своим чудодейством, Петр Дмитриевич однажды, ясным летним днем только после вскрика близкого сотрудника увидел, что к возрожденным палатам Голицына подкатила автоколонна — пожарные машины, угрюмые взрывники в кузове грузовика, гэпэушники, для обеспечения порядка, в черном вороне. Пожарники стали баграми стаскивать новехонькую кровлю. Барановский начал в отчаянье взывать к прохожим: происходит-де акт вандализма, но поняв, что уже ничто не поможет, захлопнул перед носом чекистов дверь и обрушил со второго этажа на эту зондеркоманду град камней. Указаний стрелять у исполнителей власти по очищению Москвы от храмов не было, и они ретировались. Но все равно свое дело сделали — дворец В. В. Голицына и церковь Пятницы вскоре были разрушены. Лазарю Кагановичу Москва-боярыня, Москва-купчиха не нравилась, и он «учинил» аж всемирный (!) конкурс проектов ре-

конструкции Москвы. Персонально приглашенный участвовать в конкурсе Корбюзье идею ломать и корежить старую Москву все же счел дикарством, но некий проектировщик В. Семенов (всегда ведь сыщется Иуда!) бестрепетно провел по живому организму древней, неповторимо богатой шедеврами зодчества Москвы линии будущего генплана, и задолго до его утверждения ретивые «строители нового мира» принялись за свое черное дело. Начали с Охотного ряда.

Защита правого дела, однако, не бывает ни полностью безнадежной, ни полностью безрезультатной.

Именно в эти годы, 1923—1928-й, в пределах Тверской и Охотного ряда Петр Дмитриевич вернул из тьмы веков своим чудодейственным искусством дворец князя И.Б.Троекурова (конец XVII в.). Эти реставрационные работы он вел одновременно с работами по дворцу Голицына.

Град камней со второго этажа голицынских палат слегка отрезвил мерзко трусливых вандалов XX столетия: явно не угодный новой власти, неуместный во дворе дома СНК (ныне Госплана) дворец Троекурова не снесли. Все же опасались иногда кагановичи, ягóды и семеновы огласки...

В 1923 году деятельность Барановского обретает поразительный размах и результативность. В составе экспедиции на Соловки, где комплекс древнего монастыря отводится под концлагерь, Барановский круглосуточно (там ведь белые ночи) ведет исследования и обмеры собора, Трапезной палаты, Белой башни, крепостных стен. В 1923-м начинает реставрационные работы по Петропавловскому и Иванобогословскому храмам XII века в Смоленске, Георгиевскому собору (1230—1234) и Михайло-Архангельскому монастырю в Юрьеве-Польском с прицелом на музеефикацию, в 1923-м — открытие в Н. Иерусалиме керамического декора XVII века — Кувуклии, под деревянной обработкой, осуществленной в XVIII веке под влиянием эстетических воззрений Растрелли, и, конечно же, регулярные наезды в Болдино, где для него начало всех начал, где он с успехом проводит в стены древних зданий железобетонные связи вместо выгнивших дубовых, где он открывает для мира, для реставраторов дня сегодняшнего, дня будущего метод документального восстановления декора памятников архитектуры путем наращивания сохранившихся хвостовых частей кирпича, в действующем монастыре с согласия игумена и монахов и в тесном сотрудничестве с ними создает музей. Петр Дмит-

риевич все делает для того, чтобы не рухнули древние сооружения монастыря, да и музей привлекает сюда достойных людей, от чего монастырю только польза. Но вот Барановский уехал, и от советской власти явились представители, которые, предъявив постановление Совнаркома 1919 года, учинили акцию вскрытия мощей основателя монастыря преподобного Герасима, вторжения в святая святых, издевательства, оскорбления того, кто основал эту славную обитель в лесном Смоленском крае. Монахи и местные жители после отбытия воинствующих атеистов в тайном месте на монастырском кладбище перезахоронили останки преподобного Герасима. И пошло за тем в Болдине одно неустройство за другим — происки, интриги, насилие властей.

Привезенные Барановским из Усвятья венцы деревянной церкви власти не разрешили собирать, дескать, в округе и так переизбыток церквей. Ссылки на согласие Москвы музеефицировать этот памятник не действовали. С 1927 года прекратилось финансирование реставрационных работ. Большое культурное дело замирало. Но музей еще кое-как существовал, монахи исполняли обет, в поте лица добывая хлеб свой.

В год «великого перелома», перелома хребта, остова государства — крестьян, все здесь стремительно покатилось под гору. 15 декабря 1929 года в «Правде» появилась заметка фискального характера: «В селе Болдино Дорогобужского района монахи Болдинского монастыря срывают колхозное строительство. Работники Болдинского музея Главнауки помогают монахам, сдавая им в аренду имеющуюся при музее землю». Прочитав такое, только руками разведешь: «Ай, да монахи!» Это сегодня и грустно и смешно, а тогда сразу же последовали оргвыводы и — репрессии. В январе 1930-го Барановский получил из Смоленска письмо, в котором ему сообщали, что директор Болдинского музея Сергей Федорович Бузанов арестован, следом забрали и монахов. Петра Дмитриевича умоляли: «Помогите!» Если бы знал он, как и чем помочь. Беззащитность людей, ограбление, насильное переселение, аресты становились массовым явлением, общенациональной бедой. Злосчастный 1929 год оборвал все смоленские корни Барановского.

Шагирка под Дорогобужем на речке Скоже — родовое гнездо. Здесь его мать Мария Федотовна (отец рано умер от чахотки), волевая женщина, держала мельницу (водяную), что делало ее человеком нужным, влиятельным и по-

хозяйски состоятельным. Но как только обозначился курс на окончательную ликвидацию хозяина в стране, она передала советской власти свое мельничное хозяйство и уехала подобру-поздорову в Гяндж (Азербайджан) к сестре Агнии Гриневой. Там, прожив какое-то время, стала испытывать недомогание из-за непривычного климата. К тому же для женщины ее типа, деятельной, с сильным характером, пребывание в семье сестры в качестве то ли компаньонки, то ли приживалки дорого давалось, поскольку счастье для нее заключалось в самостоятельности, в неутомимом труде.

Революция 1917 года насильственно выводила из активной жизни лучшую, наиболее даровитую часть русского общества. Уже одна высылка в 1922 году за границу двухсот выдающихся ученых и философов говорит сама за себя. Фундамент культуры разбивали и размывали целенаправленно. Русские люди, с их простодушием и доверчивостью, дорого заплатили за сказку о земном всеравенстве и всеблаженстве, которой смущали их умы демагоги типа Бухарина и Троцкого. Так и с Марией Федотовной: из Гянджа переехала она к дочери в Истру, где и умерла в канун Великой Отечественной войны. Петр Дмитриевич схоронил ее в Коломенском. Это применительно к советской каторжной эпохе — относительно мирное разрешение проблемы ликвидации «классового врага». В поисках корней Петра Дмитриевича Барановского режиссер фильма о нем (фильм «Крест мой», ЦСДФ, творческое объединение «Патриот». 1989 г.) Валерия Ловкова побывала с киногруппой на том месте, где была когда-то Шагирка. Там сегодня выморочное пространство. Ни следов мельницы, ни речки Скожи, ни даже лужицы от нее. Ничего. И неудивительно. Кто и как хозяйничал после Марии Федотовны, сегодня для всех очевидно.

Была и еще одна корневая система, питавшая Барановского,— крепкое хозяйство Виноградовых в деревне Шибинка под Гжатском.

В 1913 году вскоре после окончания Московского строительно-технического училища Петр Барановский женился. Его избранницей стала Евдокия Ивановна Виноградова. Они познакомились на студенческой вечеринке. Дина Виноградова хорошо пела, аккомпанируя себе на мандолине, всегда со вкусом одевалась, все шила сама. У ее дочери Ольги Петровны Барановской сохранились детские туфельки, сшитые не из баловства, а в связи с нуждой, царившей после революции. Тачала их рукодельница Дина.

Она была самоотверженным человеком. Когда Петра Барановского призвали на действительную военную службу и отправили в инженерно-строительную часть на Западном фронте, пройдя краткосрочные курсы, стала сестрой милосердия в этой же части.

Работа (1918 г.) над диссертацией Барановского, если говорить о технической, исполнительной ее стороне — переписке, отбелке чертежей,— была делом Евдокии Ивановны.

В семейном альбоме хранится красноречивая фотография: в глубине респектабельной гостиной на красного дерева диване, изящно облокотясь на ручку его, в позе свободной и строгой сидит красивая молодая женщина. Солидная мебель, канделябр о семнадцати лампочках-свечах, высокая дверь и... стены, сплошь завешенные большими фотографиями в рамках-паспарту, на которых — шатровые деревянные и каменные храмы, крепостные стены, звонницы, маковки, купола. В эту обстановку, где торжественность и уют органически сливались в понятие «наш дом», на протяжении двух десятилетий крайне уставший, измученный российским бездорожьем являлся Петр Дмитриевич. Жена бережно извлекала из рюкзака и карманов куски камней, фрагменты керамики, дверные засовы, выкованные еще в XVII веке, раскладывала весь этот археологический улов на полированном столе, кормила, обихаживала своего неуемного подвижника, чтобы наутро или через день-другой он до света умчался в Новгород, Юрьев-Польской или еще куда-нибудь.

Квартира в доме Ланиных на Софийской набережной (так назывался этот особняк по фамилии бывшего домовладельца) была необыкновенно хороша. Из окон открывался вид на Москву-реку и величавый Кремль, бытовые удобства и красота, постоянно пополняющаяся библиотека, стремительно растущий научный архив, просторный кабинет. Вот только он не в силах усидеть в этом кабинете — огромное культурно-историческое наследие России в опасности, и он должен быть там, где ему по силам отвести от бесценного памятника угрозу уничтожения. Обобщения, научные труды появятся потом, когда все уляжется, войдет в берега. Блажен, кто верует, тепло ему на свете...

Евдокия Ивановна верила в него. В Коломенском, пока он там был директором, работала «внештатным» экскурсоводом, объясняя приезжим замыслы Петра Барановского.

В 1922 году у них родилась дочь Ольга. А время-то

какое! Мешочники, заградотряды, тиф[1], поездки в тамбурах переполненных вагонов в Гжатск, к отцу. Все съестное в доме Барановских оттуда — из благословенной Шибинки.

Иван Яковлевич Виноградов — глава большой патриархальной семьи. Ольга Барановская вспоминает: «Дом деда — полная чаша. Цветущий луг. Пасека. Дедушка, запечатленный в моем сознании, в шляпе, с ниспадающей на лицо сеткой, вынимает из улья соты. Поля. Лошади, корова, овцы. Домочадцы с утра до позднего вечера трудятся. У деда сад был незабвенный. Среди известных плодовых деревьев в нем росло огромное дерево пирус, с вкусными, напоминающими чернику ягодами».

В 1929 году Ивана Яковлевича Виноградова, никогда не пользовавшегося наемной рабочей силой, «раскулачили», сослали в Сибирь, в Новокузнецк. В Шибинке от хорошо налаженного хозяйства и следа не осталось. Мрак и запустение.

В 1927 году людей еще не оставляла надежда, что оживающая под воздействием нэпа Россия не безнадежна: наступит отрезвление от крови братоубийственной войны, экономическое благоденствие примирит враждующих. Тем же жил Барановский, как всегда захваченный перспективой.

В Перемышле Калужской губернии передавался в пользование Главнауки Лютиков монастырь с архитектурными памятниками XVI—XVII веков. Исследование, обмеры, проведение частичной реставрации. Барановский взялся за дело. Грезилось — здесь будет второе «Коломенское». Тут же его внимание привлек Лихвинский Добрый монастырь XVII века, находившийся неподалеку, тоже на калужской земле. Ах, эта жадность к работе! Некоторые рассудительные люди по сей день упрекают за нее Петра Дмитриевича: не разбрасывался бы так — куда больше бы сделал. Может быть, оно и так, но Мастер не мог стать другим. «Заболев» деревянной архитектурой в ранней молодости, он не успокоился, пока не исследовал все регионы, богатые памятниками (Беломорье, Северная Двина, Пинега, Карелия, Белоруссия) деревянного зодчества и чуть

---

[1] Не миновала чаша сия и Петра Дмитриевича, которому кошмар вагонов и вокзалов тех лет снился не один десяток лет. Летом 1919 года по дороге из Москвы в Ярославль (может быть, из Дорогобужа в Москву) он подхватил сыпной тиф. Об этом говорит справка Ярославской городской больницы о выписке после излечения.

ли не все заслуживающие внимания деревянные церкви в Центральной России.

В 1926 году он подбил Грабаря провести Обонежскую экспедицию: Вытегорский погост, Палтога, Оштенский погост, Полонец, Петрозаводск, Кандопога, Шуя, Кижский погост. Представляю, как он был счастлив увидеть всю эту красоту и совершенство. В «Перечне» отмечено: «Обмеры памятников — Палтога, Шуя, Кижи (Преображенская церковь не закончена)». Поди управься за день-другой, пока стоит у пристани экспедиционный пароходик. Преображенская церковь — непревзойденный шедевр деревянного зодчества. Храм о двадцати двух главах! Жаль, не успел обмеры закончить, но представить себе, что Барановский не побывал на Спасском Кижском погосте, нельзя.

Компетентные суждения Грабаря и Барановского тогда много значили. Осмелюсь даже сделать предположение: не осуществи в 20—30-е годы И. Э. Грабарь своих волжских и северных экспедиций, потери национального архитектурного достояния были бы еще более катастрофическими. Введенные в научный обиход памятники даже лихим атеистам крушить было боязно. На невежественных в своей массе комиссаров директор Третьяковской галереи Грабарь и строгого обличья молодой ученый Петр Барановский производили должное впечатление: люди из центра! Многочисленные фотографии этого периода дают возможность почувствовать, что для Грабаря Барановский — собеседник, советчик, авторитет.

Об этом говорит и сам И. Грабарь. «Счастливое сочетание в лице Барановского П. Д. глубокого и вдумчивого исследователя архитектурного наследия и талантливейшего практика-реставратора позволило ему внести в практику советской реставрации весьма ценные новые, более совершенные приемы восстановления утраченных архитектурных форм памятников, укрепление последних и их консервацию. В результате в основу советской реставрации был положен точный математический расчет, исключающий полностью элементы домысла...

Никаких домыслов, дополнений по чутью, по догадке, словом, никакой любительской отсебятины, а лишь раскрытие памятника от наслоений, да и то лишь от таких наслоений, которые не имеют самодовлеющей историко-археологической ценности. Наша главная забота должна быть направлена не на реставрацию, а на ремонт, и самый термин «реставрация» в наши дни является в значительной степени анахронизмом. Восстановлению подлежит только

то, что непререкаемо дается во время процесса раскрытия, что доказано с абсолютной точностью.

В этом направлении совершенно новые возможности открылись со времени точного установления некоторых особенностей древнерусской кирпичной кладки, ускользавших до недавних пор от внимания археологов. Пристально изучая в течение последних 8 лет систему этой кладки, архитектор-археолог П. Д. Барановский пришел к неожиданным и чрезвычайно важным выводам, дающим возможность с математической безусловностью определить размеры, форму и обработку дверных и оконных проемов, растесанных в позднейшее время, а также профили и выносы обрубленных карнизов. Благодаря этому замечательному открытию мы вступаем в новую эру в области архитектурной археологии, сулящую необычайные перспективы» (Наука и искусство. № 1, 1926).

И. Грабарь еще не раз будет славить Барановского за открытый им метод дополнения сохранившихся в теле стены хвостовых частей кирпича, с помощью которого вернул он былое роскошество декора палатам Голицыных и Троекуровых, а в 1925 году взялся за реставрацию Казанского собора (XVII в.) на Красной площади с целью восстановления его первоначального облика. К этому времени собор из-за позднейших перестроек в значительной мере утерял красоту и величие. Занимал он небольшой участок Красной площади у старого Земского двора, на углу Никольской улицы, но открывавшийся на него вид с площади — диагональное расположение трех вертикалей храма (колокольни, центральной главы собора, главы придела Гурия и Варсонофия) — создавал ощущение уникальной его неповторимости. Только таким и должен был быть (и возможно, скоро вновь станет!) этот имевший огромное мемориальное и историко-художественное значение для России собор.

Начало XVII века. Смутное время. После смерти Бориса Годунова страна на несколько лет утратила свою государственность. На московский престол один за другим выдвигались католическим Западом самозванцы, объявлявшие себя «царевичами Дмитриями». Смутное время стало суровым испытанием для национального самосознания: велась борьба за государственную, культурную, национальную независимость России. Во главе ее встала православная церковь. Патриах Гермоген своими грамо-

тами во все концы земли русской поднимал народ. Его мученическая смерть — символ патриотизма. Келарь Троице-Сергиевой Лавры Авраамий Палицын, став воеводой, выдержал с монахами, скрывшимися в стенах Лавры посадскими людьми 16-месячную осаду. Русское воинство вели Михаил Скопин-Шуйский и предводитель дворянства Прокопий Ляпунов. Оба погибли. Завершить дело освобождения Москвы от интервентов довелось вождям земского ополчения 1611 года — князю Дмитрию Пожарскому и земскому старосте Козьме Минину.

Казанский собор на Красной площади в Москве был главным памятником освободительной войне 1612 года против иноземных поработителей. Он был выстроен по почину и на средства предводителя русских воинов и ополченцев, освободителя Москвы Дмитрия Пожарского.

Чудотворную икону Казанской Божией Матери, с которой совершил свой победоносный поход и освобождение Москвы Дмитрий Пожарский, внесли в Кремль и установили в разоренном Успенском соборе. В конце 1612 года во время ремонта Успенского собора икона была перенесена ко двору князя Пожарского в приходскую церковь Введения Богородицы на Лубянке. Здесь она находилась, пока не построили на Красной площади храм во имя обретения иконы Казанской Божией Матери. Престарелый князь сам перенес икону в построенный на его средства храм.

Начиная с 1613 года дважды в год — в день обретения иконы в Казани (8 июля ст. ст.) и в день вступления народного ополчения в Кремль (22 октября ст. ст.) — совершались торжественные крестные ходы из Успенского собора сначала к церкви Введения на Лубянке, а затем к построенному Казанскому собору. На протяжении XVII — первой половины XVIII века они дополнялись ходами вдоль крепостных стен Кремля, Китай-города и Белого города и заканчивались поминальными молебнами в Казанском соборе. Именно в Казанском соборе Москва благословила хранившейся здесь войсковой святыней ополчения Минина и Пожарского — иконой Казанской Божией Матери — отъезжавшего в армию М. И. Кутузова.

Проделав с российским воинством славный боевой путь, икона торжественно «вошла» в столицу Франции.

Барановского волновал вопрос об авторстве Казанского собора. Время его постройки совпадало с последни-

ми годами жизни Федора Коня. Известно, Казанский собор был освящен патриархом Филаретом в память освобождения Москвы в день св. Аверкия Иерапольского — 22 октября 1625 года. В летописях есть свидетельство, что после сильного пожара 1630 года храм восстанавливал ученик Федора Коня Абросим Максимов. Казанский собор — первый возведенный в Москве храм после Смутного времени — стал как бы образцом для дальнейшего строительства. Вслед за ним были возведены и другие подобные храмы, называемые «огненными». Кубические, бесстолпные, завершающиеся взбегающими вверх поясами кокошников — небесные силы в виде языков огня. Барановский не только лучше чем кто-либо в мире знал приемы, вкус Федора Коня, он ощущал присутствие его духа в постройках.

Нельзя не напомнить, что название свое Красная площадь получила лишь после постройки собора. Дело в том, что пространство перед ним в знак особого отношения русского народа к храму было устлано мостовой из гладких строганых бревен, чего не было во всей Москве. Мостовая от Казанского собора до Лобного места получила у москвичей название Красного моста, а со временем Красной стала и вся площадь — от собора Покровского (Василия Блаженного) до Казанского.

Чтобы не портить вид Красной площади, Петр Дмитриевич решил не ставить лесов. Шел сверху вниз. Привязав веревку одним концом к основанию креста, другим — к монтажному поясу, он, подобно скалолазу, передвигался вдоль подкупольного барабана, освобождая древние формы от наслоений веков, ведя тщательное обследование и восстановление утраченных деталей. Начав с главы, он открывает валиковые обводы окон, выявляет пояс островерхих кокошников. Чтобы сделанное было заметно, отреставрированные фрагменты выкрасил известкой, и они являли разительный контраст общему виду запущенного памятника. Дойдя до кокошников, обходился без веревок, устраивал легкие помостья с помощью небольших прочных лестниц.

Ах, Петр Дмитриевич! Может быть, и были правы те мудрецы, которые упрекали вас в разбросанности. Не отвлекайся вы то на Коломенское, то на Ярославль, то на Перемышль, завершили бы вы реставрацию Казанского собора за год-другой и тогда, глядишь, не сломали бы его в 1936 году?

Сломали бы непременно! И напрасно поднаторевший

в извлечениях из советских архивов Ю. Н. Жуков в статье «Москва: генпланы 1918—1935 годов и судьбы архитектуры» (Горизонт. № 4. 1988. С. 32—44) иронизирует по поводу плана «Новая Москва», разработанного А. В. Щусевым: «Он (Щусев.— *Ю. Б.)* предлагает сохранить в неприкосновенности очень, очень многое из того, что чудом дошло до нас из далекого прошлого. Только под памятниками разумел зодчий преимущественно церкви, соборы да монастыри. Их колокольни и главы среди будущей 5—7-этажной (не выше) застройки должны были остаться доминантами столицы. Строительство же жилья и промышленных объектов по плану «Новая Москва» следовало развернуть лишь на окраинах. Преимущественно на тех, которым только предстояло войти в черту города — его границу предполагалось отнести примерно на 12 километров за Окружную железную дорогу.

И все же, как бы мы сегодня ни оценивали план А. В. Щусева, как бы ни относились к нему, приходится признать самое существенное: он безнадежно устарел уже в момент рождения».

Конечно, если взглянуть на план «Новая Москва» с позиций диктатуры пролетариата с ее концлагерями и тюрьмами чуть ли не в каждом из бывших монастырей, то план Щусева — наивная мечта чуждого «коммунистическим идеалам буржуазного специалиста». А вот с позиций сегодняшнего дня — на дворе 1991 год — план Щусева, окажись он реализованным, спас бы нас от такого позора, когда ЮНЕСКО специальным решением лишило Москву статуса исторического города. И произошло это в силу того, что вместо точки зрения гениального Щусева: «В Москве будущего должны прокладываться новые улицы, расширяться и переустраиваться площади, но все указанные работы должны считаться с планом старого города, так как основы его признаны прекрасными и они заслуживают самого бережного отношения и изучения» «прошла» точка зрения на Москву упоминавшегося мною В. Н. Семенова: «Москва по сравнению с европейскими большими городами в смысле архитектуры находится в неважном положении: у нас мало культурного наследия». Точка зрения Щусева и не могла пройти: идеологизация жизни, градостроительства и архитектуры в том числе, неизбежно вела к перечеркиванию 800-летней истории Москвы во имя сотворения иного, полярного облика столицы. «Мы наш, мы новый мир построим...»

Что такое древняя Москва? На этот вопрос дал об-

стоятельный ответ духовный преемник Барановского, внучатый племянник Антона Павловича Чехова, художник-монументалист С. С. Чехов в неопубликованной до сих пор статье «Судьба русской столицы».

«Москва — воплощение русской истории и культуры: в XVII веке в Москве было 932 церкви, а если считать с приделами и часовнями, то их было 1714. Из этого числа — 1114, то есть 65 процентов — церкви, построенные по обету, в ознаменование побед над врагом. Воинские обетные церкви делились по своему расположению на церкви в слободах, участвовавших в данном сражении, и церкви, построенные в наиболее чтимых местах (Кремль, Красная площадь, Китай-город, монастыри).

Храмы в честь побед составляли группы. И каждая такая группа имела свой центр. Так, группа церквей и монастырей, построенных в ознаменование победы на Куликовом поле — церковь Рождества Богородицы в Кремле, Рождественский монастырь, Вознесенский монастырь в Кремле, Высоко-Петровский монастырь и церковь Всех Святых на Кулишках— имеет общий центр — церковь Всех Святых на Кулишках, поставленную на месте клятвы русского войска перед походом.

В XVI веке возник общий центральный памятник побед — собор Покрова, что на Рву (храм Василия Блаженного) — величайшее произведение русского архитектурного гения.

Градостроительный памятник воинской славы состоит из военных слобод с их улицами, переулками, кладбищами (эти слободы можно назвать градостроительной средой). Это своеобразный пьедестал для градостроительного памятника созданию единого Русского государства — слободы «лучших людей», переселенных в Москву из присоединенных земель (в основном из столиц с обетными церквами, построенными в память присоединения). Система подворий присоединенных земель и их монастырей занимала почти весь Китай-город и часть прилегающей к Китай-городу территории Белого города.

Центр общерусского памятника — Успенский собор Кремля, в нижнем ряду иконостаса которого помещались чтимые иконы главных городов русских земель, иконы — знамена войск, иконы — покровительницы городов.

Слободы «лучших людей» олицетворяли всю Русь, объединенную в Москве, подворья — общерусское войско, собравшееся у своих святынь — знамен.

Этот памятник имел продолжение в виде градостро-

ительной структуры, посвященной образованию многонациональной России. В Москве мы найдем татарские, грузинские, армянские, малороссийские и другие слободы, подворья присоединенных стран и храмы в память этих событий. Центр этой структуры — тот же Успенский собор, поэтому мы не можем совершенно отделить памятник созданию единого Русского государства от памятника формированию Российской империи, так как второе невозможно без первого и органически его продолжает.

Частью этого памятника являются системы, отражающие русское государственное устройство и международные отношения России, например, система великокняжеских и царских дворцов, зданий приказов, государственных и городских слобод с их центрами, братскими дворами и церквами. Центры системы — Красная площадь с Земским приказом и Лобным местом, Ивановская площадь Кремля — место приказов и система территорий немецких слобод и посольств иностранных государств.

Известный знаток градостроительных структур средневековья Г Я. Мокеев неопровержимо доказал, что планировка Москвы не имеет ничего общего с радиально-кольцевой, она — вееро-ветвистая. Им раскрыты основные принципы древнерусских планировок городов, глубоко отличные от средневекового строительства других стран, и показано, что древняя Москва — наиболее развитый в планировочном отношении русский город, а следовательно — наиболее полная энциклопедия древнерусского градостроительства. Последнее сразу переводит историческую часть столицы в ранг высшего памятника русской градостроительной культуры мирового значения.

Итак, вспомнив вкратце, что собой представляет Москва, обратимся к деятельности первого поколения советских архитекторов и того, кто ими руководил...

Кульминацией первого периода московского градостроительства был генплан 1935 года.

В основу проекта заложен принцип «сохранения основ исторически сложившегося города, но с коренной перепланировкой его путем упорядочения сети городских улиц и площадей».

Как сочетать «сохранение основ исторически сложившегося города» с «коренной перепланировкой его путем упорядочения сети городских улиц и площадей», совершенно непонятно, так как одно исключает другое. Для всего комплекса работ необходимо было определить, каков же сам исторический город и его планировочная система.

Обратимся к Л. Кагановичу: «Мы должны суметь сочетать задачи изменения старого лица Москвы с исторически сложившимся городом. Необходимо сказать, что при ближайшем более детальном ознакомлении, не ломая коренным образом города, можно усовершенствовать радиальные улицы и кольца в единую систему радиально-кольцевого расположения»[1]. Прежде чем проанализировать значение этого высказывания, вспомним, что Каганович был практически полным и единственным руководителем разрушения Москвы и проекта генплана ее «реконструкции», что подтверждается огромным количеством документов (опубликованных в печати), содержащих высказывания, подобные, например, такому: «Исключительна организаторская, руководящая роль т. Кагановича как уже в осуществленных работах по реконструкции Москвы и подъему ее городского хозяйства, так и в выработке Генплана».

Итак, исторически сложившаяся планировка определена Кагановичем как «радиально-кольцевая». Это определение основано на дореволюционном мнении ряда исследователей, находившихся под влиянием классицизма и ампира.

Но исследователи прошлого не заявляли категорически о мало изученных явлениях. Высказывая мнение о радиально-кольцевой Москве, они подчеркивали своеобразие города, отличая его от подобных западных планировок, отличия, корни которого лежат в своеобразии русского общественного строя.

Уже при советской власти, в 20-х годах, работала группа исследователей русской архитектуры под руководством профессора А. В. Чаянова. В отношении Москвы Чаянов пришел к выводам, подобным выводам Г Я. Мокеева. Тут же все исследования были закрыты, группу Чаянова арестовывают по вздорному обвинению (по инициативе Л. Кагановича), а на «научную арену» выдвигаются братья Гольденберги, представляя радиально-кольцевую планировку Москвы как неопровержимый факт. Вот каким образом делалась «научная основа» генплана 1935 года.

Как видим, главному автору этого проекта было совершенно необходимо считать Москву радиально-кольцевой. Что же намечалось делать дальше?

---

[1] Каганович Л. М. Московские большевики за победу пятилетки.— М., 1932.— С. 100.

Обратимся снова к книге Л. Кагановича: «Если посмотреть сверху на Москву, можно увидеть 15 прямых магистралей, расходящихся во все стороны от центра города. Если проехать по большинству улиц, то эти прямые улицы заметить будет очень трудно. Объяснение этому мы находим в том, что все радиальные улицы на своем пути прерываются разного рода сооружениями, не имеют одинаковой ширины и прямолинейности. Исторически они слагались из отдельных отрезков, замыкающихся стенами или валами. От всего этого новый город с большим движением должен освободиться...

...Основные магистральные улицы должны быть расчищены от мелких посторонних, стоящих на пути движения, расчищены и выпрямлены. К этому надо приступить сейчас же, нанеся красные линии расширения и не допуская застройки или надстройки на участках, выходящих за пределы этой линии.

Возьмите Ильинку: она начинается в Китай-городе, потом Покровка, улица Карла Маркса, Бакунинская, Семеновская, Измайловское шоссе. Если вы ворота на Ильинку снимете, выровняете кое-где дома, вы получите законченную радиальную улицу — прямо проспект! Дальше возьмите Лубянку: она, по существу, начинается с Никольской! Снимите Никольские ворота, выровняйте Лубянку и Сретенку, удалите Сухареву башню, и вы получите новый проспект до самого Ярославского шоссе. Такие же проспекты вы получите по улице Неглинной, Дмитровке, Тверской, улице Герцена, Арбату и т. д.».

Как говорится, комментарии излишни! Достаточно ясно, чего хотели добиться авторы генплана 1935 года — максимального уничтожения памятников архитектуры Москвы, самой Москвы.

Резко негативное отношение к русской культуре и полное невежество в русском градостроительстве характерны для Кагановича. «Все мы знаем,— писал он,— что старые города строились стихийно, в особенности торговые города. Когда ходишь по московским переулкам, то получаешь впечатление, что эти улочки прокладывал пьяный строитель». Из этого логически вытекает установка: «Мы должны знать, где и как строить, проложив ровные улицы в правильных сочетаниях, выправлять кривоколенные и просто кривые улицы и переулки»[1]

---

[1] Каганович Л. М. За социалистическую реконструкцию Москвы и городов СССР.— М.; Л., 1935.— С. 65—66.

Оказывается, «правильное» — это именно радиально-кольцевое.

Почему выгодно было Москве навязать радиально-кольцевую планировку? Ведь даже Корбюзье писал о крайне отрицательных чертах радиально-кольцевых планировок: «Стремление лица, занятого планировкой города, должно быть направлено к тому, чтобы избегать планировки его по радиусам и концентрически. В этом глубокое несчастье всех больших городов, развитие которых шло веками и изо дня в день, в таком же положении находится Москва»[1].

Радиально-кольцевая планировка напоминает гигантскую воронку, когда все сливается с краев в центр. Расширение улиц приводит к увеличению транспорта, идущего в центр по фронту движения.

Спрямление радиусов приводит к увеличению скорости движения, то есть к стремлению ездить не по кольцам, а насквозь — по диаметрам, сквозь центр по кольцам тоже ездить необходимо, и мы видим воочию, какой «транспортоворот» раскручивается по Садовому кольцу и Бульварному и по площадям вокруг Кремля и Китай-города. Рост города с увеличением транспорта создает, наконец, тот «критический» момент, когда станет необходимым сломать центр и соединить все «радиусы в диаметры». На стыке существующих московских шестнадцати радиусов нужно будет воздвигнуть многоярусную развязку. Где? На месте Кремля, Красной площади и Китай-города?

Нет нужды говорить, что, накладывая радиально-кольцевую планировку на Москву, московские градостроители под руководством Кагановича имели в перспективе цель уничтожить все древнерусское и просто русское в Москве.

Последнее подтверждается фактами прямых сносов памятников: за период с конца 20-х годов в Москве снесено более 400 памятников, известных науке. Среди них есть такие, что трудно даже представить, чтобы в какой-либо другой стране возможно было уничтожение подобных святынь: собор Казанской Богоматери, построенный князем Пожарским в честь победы над поляками, Воскресенский монастырь в Кремле, построенный княгиней Евдокией в честь победы на Куликовом поле, древнейшее каменное сооружение Москвы — собор Спаса на Бору в Кремле,

---

[1] Корбюзье. Планировка города.— М., 1933.— С. 52—68.

церковь Николы Явленного на Арбате, связанная с победой над Тохтамышем, храм Христа Спасителя — главный памятник России и мира, построенный в ознаменование победоносного окончания самой великой войны XVIII—XIX веков — войны с Наполеоном, и т. д.

В данном случае были стерты не только все и всяческие понятия о культуре, но и один из самых первых декретов советской же власти — об охране памятников.

Ясно, что Барановский и подобные ему были препятствием «на пути народа к светлому будущему» — к полному его беспамятству. Барановских следовало устранить.

Работа Петра Дмитриевича по восстановлению Казанского собора шла в атмосфере шабаша вульгаризаторов истории вроде М. Н. Покровского, «отменившего» русскую историю вплоть до октября 1917 года ввиду ее «реакционности», возглавившего тоталитарный режим Сталина («...история старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били... Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны...»), подпевалы «большевистских вождей»— комсомольского поэта Д. Алтаузена («Я предлагаю Минина расплавить. Пожарского зачем — на пьедестал? Довольно нам двух лавочников славить — их за прилавками Октябрь застал. Случайно им мы не свернули шею. Я знаю, это было бы под стать. Подумаешь, они спасли Расею! А может, было б лучше не спасать?»).

Защитники, спасители России человеконенавистной власти были не нужны. Работы по Казанскому собору, где служба по приказу была прекращена еще в 1918 году, велись на средства общины храма (еще не успели всех пересажать!). Напрасны были героические усилия Петра Дмитриевича, отказавшегося от лесов ради экономии средств и ради того, что открывающаяся взору первозданная красота говорила сама за себя. Это не помогало. Напротив, раздражало.

В 1930 году реставрация была остановлена. Моссовет принял решение о сносе Казанского собора и Воскресенских (Иверских) ворот с часовней. Конечно же, против этого варварского решения протестовали ученые. Уже не смевшие говорить о храмах-памятниках, они изощрялись в красноречии о высоких эстетических достоинствах Воскресенских ворот и вновь открытой Барановским красоте «огненного» храма — Казанского собора. Но красноречивее профессора Н. П. Сычева, великого А. В. Щусева, И. Э. Грабаря оказался второй после Сталина человек в

стране — Каганович. Он так отпарировал выпады академиков: «А моя эстетика требует, чтобы колонны демонстрантов шести районов Москвы одновременно вливались на Красную площадь». Казанский собор простоял все же до 1936 года, что позволяет предположить — сопротивление, протест в компромиссной форме оказывают лишь оттягивающее воздействие. Казанский собор сломали-таки. Но уже при Хрущеве — известном «богоборце». Снос памятника — это еще один трагический сюжет из жития Барановского.

А пока события развивались так. Обратимся к документам — что более объективно «помогает восстановить характер времени»? Стиль их, по возможности, сохранен.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Заседания комиссии по чистке аппарата Центральных государственных реставрационных мастерских 9 апреля 1931 г.

Барановский Петр Дмитриевич. Родился в 1892 г. Сын крестьянина, образование высшее — архитектор.

ОБВИНЕНИЕ:

1. Работая в течение ряда лет в ЦГРМ и имея у себя богатый материал, собранный по периферии по памятникам искусства и старины,— держит его у себя в необработанном виде до сего времени и тем самым лишил возможности как заинтересованные учреждения, так и общественность правильному использованию имеющихся у него материалов в деле социалистического строительства.

2. Аполитично защищает памятники старины и искусства, без учета потребностей в действительном и своевременном опубликовании подлинно ценных памятников с тем, чтобы в необходимых моментах менее ценные могли быть использованы для нужд государства.

3. Выполняя реставрационные работы по распоряжению администрации ЦГРМ для церковных общин за их счет, без должной критики относился к такого рода распоряжениям руководства, что такая работа не должна выполняться в ЦГРМ.

4. Не проявил себя фактически в перестройке мастерских как учреждения, работающего в интересах современного соц. строительства, и, имея накопленный материал и знания, ни одной научной работы не обнародовал.

5. В общественной работе никакого участия не принимает.

ПОСТАНОВИЛИ: Объявить выговор с предложением изжить указанные недостатки.

Вот и задумайся, Петр, как тебе быть. Изживать «указанные недостатки» — трудолюбие, деятельную любовь к родной культуре, бескорыстие, доходящее до жесткости по

отношению к близким (Ольга Петровна Барановская, нисколько не осуждая отца, вспоминает, что в дом он денег или еще чего, кроме книг, камней, чертежей, изразцов и т. п., никогда не приносил — все до копейки шло на спасение памятников, семью содержала Евдокия Ивановна). Предать русскую историю, русскую старину, архитектурное наследие великого народа ради «социалистического строительства»? Перестроить мастерские в интересах этого самого «строительства», то есть повести всех сотрудников ЦГРМ на разборку палат Голицына? Ну, а что касается реставрации по заказу «церковных общин за их счет», работ по Казанскому собору, ты, как твой тезка первоапостол Петр, или отречешься, или тебя стащат за ноги с каменных уступов церкви фарисеи? Вон как готовилась акция чистки в ЦГРМ! А вот и сигнал, зовущий в бой — статейка в газете «Безбожник» с клеймящим заголовком «Реставрация памятников искусства или искусная реставрация старого строя?». А после — новая статейка — партийного публициста Давида Заславского, соратника Минея Губельмана (Ярославского), опубликованная в назидательном большевистском органе «За коммунистическое просвещение»: «Они (то есть сотрудники мастерских.— *Ю. Б.)* надували советскую власть всеми средствами и путями. Создав вокруг себя «верное» окружение, они и чувствовали себя в ЦГРМ, как за монастырской стеной. Советская лояльность была для них маской. Они верили, что советская власть скоро падет, они ждали с нетерпением ее падения, а пока старались использовать свое положение... Они всегда говорили с пафосом о чистой науке, о чистом искусстве. Они жаловались на то, что при старом, при царско-поповском строе церковь мешала развернуть по-настоящему научно-исследовательскую работу по древнерусскому искусству. Они были всегда столь возвышенными идеалистами — людьми-бессребрениками! А когда пролетарская власть, отделив церковь от науки, искусства, политики, культуры, впервые предоставила им возможность полностью отдаваться науке и искусству... что они сделали, верные сыновья буржуазии? Они снова превратили науку в церковь, искусство в богомазню, а все вместе — в обыкновенное церковно-торговое заведение, в монастырь-лавочку...» Какой знакомый стиль! И кто эти «враги» — советской власти, науки, искусства? Грабарь, Анисимов, Чириков, Юкин, Тюлин, Суслов, Барановский, Засыпкин, Сухов. Все, кроме Грабаря, не миновали тюрьмы!..

Барановский, получив выписку из протокола заседания комиссии по чистке ЦГРМ, сознавал, в какой мерзкофискальной среде он находится, и, умерив гнев свой, с холодным сердцем (насколько это было возможно) написал корректное заявление в Центральную комиссию по чистке. (Тем, кто сегодня призывает все расследовать и всех виновных в развале государства наказать, следовало бы обратиться к исполнителям — палачам тех далеких лет, вывести их «деяния» на свет, наконец.)

В ЦЕНТРАЛЬНУЮ КОМИССИЮ ПО ЧИСТКЕ

От научн. сотрудн. Центр. государ. реставрац. мастерских П. Д. БАРАНОВСКОГО

ЗАЯВЛЕНИЕ

Считая совершенно незаслуженным и несправедливым выговор, вынесенный мне постановлением комиссии по чистке аппарата ЦГРМ от 9 апреля 1931 г (полученный мной выпискою из протокола от 14/V—31 г.), настоящим прошу рассмотреть настоящее мое объяснение по обвинениям, предъявленным мне комиссией, и отменить означенный выговор.

1. Научный материал, собранный мной, в связи с работами, поручавшимися мне ЦГРМ, по памятникам искусства и старины собран был в ЦРГМ мною **не для себя**, а для общего пользования и является не моей собственностью, а научным материалом ЦГРМ.

Если научный материал, собранный мною для ЦГРМ, в некоторой части еще не обработан для печати, то к этому были причины большой важности: это недостаток сотрудников-специалистов и постоянно возникавшие новые срочные задания в деле охраны, реставрации, экспертизы и научной фиксации памятников архитектуры. Эти срочные задания главнауки и ЦГРМ ставили меня в необходимость срочного их выполнения и вынуждали откладывать окончательную научную обработку уже накопленного материала.

Если часть материалов в процессе научной проработки иногда приходится держать и обрабатывать у себя на дому, то в этом моей вины нет, т. к. до сего времени в ЦГРМ отсутствуют необходимые технические возможности для обработки и хранения не приведенных еще в окончательный вид научных материалов.

К сожалению, комиссия по чистке не смотрела мои научные материалы, а потому и вынесла ошибочное суждение о них, т. к. вопреки ему я не только «лишил» своей работой возможности правильно использовать указанный материал, а наоборот, я своей работой **именно дал возможность** его **использовать** заинтересованными учреждениями и общественностью.

2. Никогда я не защищал памятники древнего искусства **«аполитично»**, а наоборот, я принимал участие в их защите и реставрации **только с учетом потребности социалистич. строительства,** считая, что лучшие памятники архитектуры должны быть использованы не только с просветительной целью как музейные объекты, но вместе с тем использованы с учетом всех практических потребностей жизни. Я считал и проводил в жизнь, что не только менее ценные, но **все памятники должны быть безусловно использованы для нужд государства.**

Об этом может свидетельствовать целый ряд примеров из моей прежней и настоящей работы, когда ряд памятников, параллельно с их научным выявлением и реставрацией, был приспособлен для практических нужд современности и государства (под размещение музейных собраний, под жилые помещения, столовые, библиотеки и т. п.).

Также совершенно неверным является и утверждение бригады, что мною не учитывались потребности в опубликовании **действительно ценных** памятников. Это обвинение даже непонятно, т. к. **именно мне** пришлось работать и делать общественным достоянием именно **самые лучшие** из памятников древнего искусства, являющиеся величайшими достижениями искусства своего времени и часто имеющие мировое значение (Юрьев-Польской XII в., Коломенское XVI в., Александров XVI в., дворцы Голицына и Троекурова в Москве, памятники Ярославля, Углича, Ростова и еще больше 100 объектов памятников высшей категории).

3. **Обвинение в том,** что, выполняя поручения ЦГРМ по наблюдению за реставрационными работами, производившимися в счет церковных общин, **относился без должной критики** к такого рода распоряжениям руководства, что такая работа **не должна была выполняться ЦГРМ, правильно.** Я действительно не критиковал этих распоряжений мастерских. Но бригада в последнем обвинении **не приняла** во внимание того **самого важного обстоятельства,** что означенные распоряжения руководства мастерских были не только их распоряжениями, что они происходили на основании **общих директив центральных органов** (напр., Циркулярные распоряж. ВЦИК от 7 января 1924 г.), постановлений Презид. Моссовета и др. по линии охраны историч. памятников, находящихся в пользовании церковных общин, выполнение ремонта которых должно было происходить с разрешения главнауки и губмузея и под наблюдением и руководством соответствующих органов, каковыми были и ЦГРМ. Поэтому **я не должен был и не мог критиковать указанных распоряжений правительственных органов.**

4. За все время работы в рест. мастерских моя установка на работу была такова, чтобы сделать ее работой полезной и важной для современного соц. строительства. Поэтому я считаю, что это обвинение голословно, так же как и обвинение в том, что я своих научных знаний не обнародовал. Я утверждаю, что **свои знания и работы я обнародовал** путем гораздо **более верным и доступным для масс,** чем путь писания специальных статей, а именно: мною 7 лет тому назад организован и

продолжает успешно развиваться музей, ставящий своей главной задачей показ древней архитектуры в интересах современного строительства. Я полагаю, что путь музейного показа и передача тех знаний, которые получаются тысячами посетителей из широких масс и специалистов, осматривающих Гос. музей «Коломенское» и устроенную в нем выставку «Техника строительного дела», есть **самый верный способ передачи знаний в массы.**

5. Обвинение в том, что я в **общественной работе не принимаю никакого участия,** также **не отвечает действительности.** Моя работа в мастерских была настолько же напряженной общественной работой, как и службой. В прежние годы в связи с революционным строительством я принужден был 3/4 времени проводить в дорогах и командировках, не отказываясь ни от каких срочных заданий и требований жизни.

Ряд докладов, прочитанных мною в разных обществах, клубах, университетах и музеях Москвы и других городов, свидетельствуют о моей общественной работе. Разве не свидетельствует о том же моя не оплачиваемая в течение 3 лет работа по организации музея в Коломенском и не входившая в круг моих обязанностей **помощь в музейном строительстве работникам провинции** в целом ряде городов при многочисленных поездках, что может найти соответствующее подтверждение и доказательство.

Также бригаде по чистке должно было быть известным, что мною в последний год проводилась работа **от секции научн. работн. в бригаде** по проверке соцсоревнования и ударничества в московских музеях и в настоящее время я принимаю участие в работе месткома ЦГРМ как член одной из комиссий.

Ввиду сказанного прошу рассмотреть настоящее ходатайство и снять с меня выговор, который считаю совершенно незаслуженным за свою напряженную работу в течение 13 лет над памятниками древнего искусства, на тяжелом фронте нового музейного и культурного строительства.

23/V—31 г.

П. БАРАНОВСКИЙ

Прокомментируем кратко некоторые положения заявления.

Статья «Реставрация памятников искусства или искусная реставрация старого строя?» (Безбожник. 1931. 25 марта), явившаяся сигналом для чистки, подписана так: «По поручению рабочей бригады завода им. Лепсе.— Л. Лещинская, Козырев». Значит, это и есть та самая бригада, которая несколько раз упоминается в тексте заявления Барановского. Задетый за живое, Петр Дмитриевич внимательно прочитал статейку и, обнаружив несуразицу, касающуюся его лично, написал в «Безбожник», откуда получил ответ за подписью Л. Лещинской. Ста-

ло быть, газета не только пропагандист, но и организатор травли. Шустрая Л. Лещинская, приехав на завод им. Лепсе, получила через партком бригаду пролетариев, которые, можно предположить, еще не встали вровень с Грабарем и Барановским в области знания древнерусского искусства, но зато у них вострое социальное чутье, и вот под руководством всезнающей Л. Лещинской они заваривают кашу, которую предстояло расхлебывать не один десяток лет. (Помню признание 80-летнего инженера, ныне горячего защитника памятников, как он, будучи молодым большевиком, выступал за снос храма Христа Спасителя. Хоть на старости лет перековался, слава Богу... Но характерно, что проводимую по указанию Кагановича кампанию за снос Христа Спасителя поддержали все партячейки города. А что им оставалось делать? И без того не один в концлагерь попал.)

И еще одно, весьма важное для дальнейшего описания жития Барановского место в «Заявлении». В искренности Петра Дмитриевича усомниться невозможно. Православный от рождения и по воспитанию, поглощенный идеей защиты русских храмов от невежества и произвола, в душе человек верующий признает, что «все памятники должны быть безусловно использованы для нужд государства». Что стоит за этими словами? Барановский отказывает церкви в праве вести службу в православных храмах? Или он лукавит? Или он запутывается в хитро расставленных сетях? Ясности нет. Похоже — человек загнан в угол. Всеобщий психоз, род помешательства, задел и его.

Положение складывалось угрожающее. Шельмовали И. Грабаря, авторитет которого был исключительно высок. Запутывали и сажали его сотрудников: были взяты под стражу Анисимов и Юкин. Якобы за хищение икон.

В 1934 году ЦГРМ были распущены. Теперь занимались только сломом и взрывом памятников. Безраздельно господствовавшие в архитектурном совете Москвы архитекторы-формалисты В. А. и А. А. Веснины, М. Я. Гинзбург, И. А. Голосов, Н. А. Ладовский, В. Н. Семенов, В. В. Бабуров, подталкиваемые Кагановичем, с «большевистской энергией» приступали к разрушению древней Москвы, на костях которой возводили из бетона и стекла свои конструктивистские «шедевры». Новаторы,

оказавшись на гребне волны, пренебрежительно относились ко всему, что было построено до них, ратуя за «свободу самовыражения». Скажу точнее — за произвол, захватничество, насилие в духе большевистской практики.

«Все остальные соображения кажутся ничтожными по сравнению с настойчиво ощущаемым желанием проявить свою творческую физиономию,— писал конструктивист-теоретик М. Гинзбург.— Цветок вырастает в поле потому, что он не может считаться с тем, подходит он или не подходит к полю, существовавшему до него. Наоборот, он сам меняет своим появлением общую картину поля». Конструктивистские «цветки», как плевелы на здоровом теле, стали произрастать на месте исторических ансамблей. Появился дом-гигант, образовавший улицу Серафимовича. Здание из серо-зеленого бетона не только подавило своей массивностью такие замечательные архитектурные памятники, как палаты Аверкия Кириллова — редкий образец гражданской архитектуры (XVII в.), церковь Николы в Берсеневке (XVI в.), но выглядело чужеродным в близком соседстве с Кремлем, Софийской набережной, типично замоскворецкими улицами Большой Якиманкой и Большой Полянкой.

Конструктивисты Веснины, следуя теории Гинзбурга, взялись «посадить» новостройку — Дворец культуры автозавода на сооружения древнего Симонова монастыря. Вдумайтесь, дворец культуры, попирающий, вытесняющий собой архитектурный комплекс Древней Руси, монастырь — памятник героям Куликовской битвы. «Дворец культуры?!» О какой культуре вы хлопочете, безумные? О каких дворцах, фарисеи?

После повторной чистки Барановский представлял собой вконец замороченного «соцспециалиста». В приспосабливаемом под цеха и службы завода «Динамо», разбираемом на кирпич, застраиваемом бетонным «дворцом культуры» Симоновом монастыре он возглавил работу по созданию филиала ГИМа — Музея военно-крепостной обороны Московского государства. Кажется, эта деятельность проходила в спасенной таким образом, а может, и щедро подаренной «народной властью» радетелям русской старины башне Дуло. И музей «Коломенское» и затея в разрушаемом во имя индустриализации Симоновом монастыре осуществлялись под эгидой Государственного Исторического музея, силами сотрудников ГИМа, с привлечением экспонатов из запасников главного

исторического хранилища — это все попытки вынести из горящего дома малую частицу накопленного за века.

В этой экстремальной ситуации с Барановским произошло невероятное. Он перехватил вдруг обращенный на него сочувственно-обожающий взгляд больших карих глаз молодой сотрудницы ГИМа. Ее безукоризненно точные определения (он называл это «чувством истории»), собранность в работе, методичность подхода к историческим исследованиям стали близки ему с первых дней их сотрудничества в Симоновом монастыре. Его нисколько не удивило, что она в нужный момент рядом, с должной независимостью молодой женщины и подсказывает, и толково делает то, что он и сам бы сделал именно сейчас, и именно так. Скованная тяжким льдом доносов, клеветы, допросов, оправданий, затянувшейся чистки душа его стала оттаивать: к нему вернулась радость жизни, ушли тоска, сумеречность — стало развидняться...

Рука об руку часами бродили они по Москве. Однажды не заметили, как оказались в Коломенском, у церкви Вознесения.

— Так бы и улетела... в беспредельный простор,— запрокинув голову, скользя взглядом по граням каменного шатра, восторженно сказала Мария Юрьевна.

— Падать больно,— баском отозвался Барановский.

— А что, приходилось?

— Разумеется. И не однажды. Совсем недавно рухнул с потолка собора. Метров эдак 10—12 летел.

— И что же?

— Ничего. Жив остался, как видите... После второй чистки Игорь Эммануилович пригласил меня в Беломорско-Онежскую экспедицию. У него был свой интерес — занести беломорские да карельские памятники в список охраняемых государством. Понимай так, что не занесли в список, можно жечь, крушить беспрепятственно, а что занесли — на волю стихий, сколько простоит Богом да государством хранимая церковь, столько и ладно. Никто ведь практически не охраняет.

— Петр Дмитриевич,— остановила она его,— не надо так громко. Мало ли кто слушает.

— Я хочу сказать,— как глухарь, откашлявшись, токовал свое влюбленный,— в условиях России, когда с церковью фактически расправились, сохранятся памятники только в заповедниках...

В этой экспедиции он был загружен сверх меры. Сбывалось его предчувствие — на Белом море вблизи Архан-

гельска все монастыри и церкви успели привести в гражданское состояние, и реальной стала угроза исчезновения сказочных творений русских плотников-зодчих. Николо-Корельский монастырь оказался в лагерной зоне, и судьба его не вызывала сомнений — зэки зимой по приказу начальства разберут его на дрова. Барановскому удалось разобрать и погрузить на баржу большой фрагмент деревянной крепости с надвратной башней. То же удалось проделать с башней Сумского острога. Она на 11 лет старше Николо-Корельского монастыря — 1680 год! Тогда же выхватил он буквально из рук «врагов монархизма» домик Петра I. Все это везут в Коломенское по воде и по железной дороге.

— Петр Дмитриевич, вы вот не курите, а кашляете. При падении отбили легкие?— всполошилась она.

— Телеграмму я сохранил. Ее Николай Николаевич Померанцев составил: «Где хоронить дорогого Петра Дмитриевича?»

— Ох! — побледнела Мария Юрьевна.

— Напрасно это они бегали с телеграммой... до медицинского заключения. Впрочем, там, в Пиялах, медицины и признаков не было.

— Так что же случилось? — погрустнел еще больше голос Марии Юрьевны.

— А дело было так. Экспедиция подходила к концу. В селе Пияла мне предстояло обмерить и сфотографировать собор. Все шло привычным порядком. Вначале — фотофиксация. Затем — обмеры. Добрался до подкупольного чердака. Ради экономии времени решил идти не по потолочным матицам, а по доскам настила. Только ступил на них, потолок рухнул, и я оказался под грудой толстых досок. Когда их разобрали, еще не пришел в себя. Померанцев поспешил составить телеграмму, отослать которую оказалось делом невозможным. Пока бегали с ней, я очнулся. Две недели пролежал в медпункте села Чекуева, а как стал подниматься, захотел посмотреть, что из древностей сохранилось в Чекуевском соборе после его закрытия. Зашел туда — грязь и птичий помет. Вижу, под рухлядью — резная доска. Вытащил ее и ахнул: передо мной был истинный шедевр — резная дверь XVII века. Я ее вам сейчас покажу,— блеснул стеклами очков Барановский.— Эта дверь — музейный экспонат «Коломенского».— И он, наклонив голову, споро зашагал к Сытным палатам.

В доме Барановских, в квартире на Софийской набе-

режной, началось нестроение. Петр Дмитриевич не находил себе места, мучился, страдал, казнил себя за измену, но ничего поделать с собой не мог. Почти двадцатилетняя семейная жизнь с Диной зашла в тупик: в ней уже давно образовалась пробоина. Барановский спешно уезжает в Судак. Генуэзская крепость Судак со знаменитой башней Фиеско (1409) и Консульским замком, кажется, не совсем его предмет. Но там легче разобраться в себе и принять решение.

Этот влюбленный в камни, кирпичи и бревна фанатик, оказывается, был человеком щедрого сердца, страстным, порывистым. Перечитывая его письма к Евдокии Ивановне Барановской, понимаешь, что не соображения практического свойства подвигнули его на первый брак.

1914 год. «Здравствуй, Динушка моя дорогая, сокровище мое, радость моя и счастье.

Миленькая, ты и не знаешь, какую радость ты принесла мне своим письмом...»

1915 год. «Ты моя любовь и радость, моя поддержка и утешение в будущей жизни — я искренне верю в то, что ты будешь всегда такая милая, ласковая, добрая, какой была в последнее время...»

Она такой и была все эти трудные годы войн и революций. Но, видимо, ради его дела, его спокойствия была излишне самоотверженна. Ну уж такая она была!

1917 год. «К тебе, Диночка, две просьбы: первая от меня — скажи Викентию, чтобы он принес от сапожника мои сапоги, если он их еще не принес; а вторая просьба от Вани: необходимо немедленно в стволе моей винтовки, заткнувши один конец пробкой, налить полный ствол керосину и промазать снаружи, а потом дня через два смазать еще раз... Я из Слуцка привез свои вещи, и маленькая комнатка (на озере) превратилась совсем в музей...»

Нежность ушла на второй план, основа отношений— хозяйственные поручения, жалобы на здоровье, благодарность за заботу.

Сентябрь 1931 года. «Дорогая Дина! Без теплой рубашки я, наверное, в дороге промерз бы смертельно... По дороге сюда так было холодно, что я сильно захворал. Около недели у меня был кашель с кровью и боль в груди, не прекращающаяся со времени падения.

Природа здесь прекрасная — море, горы и если бы не такое плохое физическое и такое растрепанное душевное состояние, то здесь можно бы хорошо поправиться.

Но у меня как-то ничего не выходит и не выйдет...

Тебе, вероятно, очень нужны деньги. Получи по доверенности в реставрационных мастерских, в Историческом музее я получил перед отъездом. Прости, что иначе не могу организовать жизнь и с этим ничего не поделаешь...

Поцелуй Олечку и передай от меня пожелание, чтобы она больше играла, а тебе желаю успехов в занятиях, может быть, сейчас и не очень интересных, но ведь всегда интерес вырастает вместе с знаниями. Будьте здоровы и покойны. Письма ответного я уже не успею получить».

Барановский вернулся в октябре в Москву и через два дня отправился в Переславль-Залесский обследовать памятники мирового значения в целях их сохранения.

На Софийскую заглянул товарищ по работе в ЦГРМ, ученый секретарь многих экспедиций Грабаря Н. Н. Померанцев, высокий, стройный, с усами щеточкой.

— Как жалко, что не застал Петра Дмитриевича,— сокрушался гость.— Как он? Ведь мы такое с ним пережили в Пияле.

— Светится, как гнилушка в погребе,— с вызовом и раздражением ответила Евдокия Ивановна другу семьи, который не мог не знать о близящемся разрыве, об увлечении Петра Дмитриевича.

Прибыв из Переславля, Барановский заспешил в Серпухов, где местные герострата в служебном рвении угодить всесильному Кагановичу, возглавившему строительство метрополитена в Москве, разобрали древний белокаменный кремль, крушили церкви и соборы. Камень, рассыпавшийся в прах, погрузили на железнодорожные платформы и повезли в Москву, где он пошел на щебень.

В фильме «Крест мой» на фоне разбираемой на кирпич Китайгородской стены звучит запись голоса Барановского: «Катастрофа надвигается неотвратимо». Да, именно такое чувство испытывали те, кто понимал, что совершается чудовищное преступление — вначале интеллигенцию, а затем лучшую часть трудового крестьянства России превращали в лагерную пыль, зодческий гений народа — русскую архитектуру — в щебенку.

Весной 1932-го он помчался в Холмогоры. Там надумали разбирать в близлежащем селе Нижние Матимры Борисоглебский храм постройки 1683 года. В ответ на свои притязания как защитника русской культуры он получил отповедь вроде той, что прозвучала в том же 1932 го-

ду в «Северном рабочем». Древнюю церковь, разумеется, раскатали на бревна.

«Любимец партии» Бухарин уже в 1919 году предрекал: «Старое общество раскалывается, распадается до самых низов, вплоть до самых последних глубин. Никогда еще не было такой грандиозной ломки». Он указывал, какими средствами успешно осуществляется и будет впредь осуществляться (еще лет 50, по Бухарину) эта ломка: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная с расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Ломке и переделке подлежало все — вплоть до «человеческой натуры». То, что подавляющее большинство (может быть, оно было подавлено «до самых последних глубин» политическим террором и социальной демагогией, а может, успело в значительной своей части психофизически переродиться) было обращено за несколько лет в атеистов и даже воинствующих, поражало воображение иностранцев. Не знаю, в какой мере здесь сказывался животный страх, в какой влияние плоской «научно-естественной, антирелигиозной пропаганды», но «успехи» были достигнуты разительные. Приведу небольшой фрагмент из записок лишенца, бывшего дьякона, архангельского мужика И. С. Карпова: «Наступил праздник Октябрьской революции. Колхозу разрешено было произвести товарищеский обед... Дали повестку приходить на обед. Позвали и меня, но чтобы шел со своей ложкой и чайным прибором. Прихожу со своим сыном. У бригадира составлен посемейный список и по членам семьи наделяет всех шаньгами, колобами, сушкой, сахаром. А когда всех наделили и меня не вспомнили, один из соседей говорит: «А как Ивану Степановичу?» Бригадир говорит: «Я проголосую: кто за то, чтобы Ивана Степановича наделить печеньем и обедом, поднимите руки». Никто не поднял»...

С ужасом вспоминаю и такой «примечательный» факт из биографии полководца Великой Отечественной А. М. Василевского: в 1918 году он навсегда отказался от своего отца-священника и тем обеспечил себе продвижение по службе. Вот оно вожделенное «изменение человеческой натуры», по Бухарину и иже с ним.

Барановский обладал бесстрашием. Возвратившись из Холмогор (в этой поездке он достаточно повидал сцен и картин в духе рассказа дьякона И. С. Карпова),

он принимается за доклад «О катастрофическом разрушении ценнейших памятников народного деревянного зодчества и необходимости экстренных правительственных мер по их сохранению». Грабарь включил доклад в повестку дня очередного заседания Комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК. Комитет возглавлял тогда нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов, в его состав вошли представители заинтересованных (больше в сломе, чем в сохранении памятников) ведомств, вроде НКВД, директора музеев, архитекторы И. В. Жолтовский, В. А. Щуко, В. А. Веснин, Д. П. Сухов. Сообщение Барановского было встречено на комитете вроде бы сочувственно, и даже резолюцию приняли обнадеживающую, только комитет этот, как и Президиум ВЦИК, существовал не столько для реального воздействия на ход событий в стране, сколько для прикрытия под видом законности страшных беззаконий и попрания всего и вся.

Фиговым листком, в частности, оказалось и постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 августа 1933 года «Об охране исторических памятников». Архитектурно-планировочное управление Моссовета, получив от Кагановича принципиальное одобрение проекта реконструкции столицы и обсудив для соблюдения формы проект В. Семенова на совещании московских архитекторов, игнорировало Президиум ВЦИК с его Комитетом по охране памятников и уже осенью 1932 года приступило к реализации не утвержденного никем проекта реконструкции, вломившись со всей разрушительной техникой в кварталы Охотного ряда. Первый удар пришелся на палаты В. В. Голицына и на голову Барановского, а затем началась изнуряющая неравная война с противником, который был вооружен планом реконструкции и поддержкой партийно-государственных структур (В. Семенов, главный архитектор Москвы, был в фаворе у Кагановича, а затем и у Сталина), а Барановский только и мог что писать безответные протесты, собирать драгоценные детали разрушаемых шедевров, перевозить их на свою скудную зарплату гужевым транспортом в Коломенское.

Приступая к работе над «Житием Петра Барановского», я проштудировал анкеты, автобиографии-исповеди, в разные годы и по разным надобностям заполнявшиеся и писавшиеся Петром Дмитриевичем. В сообщениях о злоключениях Барановского в связи с его выступлением в защиту обреченного на снос храма Василия Блаженного, имевшие место действительные события, увы, сплелись с

вымыслом, который и не вымысел вовсе, поскольку воевал архитектор если не с самим Кагановичем, то с его заместителем, но все равно — инициатором сноса Василия Блаженного был все тот же Каганович. Так что слова Петра Дмитриевича, сказанные им в кабинете зампреда Моссовета Усова, адресовались, несомненно, и Кагановичу, и всей его шайке: «Это преступление и глупость одновременно. Можете делать со мной, что хотите. Будете ломать — покончу с собой». Правда, был за ним грех наивности — Барановский послал телеграмму Сталину, и скорее всего эта телеграмма как вызов зарвавшейся власти повлияла на ход событий, иначе чем объяснить, что храм Василия Блаженного устоял. В одной из анкет 1934—1936 годов была и такая запись: «Подвергнут тюремному наказанию по статье 58^{10-11}».

Просмотрев все бумаги, связанные с этой статьей и сложным процессом реабилитации, я обнаружил черновик заявления-исповеди от 28 марта 1964 года, никогда не публиковавшийся.

«В Комитет госбезопасности от Барановского Петра Дмитриевича

Причиной настоящего письма является предъявленное мне предложение представителя Комитета госбезопасности тов. В. Я. Васильева изложить истинные обстоятельства дела по аресту и репрессированию на 3 года, которому я подвергался по решению Особого совещания при коллегии ОГПУ 2 апреля 1934 года по ст. 58-10-11.

Тридцать лет, прошедших с тех дней, прожитые в напряженном труде, постепенно сгладили остроту боли и горечь воспоминаний об этих событиях в моей жизни. Но все же они остались как некое кошмарное болезненное сновидение, которое сознание хотело бы совсем изгладить из памяти, но что является невозможным.

Представившаяся ныне необходимость дать указанное изложение заставляет напрячь память для истинного отображения фактов и для правильного их анализа. Это дает возможность облегчить сознание искренним, справедливым высказыванием с благодарностью к инициаторам хотя бы даже только за то, чтобы в истории не осталось неправильного или недоуменного истолкования настоящего факта.

Я полагаю, что здесь не следует излагать даже вкратце мою биографию, нужную для представления о творческом и человеческом профиле, но все же счи-

таю, что в случае желания вашего заглянуть глубже в причины явлений, целесообразно приложить к этому показанию копию своей автобиографии (прилагавшейся в свое время к другим документам обо мне). Только из нее при внимательном и чутком взгляде можно увидеть, вернее, почувствовать, что истинной причиной ареста и репрессии была не какая-то вымышленная «организация», а страстное увлечение, любовь к делу и честное отношение к служебным обязанностям, которое объединяло меня с рядом лиц, так же служивших ему.

Сперва приведу характеристику той обстановки, в которой мы работали. 1933 год, роковой для меня, был очень тяжелым для дела охраны памятников культуры нашей Родины. Провозглашенные В. И. Лениным в законодательных распоряжениях установки о бережном отношении к памятникам прошлой народной культуры, стали приходить в забвение и серьезно нарушаться. В Москве деятельно работал специальный трест по разборке зданий — памятников старины. Такое отношение к памятникам культуры имело не меньшее отражение и на периферии страны, и древние города и местности быстро утрачивали свой характерный исторический и художественный облик. Небольшая группа специалистов, преданных делу охраны и реставрации памятников, истощали свои усилия в попытках доказать их ценность для народа и то, что такое отношение есть результат варварства и беспамятства. Но эти попытки большею частью были бесплодны. Для характеристики напряженной борьбы на этом поприще приведу только один факт, случившийся за несколько дней до моего ареста. В сентябре 1933 г. я и архитектор Б. Н. Засыпкин были направлены от Комитета по охране памятников при ВЦИК для переговоров в отношении охраны памятников г. Москвы по вызову к заместителю Председателя Московского Совета Усову. В длительной беседе с ним выяснились две противоположные и непримиримые позиции. Наши аргументы за защиту памятников, на основе установок, данных В. И. Лениным, полностью отвергались, и нам с полной категоричностью было заявлено, что Московским Советом принята общая установка очистить город полностью от старого хлама, который мы именуем памятниками и который тормозит социалистическое строительство. По-видимому, для большего убеждения в непререкаемости своей точки зрения и своей мощи, а также в бесполезности какого-либо сопротивления с нашей стороны при нас был вызван начальник отдела

благоустройства тов. Хорошилкин и начальник Мосразбортреста тов. Иванюк и им дано распоряжение немедленно снабдить нас лестницами, веревками и т. п. для того, чтобы произвести обмер и прочую фиксацию храма Василия Блаженного на Красной площади, так как в течение ближайших дней он подлежит сносу. Понятно, что мы были весьма деморализованы этим, так как мнения и решения ряда отдельных крупных администраторов, подобные выраженному Усовым, продолжали энергично действовать в жизни, несмотря на наличие общих правительственных постановлений по охране памятников. Я должен был остановиться подробно на этом примере потому, что в подобных этому фактах коренится и все существо происшедшей дальше личной катастрофы. Большие исторические и художественные ценности, изъятые революцией из рук церкви и частных владельцев, были переданы в наши руки для их сохранения. Каждый из участников этого дела должен был чувствовать себя весьма ответственным за него перед государством и народом и, по мере темперамента, вкладывать в него все свое время и силы. При таком положении, когда мы буквально задыхались от усилий противодействовать непониманию и ликвидаторским тенденциям по всей стране, нам (я говорю о себе и о всех лицах, входящих в настоящее дело), конечно, не было никакой возможности думать о чем-либо ином, о политике, о какой-либо «организации». Так быстро назревал серьезный конфликт, который мы предчувствовали, но ничего сделать не могли, так как уйти от дела значило изменить долгу честного специалиста и совести и тем оставить беззащитными народные ценности.

Вскоре, через несколько дней после встречи с Усовым, я, а затем (как я узнал значительно позже) и Засыпкин Б. Н. были арестованы. Несмотря на большое моральное потрясение и чувство глубокой обиды, так как я с первого дня Советской власти с полным самозабвением честно отдавал все силы служению любимому делу (см. автобиографию), я все же был твердо уверен, что здесь произошла какая-то роковая ошибка, что здесь разберутся, и правда восторжествует.

Однако уже с первых допросов я был потрясен каким-то полным расхождением в понимании своем и следователя Альтмана. Сперва с его стороны были настойчивые, со страшными угрозами смертью, обвинения в каких-то вымышленных покушениях на жизнь тов. Сталина.

Затем последовали обвинения в активном участии в каких-то фантастических для меня политических организациях по свержению советской власти, с упоминанием фамилий каких-то совсем неведомых для меня лиц, чтобы занять самим правительственные места и т. п. Хотя эти настойчивые убеждения в том, что я, помимо своей воли, вошел в круг этой «организации», казались каким-то чудовищным бредом, однако неизменное повторение по ночам в течение длительного времени повергло в такую бездну отчаяния и до такой степени расстроило нормальное восприятие и психику, что единственным выходом казалось самоубийство, если бы к этому была какая-либо возможность.

Наконец, когда нервы дошли уже от допросов и моральных пыток до крайнего расстройства, методы обращения и допросов стали более тонкими и совершенными. Прежде всего последовали вопросы, с кем из окружающих лиц у меня были служебные, деловые, а также близкие товарищеские или дружеские отношения как в Москве, так и в других местах. Понятно, что я откровенно и чистосердечно перечислил большое количество сослуживцев и знакомых и близких людей, с которыми имел общение и разговоры на заседаниях, на службе и при встречах и с которыми, по необходимости, приходилось зачастую обсуждать и осуждать вопросы неправильного отношения некоторых представителей власти к вопросам ленинской системы охраны памятников (вроде вышеописанной точки зрения Усова). Предложено было дать краткую характеристику некоторых из лиц, перечисленных мной, по выбору Альтмана, и характеристику общения с ними по указанным вопросам, в чем я не усматривал чего-либо угрожающего, хотя сделать это было трудно, и это носило серьезный характер.

На следующем этапе ночных допросов этой характеристике общения и критических высказываний в беседах с товарищами по работе было дано такое истолкование, что, с точки зрения советской политики сегодняшнего дня, эти единые мысли группы специалистов, объединенных одинаковыми идеями, и есть та самая политическая группировка, уловлением которой занимаются органы НКВД. Иное понимание есть только следствие политической незрелости; признание такой теории есть признак сознания и раскаяния, за которым последует прощение, так как в задачи советской власти входит больше исправление, а не наказание, в противном случае должна по-

следовать только жестокая кара до лишения жизни включительно. В доказательство неопровержимости этого построения приводились (из того, что я могу вспомнить), между прочим, такие аргументы, что для членов к-р. организации совсем нет никакой необходимости быть где-то зарегистрированными, знать ее конкретное оформление, т. е. ее задачи, руководство, состав членов и т. п. Достаточно иметь только близость, сочувствие и понимание родственных идей и интересов хотя бы только в специальной области, на базе которых может вырасти и протест политический, связывающий единомышленников в одну цепь, по которой могут передаваться мысли и действия как электрическая искра по хорошему проводнику. Поэтому в задачи НКВД входит розыск и уничтожение таких групп. Сперва такая теория и трактовка встретила у меня протест и противодействие еще не разрушенного окончательно чувства и разума. Потом логика подобного построения стала получать непрерывную поддержку и серьезное подкрепление со стороны двух товарищей, тоже заключенных в той же камере (фамилии их не помню), из коих особенно один (по его словам), был коммунистом и политическим деятелем, перешедшим из-за границы и, несомненно, человеком весьма зрелым, в противоположность мне, в вопросах политики. Непрерывное мучительное раздумье над этим вопросом, запугивание смертью тех, кто не осознает правильности такого формирования к-р. организации, доказательства с воздействием на психику вроде того, что «а мы вашего Василия Блаженного уже ломаем» (что потом оказалось обманом), угрозы в отношении семьи, гибель идей охраны и реставрации памятников, которым отдана была предыдущая жизнь,— все это создавало тяжелую моральную пытку и непрерывно настойчиво разрушало нервы и разум. Наконец наиболее решительным моментом было продемонстрированное мне показание тоже арестованного ленинградского профессора Н. П. Сычева, написавшего, что он якобы являлся главою к-р. организации. Этим нормальное восприятие, воля и психика были сломлены окончательно, и уже самому, под воздействием запугивания, а потом обмана и внушения, ложное бредовое построение стало казаться похожим на истину. Используя такое ненормальное психическое состояние, Альтман немедленно предложил переписать или перевести написанное мною, как он говорил, в обывательской форме на форму политического языка, под его диктовку. Вспомнить и уточ-

нить детально, как это просходило, я не могу, так как находился в невменяемом состоянии. Смутно представляется только, что происходил этот «перевод из одной формы в другую» мучительно долго, как будто строка за строкою, как пытка, с болезненным и безутешным сопротивлением остатков ослабленной, искалеченной воли, нервов и разума. Об этом страшно вспоминать. Во всем этом уже нельзя искать даже следов здравого смысла, это было только последствие длительной многомесячной моральной пытки и искусного обмана, состояние вымученного безумия.

Но этим мои мучения еще не закончились. Подобно тому, как при широко известном явлении времен средневековья, когда после пытки люди давали показания, а потом, приходя в сознание, весьма часто отказывались от них, повторилось и в данном случае. Когда нервы и психика пришли в несколько более нормальное состояние и ослабело, рассеялось воздействие устрашающих мер и гипноза, я стал настойчиво требовать вызова к Альтману или его начальнику Когану, чтобы взять обратно написанное в приступе безумия, какие бы за этим ни были последствия, не исключая и прежних угроз Альтмана смертью. Однако этого я уже не добился и вызван не был. Тогда я принял твердое решение заявить о своем отказе от вынужденных показаний в тот момент, когда состоится суд или будет объявляться приговор, и жил надеждой на это, и такого суда или объявления не состоялось. Меня внезапно перевезли в Бутырки в одиночную камеру, затем, в конце тюремного заключения, через некоторое время зачем-то заключили, как смутно вспоминается, на не очень длительное время, в какой-то тесный ящик без окон, облицованный керамической или стеклянной плиткой, где со мной опять был припадок (потеря сознания), так как я остро почувствовал, что мне намеренно не дают возможности обнаружить искусно построенный обман, исправить и изменить вымученные показания и что все уже оформлено окончательно. Потом мне дали свидание с женой и вывезли в Мариинский Западносибирский лагерь заключенных...»

При свидании с женой, Марией Юрьевной Барановской, его первым вопросом было:

— Стойт?

Она успокоила его:

— Стойт. Стойт.

Речь в этой немногословной беседе шла о храме Ва-

силия Блаженного — Покровском соборе на Красной площади. С тех пор, как 4 октября 1933 года он неожиданно («...когда я собирал в Коломенском деревянную крепостную башню, привезенную с Белого моря, и извлекал из повозки части архитектурной обработки с разбиравшейся тогда в Москве церкви Никола Большой крест на Ильинке»— из неопубликованной пока автобиографии 1947 г.) был арестован, и с тех пор, до 4 апреля 1934 года, когда ему объявили приговор особого совещания коллегии ОГПУ от 2.04.34 и разрешили свидание с женой, он был полностью отрезан от мира.

Из «Автобиографии» П. Д. Барановского: «Вскоре по прибытии в сибирские лагеря (на жаргоне гэпэушников — сиблаг) в г. Мариинск, я был назначен помощником начальника стройчасти. Там мною, помимо других работ, было спроектировано здание сельскохозяйственного музея, в котором основной чертой было стремление внести архитектуру в бесхарактерное с этой стороны местное строительство». Ампирный дворец из самана, применение архитектурной обработки, конечно же, было эффектным градостроительным приемом. Вокруг, насколько охватит взгляд, бараки, бараки, бараки и вдруг — дворец! Начальник сиблага Чунтонов при открытии музея вовсе не шутки ради патетически заявил: «Сельскохозяйственный музей — его официальное название. Это, по существу, центр научной мысли хозяйства сиблага. Здесь лучшие специалисты будут обмениваться опытом, будут влиять на все это хозяйство и давать тон его работе». Зэк, профессор Палферов, развил мысль начальника управления сиблага дальше: «Главное сейчас — это борьба за качество, за повышение урожайности».

Антимиры создавались и существовали как несомненная реальность. В архиве Барановского хранится мандат «Ударника сибирских лагерей»— символ цинизма и человеческого бесправия. На пожелтевшей картонке оттиснуто: «Труд в СССР — дело чести, доблести и геройства». Автор афоризма хорошо известен.

Рассказ о лагерной жизни — не предмет этого повествования, тем более что Барановский и в концлагере проявил свои недюжинные организаторские, прорабские, архитектурные способности. «Все последующее,—писал он по поводу реабилитации в заявлении КГБ,— то есть 3 года лагерей, меркнет, несмотря на все трудности, перед

кошмарной трагедией допросов, искусного обмана, больного сознания и моральных пыток, испытанных во внутренней тюрьме. В сибирском лагере уже были жизнь и труд, в напряжении которого можно было хотя бы отчасти забыть о случившемся и даже надеяться на какое-то продолжение нормальной жизни и плодотворного труда в будущем, на свободе. В лагере я был отличником на работе, построил по своему проекту сельскохозяйственный музей, потом электростанцию, награждался и был освобожден досрочно.

Потом я узнал, что примерно половина тех из моих товарищей по работе, которые были одновременно со мной арестованы, а затем отобраны Альтманом и фигурировали в моем вынужденном, под психической травмой, показании, были тоже частично репрессированы. То есть или только высланы из Москвы, или заключены в лагерь, а другая половина почему-то совсем не была затронута.

Теперь, на склоне дней, в возрасте 72 лет, я, находясь в здравом уме, повторяю еще раз с полной ответственностью, что в данном случае никакой «контрреволюционной организации» не было, что все изложенное в показаниях, оформленных «на политическом языке» под диктовку Альтмана, есть только результат искусного обмана, внушения под воздействием нравственной пытки, крайне болезненного ненормального состояния и тяжелой психической травмы. Сейчас я имею основание считать, что и предъявленные мне показания профессора Сычева представляют собою или обман, или имеют, вероятно, подобное же происхождение».

Итак, одни были высланы из Москвы, отбывали сроки в лагерях, другие надолго замолчали. Тогда еще не было в обиходе такого понятия, как мафия, но мафия уже существовала. Автор проекта реконструкции Москвы, его окружение, моссоветовские борцы со «старым хламом» — Усов, Хорошилкин, Иванюк, политические боссы — Каганович, председатель Моссовета Булганин — разве не представляли они мафиозную команду, увлеченно занятую перемалыванием костей древней Москвы?!

Барановский не имел права после освобождения из сиблага (май 1936) возвращаться в Москву. Местом жительства ему был определен город Александров, где ежедневно в 17.30 он должен был расписываться в книге учета у местного оперуполномоченного. Что он и делал. Но первое время, два летних месяца, июнь и июль, каж-

дое утро с первым поездом отправлялся он в Москву на Красную площадь.

Когда он прибыл с котомкой за плечами на Казанский вокзал, он не спешил пересечь Комсомольскую площадь (до 1932 года она называлась Каланчевской), чтобы купить билет до Александрова — к месту ссылки, а отправился на Красную площадь. Выйдя к Историческому проезду, он с неизъяснимым волнением увидел на фоне закатного неба силуэт храма Василия Блаженного. От нахлынувшей радости лицо его сияло, но что это?.. Поднимаясь по брусчатке Красной площади, он заметил, что нет одного, дорогого его сердцу силуэта... Казанский собор был наполовину разобран, знакомые каменщики неторопливо делали эту пыльную антиработу, и он, сухо поздоровавшись, принялся производить замеры. Когда-то, ведя реставрацию вниз, от креста, он не позаботился тщательно обмерить весь собор. А теперь обмерял, фиксировал, зарисовывал еще не разобранную часть целого. Будто и не прерывал своей привычной деятельности. В ходе разборки проявлял особое тщание, знал, что ли: наступит время, и его обмерные чертежи пригодятся[1].

«Нельзя считать почти три лагерных года целиком выброшенными из сложившегося ранее профиля научных интересов и работ. По мере полученной для этого возможности я подвел итоги некоторым из поисков и научно-теоретических работ прошлого и, кроме того, лично выполнил за это время две архитектурные модели из дерева для реставрации памятников в натуре» — это из его «Автобиографии» (1947 г.).

Не теряя ни одного дня, по возвращении из Мариинска, он продолжал привычное свое дело. Поскольку в Москве жить запретили, поступил на должность архитектора-реставратора в музей «Александровская слобода», где принялся за некогда начатые работы по научному исследованию и реставрации комплекса памятников XVI—XVII столетий.

Еще когда он был в лагере, об освобождении и «включении его в работу по овладению культурным на-

---

[1] В 1980 году Барановский передал имеющиеся у него обмерные чертежи, всю документацию по Казанскому собору своему последнему ученику Олегу Игоревичу Журину. В 1990 году принято решение Моссоветом о восстановлении храма-памятника, и О. И. Журин по заказу Московской организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры завершает проект воссоздания Казанского собора, готовит рабочие чертежи — не за горами начало строительных работ.

следием прошлого и использованием его достижений для нужд современности» ходатайствовали А. В. Щусев, И. В. Жолтовский, И. Э. Грабарь. Они же способствовали тому, что он был зачислен научным консультантом Академии архитектуры. В качестве консультанта Барановский летом 1936 года вновь появился в Коломенском, где без него создание музея под открытым небом застопорилось. Вскоре он подает в Президиум Академии архитектуры записку «Программа и научный метод организации музейного городка народной архитектуры», и пока там перекладывают его докладную со стола на стол, занимается устройством постоянной экспозиции «Русская строительная керамика XVI—XX вв.». В конце 1937 года консультанта Академии архитектуры приглашают в музей Троице-Сергиевой Лавры для научного руководства и организации реставрационных работ. В течение 1938 года им намечен план на перспективу, составлены первые проекты реставрации, практически начата та работа, которая преемственно ведется до сего времени. Тогда же, в 1938 году, за летний сезон он провел исследования, обмеры, частичную реставрацию крепостных стен, башен, жилых корпусов, раскрытие и восстановление в натуре первого этажа Больничной палаты, раскрытие окон и декора алтаря, стенной лестницы, закомар, четверика церкви Зосимы и Савватия (1637 г.). Начал исследование Духовской церкви (1476 г.), увенчавшееся открытием уникальной конструкции главы (на колоннах), которые завершил в 1951 году, когда по его чертежам была изготовлена модель храма[1]

---

[1] Авторство этого открытия тщится себе присвоить В. И. Балдин, долгие годы подвизавшийся в качестве ведущего комплекс Троице-Сергиевой лавры архитектора-реставратора. Исполнявшая модель Духовской церкви О. П. Барановская обнаружила непристойное сначала утаивание, а затем и присвоение авторства исследовательского открытия. Самое раннее печатное упоминание об этом в статье Ильина, Максимова, Косточкина в 3-м томе «Истории русского искусства» (1955) под редакцией И. Э. Грабаря. Под фотографией Духовской церкви подпись: «Реконструкция И. В. Трофимова», но в конце 3-го тома имеется редакторская поправка: «на с. 291 под фотографией следует читать: «Модель реконструкции по исследованию и проекту П. Д. Барановского». Видимо, об ошибке кто-то вовремя сообщил И. Э. Грабарю. В. И. Балдин трижды писал о Духовской церкви. В сборнике «Архитектурное наследство» (№ 19, 1972) им самим заявлено: «Первооткрывателем был архитектор Барановский П. Д., который в 1937 г. исследовал и обнаружил древнюю звонницу XV века. Модель церкви находится в Загорском музее». А в книге «Загорск» (1984 г.) пишется уже по-другому: «Работы по реставрации Духовской церкви велись художником И. В. Трофимо-

Еще в 1933 году, накануне ареста, по приглашению правительства Азербайджана он выезжал туда в связи с развертыванием исследовательских и реставрационных работ к юбилею Низами. Именно тогда им был открыт храм-дворец VI века в Леките. И вот снова приглашение из Азербайджана. Центральное управление охраны памятников просит его принять на себя научное руководство реставрацией Нухинского дворца в Шехи, исследовательскими и реставрационными работами по другим памятникам в связи с предстоящим в 1941 году празднованием 800-летия Низами Гянджави.

«Приняв это предложение, я включился в сравнительно новую для себя большую работу по исследованию Кавказа: успешно проведенные работы по реставрации наиболее ответственных частей Нухинского дворца, а также ряд консультаций по другим памятникам,— писал в 1947 году Барановский,— послужили началом научных исследований по выяснению наиболее древнего, совсем неизвестного периода архитектуры Восточного Кавказа, и вскоре поиски в этом направлении увенчались успехом большим, чем шли даже самые смелые предположения».

В ходе трехгодичных поездок он обследовал горы и ущелья восточной части Большого Кавказского хребта, Кахский, Закатальский районы, остатки великих (по аналогии с великой Китайской стеной) стен — Дагестанской и Закатальской, обнаружил остатки разрушенных памятников, провел раскопки, консервацию и реставрацию их. 22 февраля 1941 года председатель комиссии по охране и реставрации памятников архитектуры при Академии архитектуры СССР И. М. Рыльский писал: «Раскопки, произведенные им с 27.10.40 г. по 1.01.41 г. в исключительно сложных условиях, дали блестящие результаты — открыт памятник архитектуры мирового значения забытой народности Кавказской Албании». Прерванные войной работы возобновились в 1946 году и продолжались вплоть до 1951 года. Чтобы представить невероятное трудолюбие Барановского, его увлеченность открывшейся ему культурой, масштабы осуществленного им в Закавказье, следует вникнуть в «Перечень» за эти годы, начиная с 1938-го.

вым под наблюдением Комиссии Академии наук, возглавлявшейся Грабарем И. Э.». Наконец, в переиздании путеводителя «Загорск» (1989 г.) — новый вариант. Автором становится сам В. И. Балдин. Подпись под фотографией макета (с. 145) гласит: «Макет — реконструкция автора книги». И не стыдно?

1938. Экспедиция по маршруту Баку, памятники Апшерона, Нуха, Тбилиси, Атени, Гори, Мцхета.

1938. Ханский дворец в Нухе (XVII в.). Исследование и обмер, проект реставрации, восстановительные работы — укрепление разрушенных стен с росписями, установка перекрытий.

1939. Экспедиция по разысканию и исследованию памятников архитектуры Кавказской Албании (V—XVI вв.). (Личная.) Храмы в селах Кши, Бухтало, Зейнит, Бахи, Кум, Лекит, Закаталы. Обмеры и предварительные исследования.

1939. Экспедиция Азербайджанского управления охраны памятников по исследованию и реставрации памятников к юбилею Низами. Памятники в Нухе, Кахе, Закаталах, Куме, Джалутах, Барташене, Подаре, Кутказшене, Хазрах, Кабале, Броде, Талах, Бухавле, Джарах, Катехах, Мацехах. Эскизы, обмеры, фотофиксация, раскопки в Куме.

1939. Село Орта-Зейзит. Храм X в. Обмер, исследование и проект реставрации.

1939 г. Село Кум. Храм VI—XII вв. Обмер и исследование.

1939. Село Кабала. Крепость древней столицы Албании. Обмер, исследование, эскизы, реставрация.

1939. Село Хазры. Мавзолей и надгробие на древнем кладбище. Расчистка, фиксация.

1939. Село Кум. Базилика VI в. Обмеры, исследование с археологическими раскопками, проект реставрации, защита от застройки колхозной электростанцией.

1939. Село Лекит. Круглый храм VI и комплекс дворцовых зданий. Расчистка, обмеры, исследования, археологические раскопки, проект реставрации, защита от подмывания арыками, реставрация отдельных частей, поднятие и защита колонн, разработка проекта заповедника.

1939. Мавзолей на могиле Низами в Кировабаде. Проектное предложение по сохранению остатков древнего мавзолея при сооружении нового.

1940. Экспедиция по памятникам Кавказской Албании в Северном Азербайджане (Центральное азербайджанское управление охраны памятников) — Баку, замки Апшерона, Дербент, Нуха, Лекит, Елесу, Кахи.

1940. Продолжение экспедиции (лично) — храм в Кум-Сускенде, замок и храм в Баш-Гюллюк, замки Кум-Кала-Баш, Кум-Кала-сырт, Гюллюк-Тене, круглые замки по Великой стене: Катехи, Мацехи, Закаталы, храмы

Кахетии в Старой Гавази, Телави, Алаверды, Алвани, Шпавели, Греми, Некреси, Урпатбани. Обследование, доклад в Академии архитектуры СССР.

1940. Дербент. Крепостная стена города и ее цитадель Нарын-Кала (VI—XVII вв.). Обмер, исследование, фотофиксация южных застроенных участков, сбор исторических материалов, организация вопросов охраны.

1940. Джалаганская крепость горной стены (VI в.). Обмер, фотофиксация, проект реставрации.

1946. Первая Кавказская экспедиция Института истории искусств АН СССР по теме «Связи в архитектуре Древней Руси с Кавказом, Византией и балканскими славянами» — Баку, Нуха, Лекит, Талы, Цнери, Тбилиси, Мцхета, Кировабад, Ереван, Аван, Арамус, Звартноц, Рипсиме, Шогакат, Гаяне, Эчмиадзин, Аштарак, Зоравар, Нгварт, Сухуми, Дранзы, Гудауты, Лыхны, Новый Афон и др.

1946. Дранзы. Храм VI в. Обмер, исследование и проект реставрации.

1946. Лыхны. Дворец абхазских правителей (XIII—XIV вв.). Обмер, исследование, эскиз реставрации.

1946. «Задача исследования памятников Кавказа для уяснения вопроса связей Древней Руси с Кавказом в архитектуре»— программный доклад в Институте истории искусств АН СССР.

1947. Вторая Кавказская экспедиция (начальник экспедиции) по памятникам: Зеленчук (Архиз), Хумара, Сенты, Орджоникидзе, Дарьяльская крепость, Казбек, Сиони, Мцхета, Тбилиси, Удхарма, Замши, Гурджани, Карданахи, Лекит, Кум, Кахи, Закаталы, Калал, Чердахлар, Котюклю, Зарна, Мейсары, Баку.

1947. «Памятники архитектуры в селениях Кум и Лекит»— статья в книге «Архитектура Азербайджана эпохи Низами».

Не у каждого, возможно, хватило внимания перебрать весь этот (все же сокращенный!) список дел и свершений, а ведь за каждой строчкой труд и — какой! Результативный труд!

Статья в книге «Архитектура Азербайджана эпохи Низами» получила горячий отклик не только в Баку, но в Москве. В журнале «Вопросы истории» (№ 3,1948) доктор исторических наук М. М. Дьяконов писал: «Особый интерес представляет статья П. Д. Барановского В ней дано описание двух замечательных архитектурных сооружений, вовсе неизвестных в науке. Первое из них — храм

в селении Кум Кахского района Аз. ССР — представляет собою большую трехнефную базилику... (которая) напоминает наиболее ранние базилики Закавказья, такие, как Ереруйк и Текор в Армении V—VI вв., Болниси в Грузии, конец V в. Тем самым устанавливается культурная связь народов Кавказа в столь раннее время, как VI в. нашей эры, к которому с полным основанием относит автор построение Кумского храма. Но Кумский храм имеет также важное место в истории мировой архитектуры, являясь звеном в развитии базиликального храма.

Заслугой П. Д. Барановского является и то, что он на примере кумской базилики доказал раннее бытование на Кавказе техники смешанной, кирпично-каменной кладки.

Вторым памятником, разобранным П. Д. Барановским в его статье, является круглый храм в Леките, в том же Кахском районе, открытый в ноябре 1940 года. Этот храм... должен быть поставлен в ряд с такими знаменитыми сооружениями, как храм в Басре (Сирия, начало VI в.), Звартноц в Армении (VII в.) и грузинский храм Бана. Если принять ход рассуждений П. Д. Барановского, то окажется, что храм в Леките является старейшим зданием «центрального плана» на Кавказе.

Из всего вышесказанного ясно, какое огромное значение имеет открытие этих двух архитектурных памятников и как важно возможно скорее закончить их изучение и издать полное их научное описание». А разве не видно сегодня, когда на почве обывательски-бытовой, псевдонаучной, вульгарной интерпретации истории разжигается межнациональная рознь в республиках Закавказья, какое значение имеет для расстановки все и вся по местам грандиозное историческое архитектурно-археологическое исследование Кавказа, проведенное Петром Дмитриевичем и, по существу, не востребованное нашим временем? Установленная им культурная связь народов Кавказа в столь отдаленное время, как VI век, думается, дает щедрый материал для научной конференции историков трех Закавказских республик с участием научных сил других регионов страны. Конференции, которая может стать началом движения навстречу друг другу на высшем, духовном уровне. Повод для конференции благородный и благодатный — 100-летие П. Д. Барановского, которое грядет 14 февраля 1992 года.

К сожалению, начатое в 30—40-е годы заглохло.

В 1949 году, подводя итог работам Барановского, И. Э. Грабарь мечтал о создании на базе Лекитского архитектурного комплекса архитектурно-археологического заповедника общесоюзного значения. Но увы... Грабарь признал выдающееся значение разработанного П. Д. Барановским метода одновременного ведения восстановительных и консервационных работ для сохранения руин памятников архитектуры на территории Закавказья, Северного Кавказа, Крыма, Средней Азии и предложил в дальнейшем, опираясь на этот метод, вести отработку способов сохранения руин не только архитектурных, но и археологических и исторических памятников. Метод этот повсеместно вошел в практику, и никто даже не задумывается, откуда у нас это умение остановить разрушение дошедшего из глубины веков. Многие знают имена поэтов-песенников, композиторов-песенников, экстрасенсов. Архитектор-реставратор? Археолог? А что это такое? О них по радио не говорят, в газетах писали одно время... как о врагах народа. Барановский разве мог рассчитывать на пропаганду своих научных свершений? Выпустили из концлагеря — и пусть будет доволен. Много работает? Все много работают. Страна у нас такая — трудовая.

Арест 4 октября 1933 года в музее «Коломенское», беседы при ослепляющем электрическом освещении в следственном изоляторе Лубянки с тов. Альтманом, приговор особого совещания при коллегии ОГПУ, ударничество в сиблаге, запрет проживания в столице как поднадзорного. Эти факты биографии отлились в такое зловеще крепкое яичко с клеймом «был осужден по 10-й статье», что долгие годы разбить его не удавалось никому.

Вплоть до самой войны влиятельнейшие ученые Щусев, Грабарь, Жолтовский, Веснин выпрашивают в инстанциях для Барановского право жить в столице. Добрая душа академик И. В. Рыльский в 1940 году пишет характеристику на Петра Дмитриевича, предлагая избрать его членом-корреспондентом Академии архитектуры. Наивный человек: даже рассматривать не стали. В 1957 году такое же предложение от И. Э. Грабаря для вида рассмотрели, но завернули. А. В. Щусев как руководитель сектора архитектуры Института истории искусств АН СССР выступает с предложением удостоить П. Д. Барановского ученой степени доктора архитектуры — отдел кадров ходатайство не выпускает за стены института. Невольно начнешь мрачно шутить. На слова друзей о его

авторитете Барановский с сарказмом ответствовал:

— Это мнение всеми властями, кроме лагерных, отвергается. В характеристике сиблага меня высоко ставят: «Активен, исполнителен по заданиям, авторитетен среди з/к. В быту поведение отличное». Так, Мария Юрьевна?

— Так. Так.

Можно предположить, и не без оснований, что кадровики и не вникали в то, что значит Барановский для русской и мировой науки, какой это чистоты и цельности человек. Судимость, да еще по 10-й статье, для них — достаточное основание, чтобы приостановить движение любой бумаги. В то же время Барановский был включен в ученые советы Академии архитектуры, НИИ АН СССР, ГТГ и т. п. В ряде из них состоял консультантом и главным консультантом. Но жестокая репрессивно-бюрократическая система унижала крупного ученого. Назначенный было старшим научным сотрудником НИИ АН СССР Барановский низводится приказом И. Э. Грабаря (на основании выписки из протокола распорядительного заседания Президиума АН СССР) до младшего научного сотрудника как лицо, не имеющее ученой степени или звания профессора. Почтенный Грабарь, отлично знающий, что профессором П. Д. Барановский был еще в 1919—1922 годах, как солдат на плацу, послушно исполняет команды сверху. А что бы академику не встать на защиту чести своего коллеги?! Нет. Легче руками развести: «Как они могли?» «Отец чуть не заплакал, когда пришел отказ по линии ОВИРа на поездку в Болгарию, где он собирался прочесть доклад о связях древнерусской и славяно-балканской архитектуры»,— вспоминает О. П. Барановская.

В мудрой сказке так: «Дед бил, бил — не разбил. Баба била, била — не разбила. Мышка бежала, хвостиком задела, яичко упало и — разбилось». Благотворна в судьбе Барановского роль искусствоведа В. А. Десятникова. Это он активно способствовал вызволению Барановского из тени забвения. Вот эта история в изложении Десятникова (Огонек. 1987. № 46. С. 20): «В давнюю мою бытность сотрудником Министерства культуры СССР случай свел меня с архитектором-реставратором П. Д. Барановским. Ему тогда исполнилось семьдесят лет, и реставрационная мастерская, где он работал, представила его к присвоению почетного звания «Заслуженный деятель искусств РСФСР». Петр Дмитриевич принес в министерство автобиографию, фотографию, листок по учету кад-

ров и список творческих трудов. Старший инспектор отдела кадров, бывший подполковник авиации, полистал документы Барановского и безапелляционно заявил:

— Какое вам может быть звание? Вы же всю жизнь церкви реставрировали.

— Не церкви, а памятники культуры,— уточнил Барановский и забрал документы».

Прерву рассказ Владимира Александровича, чтобы сказать, что во всех листках по учету кадров (анкетах), а мне довелось просмотреть их более десятка, есть строка: «1934—1936 — подвергнут наказанию тюремному по 58 ст.». Бывший подполковник авиации несомненно эту строку приметил и отреагировал соответственно. А что же Десятников?

«Было стыдно за моего коллегу, но служебная этика не позволяла «встревать» в разговор. Я вышел из кабинета и побежал в гардероб. Петр Дмитриевич неспешно одевался. Он выглядел скорее мастеровым, но никак не профессором, выдающимся ученым. Извинившись, я попросил его отдать мне принесенные документы. Расчет мой был простой. Кадровик частенько прихварывал. Я надеялся в его отсутствие заготовить необходимые бумаги и подписать у начальства. Я в то время учился на вечернем отделении истфака МГУ и знал, что П. Д. Барановский приступил к реставрации Крутицкого подворья в Москве. Знал я и другое: человек он прямой, и у него много недоброжелателей. Звание ему нужно было не корысти ради, а как щит от несведущих людей, а то и заведомых врагов. Забегая вперед, скажу: Петру Дмитриевичу звание присвоили. Последние годы жизни он охотно ставил свою подпись в защиту памятников Отечества на прошениях, где нужен был высокий ранг челобитчиков. Что касается личной выгоды, то Барановский никогда ее не искал. Его девизом были слова Гоголя: «Призваны в мир мы вовсе не для праздников и пирований. На битву мы сюда призваны».

Летом 1933 года отмечалось 15-летие советской реставрационной науки. Потрепанные чисткой, но не спустившие флага Центральные государственные реставрационные мастерские, а точнее, Ученый совет ЦГРМ направил во ВЦИК ходатайство о присвоении Барановскому звания заслуженного деятеля науки. Как видим, битва за справедливость продолжалась двадцать один год! И каждый из прожитых им дней, а он и по воскресеньям

работал, был им посвящен созидательной или, по крайней мере, сохранительной деятельности.

В 1941 году он, находившийся в Москве на птичьих правах (жил по временным удостоверениям Академии архитектуры), стал инициатором использования сводчатых помещений для укрытия людей и художественных ценностей от бомбежек. Восемь бомбоубежищ оборудовал он в Новодевичьем монастыре. Это (в дни интенсивных бомбежек Москвы в июле—октябре 1941 года) спасло жизни многим москвичам. А кроме того, как отмечалось в одном из документов военных лет, «своей героической работой сохранил художественные ценности в Новодевичьем монастыре, музее «Коломенское». В связи с эвакуацией из Москвы Академии архитектуры дальнейшее его пребывание в столице было бы совсем незаконным, и он уехал в Иваново, став инспектором по охране памятников Ивановской области, в которую до 1944 года входили Суздаль, Владимир, Юрьев-Польской. Само собой разумеется, здесь он также развернул исследования. Организовал в областном центре выставку «Ивановцы — для фронта, для победы». В августе сорок второго его перевели на должность старшего инспектора комиссии по охране памятников Комитета по делам искусств при СНК СССР, одновременно, можно сказать, по совместительству он стал экспертом Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний фашистов на оккупированной территории СССР. В составе ГЧК он выезжал в Смоленск, Витебск, Полоцк, Киев, Чернигов, сильно пострадавшие от немецко-фашистского нашествия.

В Чернигове, куда Барановский прибыл 23 сентября 1943 года, через день после освобождения города[1], он оказался свидетелем варварского разрушения собора Пятницкого монастыря. Выбитые мощным ударом из Чернигова немцы бомбили древний город-памятник. 26 сентября пикирующий бомбардировщик атаковал... возвышающийся над городской застройкой древний Пятницкий собор. Полутонный фугас расколол церковь, как орех. Петр Дмитриевич, когда осела пыль и рассеялся дым, был у руины. Без малого двадцать лет изучал, реставрировал Барановский Пятницу, возвращая ей первозданный вид. Его работа по исследованию и реставрации Пятницкой церкви в Чернигове открыла новую главу в истории русской архитектуры. Памятник этот, как доказал

[1] Командировка была подписана начальником штаба тыла Красной Армии.

Петр Дмитриевич, сверстник «Слова о полку Игореве», один из первых, непревзойденных, образцов собственно русского (в противовес византийскому) зодчества.

Собор Пятницкого монастыря, не имеющий точной летописной датировки и капитально перестроенный в конце XVII века в стиле украинского барокко, сохранил лишь незначительные черты древности в обработке алтарных апсид. В канун войны на нем велись исследовательские работы, но они не позволили тогда вывести Пятницкий собор в число научно определенных и документированных объектов древней культуры. Памятник был одет в непроницаемую броню новых кирпичных облицовок, штукатурки, масляной краски, и для проведения исследовательских зондажей необходима была серьезная организация дела, требовались значительные затраты. И вот теперь эта злополучная полутонная бомба... На три четверти снесены западная и южная стены здания, обрушились два западных пилона, большая часть сводов и купол. Сплошной массив из битого кирпича, щебня, мусора. Гора поднимается над полом на высоту в семь метров. Возвышающиеся руины — конгломерат кирпичных кладок различных эпох.

Но именно этот трагический разлом храма позволил Петру Дмитриевичу убедиться в том, что все конструктивные элементы здания, включая своды и основание главы, были, в опровержение существующих описаний, сложены из одинакового материала — терракотовых пластин, называемых плинфами. А плинфы характерны только для зодчества домонгольской эпохи.

Одно это — открытие мирового значения, ведь все памятники Руси домонгольского периода, казалось, давным-давно известны науке.

И в то же время Барановский обнаружил ступенчатые своды, которые, по сложившимся в науке представлениям, не свойственны были русскому зодчеству домонгольской эпохи. Предстояло разгадать и эту загадку. Но прежде всего следовало провести фиксацию и обмер остатков памятника.

Интересен отзыв профессора, доктора исторических наук Николая Николаевича Воронина о печатной работе П. Д. Барановского «Собор Пятницкого монастыря в Чернигове»[1].

---

[1] Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками: Сборник.— М., 1948.

«Статья П. Барановского «Собор Пятницкого монастыря в Чернигове»— серьезный вклад в дело изучения истории древнерусского зодчества за последние годы. Пятницкая церковь конца XII в. была столь закрыта и искажена позднейшими переделками, что не привлекала серьезного внимания ученых. Исследование памятника позволило П. Барановскому установить, что храм сохранил почти полностью свои древние конструктивные элементы. Была выявлена и интереснейшая композиция его пирамидального ступенчатого верха, отвечающего ступенчатой конструкции подпружных арок. Такая композиция до сих пор считалась рожденной на Руси в XIV—XV вв.; в науке шел спор о псковском или московском приоритете в ее создании и роли сербского «влияния».

Теперь выясняется, что процесс русской переработки крестово-купольного храма... был еще в домонгольское время доведен до такого исчерпывающего и смелого решения, как Пятницкий храм. Эта линия развития в русском зодчестве XII—XIII вв., проявившаяся в творчестве мастеров разных областных школ, может быть оценена как зарождающееся национальное течение. Оно является как бы архитектурным откликом на объединительные идеи «Слова о полку Игореве»...

Тов. Барановский П. ставит по-новому перед исследователями вопросы о взаимодействии русской и югославянской архитектуры, связи возрождения русского зодчества в XIV—XV вв. с домонгольской традицией и др.» (Сов. книга. 1949. № 10. С. 109).

Пока П. Барановский управился с другими неотложными задачами эксперта ГЧК, подступила зима. Днем — снег с дождем, ночью — мороз. Руины собора превратились в обледенелую скользкую глыбу 18-метровой высоты. Рискуя жизнью, Барановский в одиночку провел первоначальное исследование и обмер до самого верха, выяснив в основных чертах первоначальную архитектуру памятника. Достигнув верхних частей того, что осталось от собора, он заметил, что ступенчатые своды и прочие конструктивные части памятника сложены на розовой цемяске (растворе с примесью толченого кирпича), применявшейся в строительстве только в домонгольские времена. Наверху ему открылась изумительная красота почти целиком сохранившейся стрельчатой арки, а в ее основании — излюбленный русский декоративный мотив — пояс из «городков», поставленных на ребро

кирпичей. И наконец, находка, в первый момент ошеломившая его,— три ряда древних кокошников.

Завершив натурные исследования и обмеры, он отправился в Москву и за две недели выполнил проект реставрации. Но его неудержимо тянуло в Чернигов, где в течение нескольких лет он, обитая в теплушке, поставленной средь руин собора, занимался укреплением остатков храма, разборкой завалов. И одновременно углубленным изучением литературных источников древности. В Киеве, Смоленске, Витебске, Новгороде Волынском он в ходе исследований и практической реставрации доискивался разгадки тайн Пятницкого собора, домонгольская эпоха возведения которого открылась ему во всем своем величии.

Изучение летописных сводов, историко-археологический анализ «Слова о полку Игореве», сопоставление конструктивных особенностей реставрируемого собора с близкими ему по времени возведения памятниками позволили Петру Дмитриевичу основательно предполагать, что строителем Пятницы был не единожды названный в летописях зодчий Милонег Петр, а заказчиком скорее всего был князь Рюрик Ростиславич Смоленский — Буй-Рюрик.

Летописцы рисуют Буй-Рюрика князем приветливым, имеющим «любовь ненасытную о зданиях». Это он держал «во приятелях своих» зодчего Милонега Петра, «мастера не проста», возводившего сооружения необычайные, храмы, поражавшие воображение современников. Барановский был убежден, что, хотя и нет прямого летописного свидетельства о времени постройки Пятницкого храма, все говорит за то, что строил его близкий Рюрику Милонег и произошло это на рубеже XII—XIII веков. Столь яркое, самобытное творение, считал Петр Дмитриевич, по плечу только очень большому мастеру, каким и был Милонег. Собор в своих определенно выраженных национальных формах — единичное явление в архитектуре Древней Руси, но это ничуть не снижает его значения, подобно тому, как «Слово о полку Игореве», являясь тоже уникальным, представляет собой одно из величайших творений мировой литературы.

Только в 1962 году были завершены реставрационные работы по Пятницкой церкви. Словно скульптурный монумент, возвышается в центре Чернигова дивных пропорций храм. Он восхищает нас строгой красотой архи-

тектурных форм, изяществом декора, пленительной одухотворенностью.

В 1989 году во время съемок фильма «Крест мой» на соборе был установлен крест, изготовленный в пору реставрации Пятницы по чертежам Барановского. Как видим, до идиллической картины полного взаимопонимания властей с ним в Киеве и Чернигове было далеко, как до неба. И чего только не было! И красный стяг вешали вместо креста, и городской туалет черниговский «архитектор» Призант намеревался «открыть» в Пятнице. Но справедливости ради следует вспомнить и другое: нравственную добротность немалого числа людей, кто вступал в отношения с Барановским — и деловые, и человеческие. Об этом свидетельствует и такой документ.

Председателю комитета по делам архитектуры при СНК СССР академику архитектуры тов. Мордвинову
Копия: профессору Барановскому П. Д.

Исполком Черниговского городского Совета отмечает большую работу, проделанную профессором тов. Барановским П. Д. по противоаварийным работам по историко-архитектурным памятникам города Чернигова, и в частности, по реставрации Пятницкой церкви.

Тов. Барановский на протяжении трех месяцев работы в Чернигове проявил исключительную настойчивость, и благодаря его стараниям остатки ценнейшего памятника XII века — Пятницкой церкви — спасены от дальнейшего разрушения.

Исполком горсовета депутатов трудящихся, выражая благодарность профессору Барановскому за исключительную заботу к памятникам архитектуры в городе Чернигове, просит комитет по делам архитектуры оказать Чернигову помощь командированием тов. Барановского в 1946 году на дальнейшие работы по реставрации памятников архитектуры.

Председатель Черниговского исполкома горсовета депутатов трудящихся

Г. КУЛИКОВ

16.III.60 г.
№ 4-2/158

Архитектору тов. Барановскому П. Д.
Москва, Пироговская, д. 2, кв. 31

Уважаемый Петр Дмитриевич!

С наступлением весны и устойчивых положительных температур будут продолжаться работы по реставрации б. Пятницкой церкви в Чернигове.

В связи со сложностью работ без Вашего руководства, возможно, будут допущены ошибки и неточности, искажающие действительный образ этого уникального памятника древнерусского зодчества.

Все наши попытки заключить договор на проведение авторского надзора с Центральными научно-реставрационными мастерскими не имели успеха и тов. Петров письмом от 11 марта с. г. отказался проводить эти работы и командировать Вас в Чернигов.

Положенный Вами огромный труд в изучение и реставрацию этого памятника архитектуры не должен остаться незавершенным и не доведенным до успешного конца.

Надеюсь, что Вы находитесь в добром здоровьи, поэтому обращаюсь к Вам с просьбой — не можете ли Вы предложить какую-либо приемлемую в данных обстоятельствах форму Вашего участия в этой работе.

Начальник облотдела по делам строительства

А. ГРЕБНИЦКИЙ

Как всегда, на пути к осуществлению прекрасных замыслов и великих начинаний вставала бесовская враждебная сила. В данном случае — в образе директора ЦНРМ (так стали называться возрожденные перед войной Центральные государственные реставрационные мастерские) Льва Аркадьевича Петрова, осуществлявшего «прессинг по всему полю»: за что бы ни брался Петр Дмитриевич, тут как тут Петров с запретами, отказами, угрозой увольнения. Это были антиподы. Творческое и бесплодное начала бились здесь не на жизнь, а на смерть. Конечно же, Барановский приехал в Чернигов... за свой счет и завершил возрождение первородного облика Пятницы, и Пятница стала в его биографии видимым миру творческим свершением. Может быть, поэтому Петров, который в своей жизни не осуществил ни одной творческой работы, издевательски предлагал Барановскому уволиться из ЦНРМ ввиду отсутствия «адресованных ему заявок на реставрационные работы». Цинизм, подтасовка. Барановский вел огромную сложнейшую работу по Крутицкому подворью и надо было завершать Пятницу.

Оставив Крутицы на попечение своего. помощника и ученика Н. И. Иванова, он уехал в Чернигов, где работал на протяжении 1960—1962 годов в качестве главного архитектора республиканской научно-производствен-

ной мастерской Госстроя УССР, автора проекта реставрации Пятницкой церкви.

Вот уж кого не назовешь баловнем судьбы. За что бы он ни брался и как бы блестяще ни начинались задуманные им предприятия, тут же следовал удар судьбы.

...Болдино. Дом Голицына и Казанский собор. Коломенское, откуда его в «воронке» увезли на Лубянку в разгар сборки привезенных с Русского Севера шедевров деревянного зодчества. Чернигов с его призантами и львами аркадьевичами и пр. и пр.

В 1947 году он вновь обратился к тайнам Андроникова монастыря. И тут — открытие: окончательное установление времени создания Спасского собора — начало XV века. После того как в Кремле снесли церковь Спаса на Бору, а затем монастыри — Чудов и Воскресенский, Спасский собор Андроникова монастыря — древнейшая из уцелевших построек Москвы. Да и Трапезная палата XV века, пожалуй, тоже самая древняя из ей подобных. Из архивов Барановскому известно, что старец Андрей Рублев, незадолго до смерти расписавший фресками и украсивший иконами Спасский собор-новостройку, погребен под соборной колокольней, разобранной неведомо кем и когда. А вдруг могильная плита сохранилась?! Петр Дмитриевич, бродя в задумчивости по многолюдному двору Андроникова монастыря (теперь тут вместо тихих монахов гаражи, архивы, коммуналки — квартиры жильцов), никого и ничего не замечает, кроме поросших, положенных под колеса грузовиков каменных плит.

«Однажды,— рассказывал много позже Барановский,— к концу дня рядом со Спасским собором рабочие закончили рыть траншеи, и я увидел вывороченную ими могильную плиту. Она показалась мне «подозрительной». А вдруг! Эпитафия на плите была повреждена. Я пытался прочитать уцелевшие слова, но это мне не удавалось. Стало смеркаться. Нетерпение мое было велико. Я натер древесным углем плиту и оттиснул на белый ватманский лист остатки эпитафии. Пришел домой и просидел за расшифровкой текста до утра. Отдельные буквы не позволяли прочитать текст, но то, что это была плита первой трети XV века (эпиграфикой я занимался основательно и камни знал изрядно), а главное, два слова «рекомого Рублев», которые мне удалось разо-

брать, убеждали, что это надгробная плита с могилы Андрея Рублева.

Утром помчался в монастырь. Но плиты на месте уже не было.

«Где плита?» — спросил я у рабочих. «Какая плита?» — «Та, которая лежала вчера вечером здесь!» «Видите, какая слякоть! Что, мы грязь должны месить? Мы эту плиту на щебенку пустили и дорожку к собору из той щебенки проложили...»

Шел октябрь 1947 года. В Андрониковом монастыре кипела работа. Приступали к масштабной реставрации.

Когда начиналась подготовка к 800-летию Москвы, самодержец Иосиф Сталин поинтересовался, есть ли еще какие, кроме того, что на территории Кремля, древности в Москве и в каком они состоянии. Должны же быть каменные свидетели истории у великого народа, за здоровье которого он недавно поднимал тост и говорил речь, разнесенную журналистами и дипломатами по всему свету. Отвечал на поставленный вопрос Грабарь. Конечно же, он был смертельно напуган, но взял себя в руки и, припомнив свои изыскания 1918 года по теме «Андрей Рублев» и исследования Барановского, назвал в качестве ценнейшего историко-архитектурного комплекса Андроников монастырь — место трудов и упокоения гениального Андрея Рублева.

«Что надо сделать?» — спросил Сталин. «Отреставрировать здания монастыря и объявить его историко-архитектурным заповедником».— «Готовьте постановление Совета Министров. Я подпишу. Работы начинайте немедленно».

После этого разговора десятки специалистов бросились в Андроников монастырь. Барановский принялся за организацию музея-заповедника им. Андрея Рублева, за проекты реставрации Спасского собора, Трапезной палаты, крепостных стен и башен Андроникова монастыря.

10 декабря 1947 года вышло постановление № 3974 СМ СССР «О мероприятиях по сохранению памятников архитектуры Андроникова монастыря в г. Москве», которое гласило:

«В целях восстановления древнейшего из числа сохранившихся памятников г. Москвы — архитектурного комплекса Андроникова монастыря, имеющего большую историко-художественную ценность, Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Объявить территорию Андроникова монастыря в г. Москве историко-архитектурным заповедником имени русского художника Андрея Рублева.

2. Обязать Комитет по делам архитектуры при Совете Министров СССР:

а) разработать в 3-месячный срок мероприятия по реставрации Андроникова монастыря и по увековечению памяти Андрея Рублева;

б) организовать в Белокаменном соборе Андроникова монастыря музей имени Андрея Рублева;

в) организовать в трапезной палате Андроникова монастыря проектную мастерскую по реставрации памятников архитектуры.

3. Обязать Главнефтегазстрой при Совете Министров освободить до 1 мая 1948 г. помещение на территории Андроникова монастыря, занимаемое гаражом 7-го треста Главнефтегазстроя.

4. Обязать Главное управление военных трибуналов Вооруженных Сил СССР освободить до 1 июня 1948 г. помещение собора Андроникова монастыря, занимаемое архивом главного управления.

5. Обязать Мосгорисполком:

а) освободить в месячный срок помещение на территории Андроникова монастыря, занимаемое гаражом райсовета Осоавиахима;

б) произвести в 1948 г. ограждение территории Андроникова монастыря;

в) не допускать дальнейшего заселения жилых помещений на территории Андроникова монастыря.

6. Возложить на Комитет по делам архитектуры при Совете Министров СССР контроль за исполнением настоящего постановления.

Председатель Совета Министров
Союза ССР — *И. СТАЛИН*
Управляющий делами Совета Министров СССР — *Я. ЧАДАЕВ*

Все по этому постановлению выполнялось неукоснительно, до точки.

Подводя итог первому этапу создания историко-архитектурного заповедника Андрея Рублева, Барановский сделал 1 февраля 1948 года в Институте истории искусств доклад: «Открытие даты смерти Андрея Рублева — 11 февраля 1430 года и места погребения его в Спасо-Андрониковом монастыре». Горячо принятое тогдашней научной общественностью сенсационное сообщение Барановского, к сожалению, и по сей день «вещь в себе». Невнимание к теперь уже давнему открытию П. Д. Барановского огорчает.

И сам он не раз говорил и от других я слышал, что возрождению разрушенной Черниговской Пятницы отдано им двадцать лет. А я со всей ясностью вижу, что за эти

двадцать лет, помимо Пятницы, между прочим, падает активное участие в восстановлении историко-архитектурного комплекса Андроникова монастыря. Сам я не был на открытии заповедника, но могу привести одно верное наблюдение В. А. Десятникова: «Торжественное открытие музея им. Андрея Рублева состоялось в 1960 году. Во всем мире тогда праздновалось 600-летие со дня рождения великого художника Древней Руси, который в своем творчестве отразил черты русского национального характера и оказал огромное влияние на всю духовную культуру народа. Среди тех, кто при открытии музея скромно стоял сбоку от большого начальства, был и Петр Дмитриевич, без которого, пожалуй, и музея этого не было бы». Впрочем, за эти двадцать лет им совершено столько, что с лихвой хватило бы на нынешние НИИ и мастерские. Совершим же, читатель (в последний раз!), пробежку по «Перечню научных исследований, экспедиций, археологических раскопок, обмеров, фиксаций и проектов реставрации» за годы 1943—1963.

1943. Башня Гура Вахрамеева Смоленской крепостной стены XV в. Зодчий — Федор Конь. Фотофиксация после повреждений, нанесенных захватчиками. Разобрана в 1948 году.

1943. Собор Киево-Печерской Лавры, XI в. Фиксация и проектные предложения по консервированию руин и реставрации.

1943. Киев. Софийский собор, 1037 г. Председатель комиссии по реставрации от Академии архитектуры УССР П. Д. Барановский. Исследование древней алтарной преграды собора и проект ее реставрации.

1943. Черниговский собор Борисоглебского монастыря, XII в. Исследование, эскизный обмер и эскизный проект реставрации.

1943. Черниговский собор Елецкого монастыря, XII в. Исследование, эскизный обмер и проект консервации.

1943. Ново-Иерусалимский монастырь на Истре, XVII—XVIII вв. Открытие и исследование керамического декора ротонды собора под штукатуркой XVIII в. (см. предыдущие работы 1923 г. «Кувуклия»).

1950—1958. Составление Генерального плана консервации и реставрации всех памятников комплекса. Проведение консервационных работ по трапезным палатам и другим зданиям, разборка руин собора, открытие первоначальной конструкции ротонды на колоннах. Собирание материалов в архивах.

С С Р

Дорогобуж в 1912 году.

◀ Петр Дмитриевич Барановский.

Дорогобуж в 1964 году.

Дмитрий Павлович Барановский.

Мария Федотовна Барановская.

Молодожены — Евдокия Ивановна и Петр Дмитриевич Барановские. 1913 год.

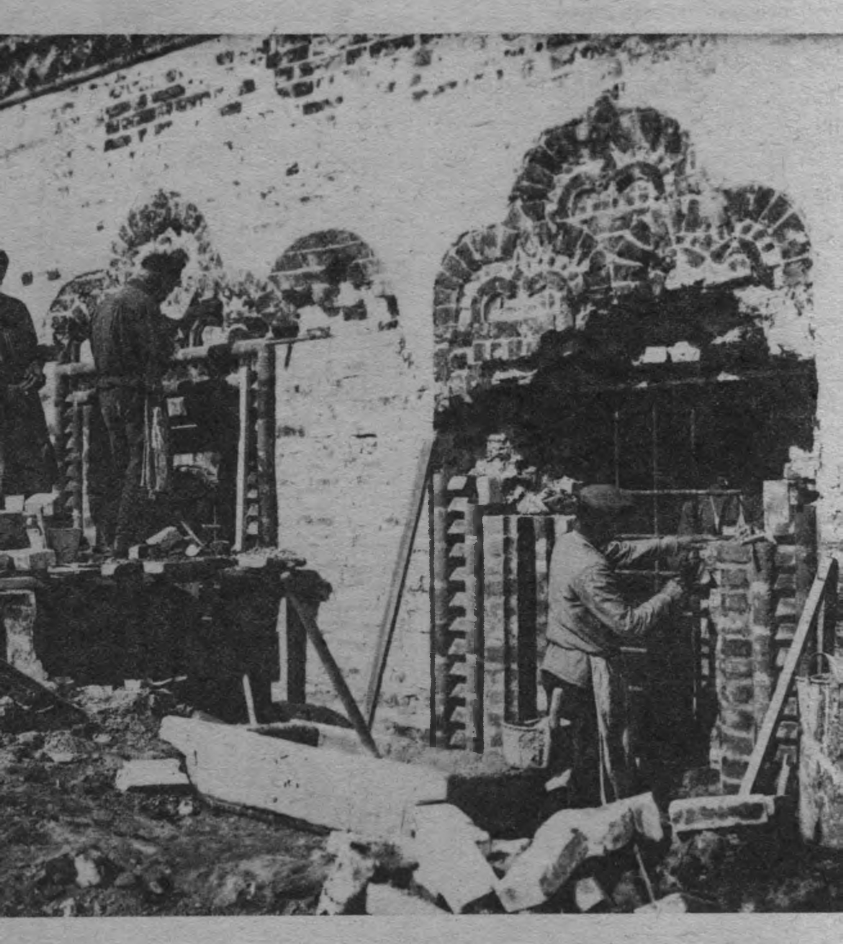
Призванный на службу в 1915 году П. Д. Барановский вместе с саперной частью побывал во многих местах Белоруссии. И всякий раз находил возможность производить обмеры, фотофиксацию множества образцов деревянного зодчества. Снимок сделан у одной из церквей Полесья.

1918 год. С золотой медалью окончен Московский археологический институт. Впереди — большая многотрудная жизнь. Серьезность, внутренняя сосредоточенность, основательность легко прочитываются на этой фотографии.

В годы гражданской войны П. Д. Барановский и его коллеги объездили полстраны. Поезд идет в Архангельск...

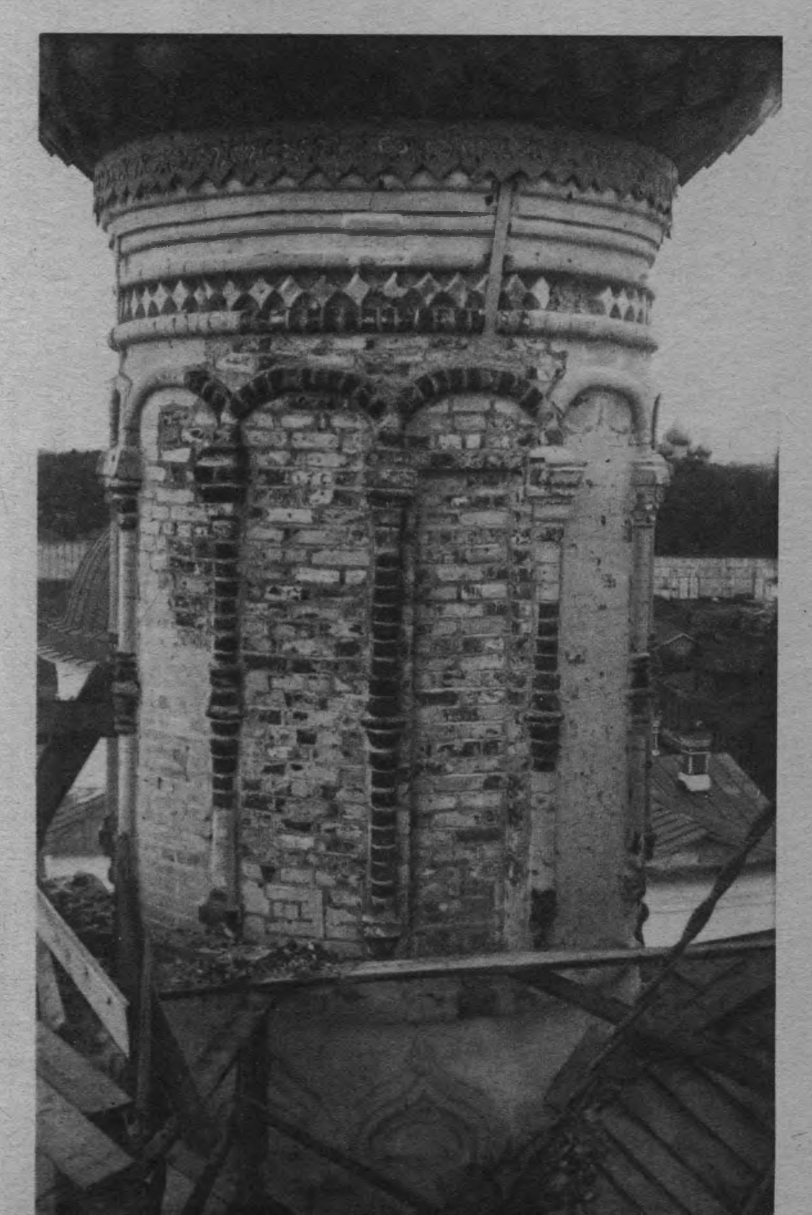
В августе 1918 года Барановский приехал в разбитый, некогда чарующий Ярославль и, спасая пострадавшие памятники, не просто восстанавливал их, но вел исследовательскую работу, возвращая соборам, церквам, древним палатам их первозданную красоту.

Русские мастеровые. Вся жизнь П. Д. Барановского прошла бок о бок с ними. Снимок сделан в 1919 году в Ярославле. ▶

Силы разрушительные и силы созидательные: труд реставраторов-каменщиков.

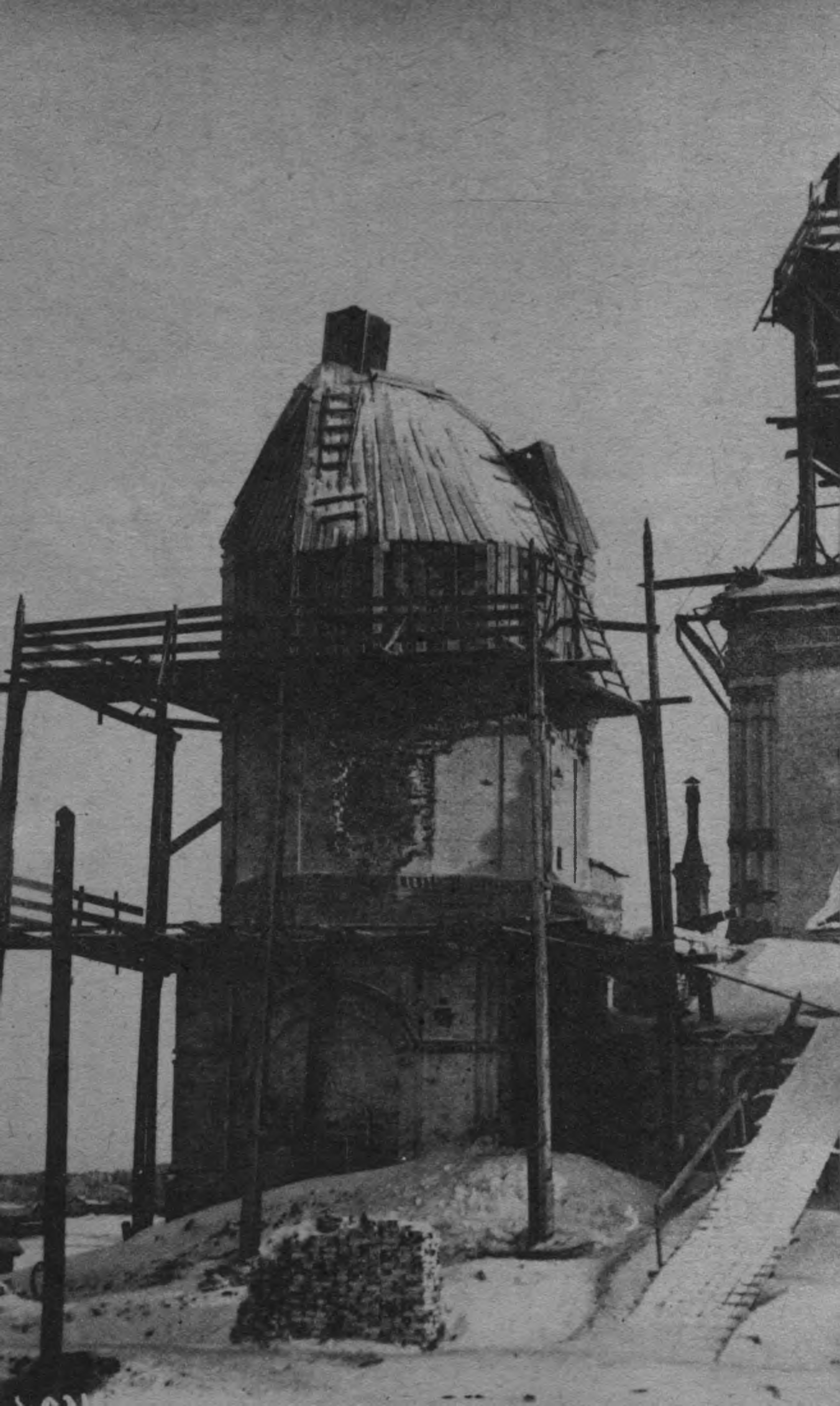

Митрополичьи палаты... Через несколько лет кропотливого труда Барановского и его артельщиков обрели вид торжественный и совершенный. Каменный дворец XVII века — гордость Ярославля.

Церковь Петра и Павла была в 1918—1920 годах буквально спасена Барановским, но в 30-е годы взорвана воинствующими безбожниками. ▸

◀П. Д. Барановский изучает кладку архитектурного памятника.

Не ведают, что творят...

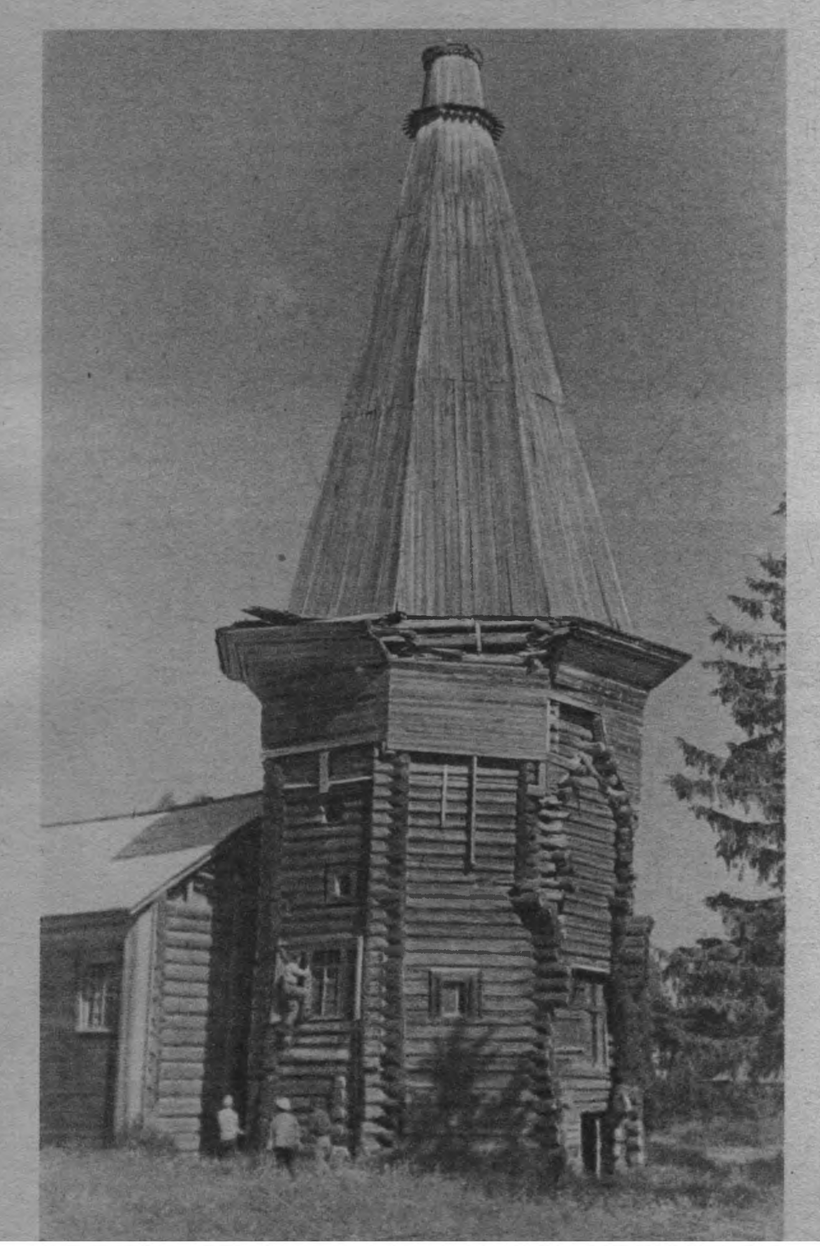

В 1933 году П. Д. Барановский и Б. Н. Засыпкин вели исследования в соборе Василия Блаженного. Когда власти задумали снести знаменитый храм, они решительно встали на его защиту, вследствие чего были репрессированы. Это их мужеству мы обязаны тем, что на Красной площади сохранилась эта жемчужина.

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском представлял собой, казалось, непосильную задачу для реставраторов. Барановскому удалось с ней справиться.

В одной из экспедиций по Русскому Северу. Знаменитый реставратор-иконник Г. О. Чириков и П. Д. Барановский.

Если не поддержат реставраторы, упадет...

Так выглядел собор Казанской Божьей Матери в 1929 году после частичной реставрации его П. Д. Барановским. Мастер «шел» сверху, от креста. В 1936 году собор был разобран до основания.

20-е годы. Руководитель восстановительных работ в Ярославле профессор П. Д. Барановский.

Творческий коллектив Центральных государственных реставрационных мастерских во главе с И. Э. Грабарем.

К. К. Лопяло, П. Д. Барановский, М. Ю. Барановская.

П. Д. Барановский и академик Г. Н. Чубинашвили в Зеленчуке.
По дороге в Болдино. А. М. Пономарев и П. Д. Барановский.

Выпрямляют стену в Крутицах.
П. Д. Барановский и академик И. В. Соколов-Петрянов.

В Новодевичьем.

На даче И. Э. Грабаря в Абрамцеве.

У могилы друга.

Грибоедовская Хмелита.

Среди дорогобужских партизан.

С Владимиром Чивилихиным.

С Николаем Николаевичем Померанцевым (крайний слева) вместе пройден путь длиною в жизнь...

Археологические занятия. ▶

Барановский взял на себя, казалось, непосильный труд. Но не сломали его ни ГУЛАГ, ни козни бесчинствующих, ни трагедия взрывов шедевров, им отреставрированных.

1954. Разработка и утверждение проекта реставрации комплекса 5 зданий, трапезных палат и производство работ.

1955—1956. Разработка проектов реставрации взорванных пилонов собора и ротонды, колонн ротонды, декора внутри ротонды. Доклад о научных открытиях и методе реставрации в Научно-методическом совете АН СССР.

1943—1959. Личные исследовательские труды в связи с реставрацией: 1. Палестинский Иерусалимский храм XI—XII вв., его история и архитектура в сопоставлении с храмом на Истре XVII в. Сравнительный анализ по описям 1663 и 1685 гг. 2. Вновь открытые резные надписи XVII в. на камнях храма и сопоставление их с бывшими надписями XII в. Палестинского храма. 3. Вновь открытая керамическая надпись в керамическом декоре XVII в. внутри ротонды и вопросы их реставрации.

1944. Витебская Благовещенская церковь, XII в. Открытие после пожара под штукатуркой и закладками первоначальных уникальных архитектурных форм, декора памятника, фресковой росписи, обмер, исследование, проект консервации и реставрации. Не существует.

Замечу, к слову, что в Витебске Барановский провидел нечто подобное судьбе Черниговской Пятницы — восстановленное совершенство. Но советские варвары разобрали в начале шестидесятых Благовещенскую церковь XII века, будто отслуживший свой век барак!..

1944. Черниговский коллегиум, XVII в. Открытие первоначального декора под штукатуркой, его обмер, фотографическая фиксация.

1944—1954. Полоцкий Собор Ефросиниева монастыря, XII в. Открытие первоначального декора главы под штукатуркой и его обмерная и фотографическая фиксация. Проект реставрации памятника.

1944. Смоленский храм Спасского монастыря в Чернушках, XII в. Эскизный обмер и фотографирование руин памятника, поврежденных при устройстве блиндажа.

1944. Киевский храм Пирогощей Богородицы, 1131—1136 гг. Исследование и опыт проекта реконструкции по материалам частичной фиксации перед разборкой 1936 года.

1934. Киевский храм Василия на Перуновом холме, 1184 г. Исследование и опыт проекта реконструкции по материалам частичной фиксации перед разборкой 1936 г. Не существует.

Скажите, кто еще в нашей стране так искренне был

озабочен воссозданием из небытия того, что стояло и должно стоять на древней русской земле? Никто! Так что архив Барановского ждет, когда им заинтересуются практически. Скорее всего, этой личности будет посвящен весь XXI век. А пока... Лиха беда — начало. И начало это уже положено работой по воссозданию Казанского собора на Красной площади!

1953—1955. Смоленская ротонда XII века у Богословской церкви на Варяжской улице. Археологические раскопки, обмеры, исследование, проект консервации и устройство защитного шатра.

1954. Готическая ротонда XII—XIII веков в Побережье. Раскопки.

1954. Обзор круглых в плане сооружений средневековой архитектуры.

Барановский в циклах своих работ открывает научные горизонты для реставрации — он разрабатывает пласты. Временные, стилистические, конструктивные, образно-художественные. В 1954 году на московском материале он исследует кокошники, столь характерные для русского зодчества XVI—XVII веков. Найти можно тогда, когда знаешь, что ищешь. Барановский провидит мысленным взором глубину времен — практические работы должны подтвердить представления, предваряющие реставрацию, исследования.

1954. Село Хорошево. Храм XVI в. в усадьбе царя Бориса Годунова под Москвой. Открытие первоначального покрытия кокошниками — исследование, обмер, проект реставрации.

1954. Храм Рождества в Путинках, XVII в., Москва. Открытие первоначального покрытия кокошниками, исследование, эскизный проект реставрации.

1954. Софийский храм, XVII в., Москва. Открытие первоначального покрытия кокошниками, обмер, исследование, эскиз, проект реставрации.

1954. Храм Георгия в Ендозе, XVII в., Москва. Открытие первоначального покрытия кокошниками, обмер, исследование, эскиз, проект реставрации.

1954. Церковь Ивана Богослова, XVII в., на Бронной в Москве. Исследование первоначального покрытия. Обмер.

1954. Храм Троицы в Листах, XVI в. Исследование первоначального покрытия. Обмер.

Сегодня москвичи и приезжие созерцают открывающуюся им божественную красоту Троицы в Листах (это

у пересечения Сретенки с Садовым кольцом). Ученик Петра Дмитриевича О. И. Журин завершает дело, начатое Барановским в далеком 1954 году. Радуют взгляд кокошники и летящие в небо каменные шатры Рождества в Путинках (начало улицы Чехова), стройная вертикаль церкви Софии, давшей название набережной, изукрашенный кокошниками царский храм в Хорошеве, теперь это уже не село, а московский район.

В том же 1954 году Барановский вступает в сражение с всемогущей властью, решившей закрыть (якобы из-за экономии), с целью хоть как-то сохранить храмы, созданные в 20-е годы в них музеи в Иосифо-Волоколамском, Можайском, Лужецком, Борисоглебском вблизи Ростова Великого, Старицком, Успенском, Пафнутьев-Боровском, Тутаевском, Воздвиженском. Ходатайства и протесты подвижников остались, как водится, без последствий. Сегодня в этих монастырях затеплилась жизнь, но годы разорения обернулись такой ценой, которую и представить трудно.

1955. Экспедиция в Западную Украину по памятникам Львова, Самбора, Станислава, Дрогобыча, Галича. Обследование. Фотофиксация.

1955. Киевская Десятинная церковь и великокняжеские дворцы, X—XII вв. Постановка вопроса о выявлении в натуре остатков памятников в заповеднике «Город Владимира в Киеве». Проектные предложения.

1961. «Гридницы на территории города Владимира в Киеве. Защита от новой застройки, исследование раскопками» — доклад в Институте археологии АН СССР.

1962. План заповедника «Город Владимира в Киеве» с выявлением исторических архитектурных памятников по материалам археологических раскопок.

И здесь Барановский заложил основу заповедника, привлекающего внимание всего света.

Он везде находил то, что другие не видели или не желали видеть. Очень он досаждал начальству, которое в наступившую эпоху смотрело на памятники, как Ленин на буржуазию. Помню, и я мыкался с ним, спасая от сноса мешавший хрущевско-чечулинскому строительству гостиницы «Россия» Английский посольский двор (на Варварке в Москве).

В 1956-м Барановский открыл только что эту архитектурную жемчужину XVI столетия, а в 1965-м приспело его сносить ради автомобильного пандуса, ведущего ко второму этажу гостиницы. То ли подействовала публика-

ция в газете, то ли что другое, но снос не состоялся. То-то была радость Барановскому на старости лет!

Годы, казалось, не брали его. В 1956-м он ввязался в безнадежную тяжбу с ЦК КПСС. В Ипатьевском переулке он открыл палаты (XVII век, с характерным декором!) Боровского подворья и надумал создать нечто вроде историко-архитектурного заповедника из палат Боровского подворья и церкви Троицы в Никитниках, сплошь украшенной фресковой живописью. Но свои виды на Боровское подворье были и у ЦК. Управление делами дом за домом, переулок за переулком обживало, захламляя кварталы за Старой площадью. Одним словом, бодался теленок с дубом...

В этом же 1956 году он побывал в Гусятине и Каменец-Подольском, Новгороде-Северском и Пскове. В Чернигове подверг глубокому всестороннему исследованию древний Спасский собор XI в.

Это крупные дела и свершения! А сколько экспертиз, ученых советов, хождений по инстанциям в поисках поддержки и понимания!

Многое ему тогда не удавалось, но многое и удалось, ведь с февраля 1944 по январь 1950 года он занимал высокое положение: начальник отдела реставрации Комиссии по учету и охране памятников Комитета по делам искусств СНК СССР. Самоотверженная работа Барановского в качестве эксперта Чрезвычайной государственной комиссии сделала его действительно незаменимым.

Барановский пережил несколько эпох произвола большевистских властей. Экспроприация и экзекуция первых лет революции, уничтожение архитектурных памятников в конце 20—30-х годов, сталинская либерализация в отношении историко-архитектурного наследия и послабление к русской Православной церкви сменились хрущевским экстремизмом. Барановский, будто чуткий сейсмограф, улавливал грядущие катаклизмы...

А. С. Трофимов четверть века шел рука об руку с Барановским. Вот — «минувшие дни и битвы, где вместе рубились они»: «Ранней весной 1939 года я со школьными товарищами решил пойти на Красную площадь и осмотреть легендарный храм, с которым связана добрая половина истории Москвы. Каково же было наше разочарование, когда, подойдя к нему, мы увидели на воротах ограды висящий замок. Подумав, мы решили перемахнуть через высокую ограду. Очутившись во дворе храма, направились к крыльцу галереи. Но не успели подняться на сту-

пеньки, как услышали милицейский свисток, а затем появился и сам милиционер. Бежать было поздно. После угроз отправить нас в Даниловский детприемник, он смягчился, услышав, что никакого умысла, кроме желания осмотреть исторический памятник, мы не имели. Сменив гнев на милость, милиционер сказал то, чего бы мы не услышали даже от экскурсовода. Он обратил наше внимание на штабеля гигантских ящиков, сложенных под галереями, и сказал, что в них скоро будут укладывать наиболее ценные детали при разборке храма. Мы были потрясены: «Зачем собираются его разбирать?» Милиционер ответил, что правительство обеспокоено его ветхим состоянием и опасается несчастных случаев во время прохождения тяжелой техники на парадах. К сказанному он, ухмыляясь, прибавил, что, по слухам, американцы обещают за собор много денег, ну и наши решили продать...»

Впоследствии я услышал эту версию уже от самого Барановского. Мое знакомство с ним состоялось в 1957 году на квартире старожилов Москвы — семьи Лаврентьевых, которая жила в доме напротив Новодевичьего монастыря. В 50-е годы еще стоял ряд домов соборного причта по Лужнецкому проезду. Им насчитывалось более ста лет. Своей незатейливой архитектурой и замечательной деревянной резьбой они гармонировали со стенами, башнями и храмами монастыря.

Не менее уютным был интерьер дома Лаврентьевых — с кафельными печами и рельефными плафонами на потолках обширной квартиры. Все это напоминало обстановку милой, давно ушедшей московской жизни, с таким смаком описанной драматургом А. Н. Островским.

Хозяин квартиры В. С. Лаврентьев — близкий знакомый семьи Барановских — решил отметить 65-летие Петра Дмитриевича, о котором я много слышал от Е. А. Расторгуева, в то время председателя Комиссии по охране исторических и архитектурных памятников в Московской организации Союза художников.

С нескрываемым волнением переступил я порог гостеприимного дома. В глубине комнаты за столом увидел незнакомых мне ранее людей. Одним из них оказался Барановский. Его сосредоточенный взгляд, неторопливая речь и чуть глуховатый монотонный голос, нарушавший тишину сумрачной, слабо освещенной комнаты, располагали к покою.

Барановский говорил о катастрофическом положении

памятников не только в Москве, но и на периферии: «Наступило время, напоминающее 30-е годы. Необходимо сплотить все культурные силы и отстоять во что бы то ни стало Москву, а по Москве будут равняться остальные города России».

В продолжение вечера он как бы весь сосредоточился на этой идее. Попытки присутствующих перевести монолог в диалог не привели к желаемому результату. Петр Дмитриевич на мгновение останавливался, пристально смотрел на вступившего в разговор, а затем продолжал начатую тему.

При всей невыразительности речи и на первый взгляд неброской внешности этого неординарного человека чувствовалась большая нравственная сила.

Крепко пожав мне руку, он сказал на прощание, что пора приступать к конкретной работе. Возвращаясь от Лаврентьевых, я думал о Барановском, о его трагической судьбе, которая уготовила ему одни препятствия, часто непреодолимые в силу создавшихся исторических условий.

Повернуть воспитанное на нигилистическом отношении к культуре сознание масс ему и его единомышленникам было не под силу. Но его убежденность в правоте начатого дела принесла в будущем свои плоды.

Петр Барановский был в первых рядах борцов за сохранение исторического центра Москвы в связи со вторым генеральным планом ее реконструкции. Эту работу, начатую им сразу после основания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в конце 60-х годов, продолжили его сподвижники и ученики архитекторы-реставраторы В. А. Виноградов, О. И. Журин, М. П. Кудрявцев, Т. Н. Кудрявцева, Г. Я. Мокеев.

Отличительной чертой характера Барановского была целеустремленность. С этой позиции он рассматривал и тех, кто к нему приходил учиться и работать.

Наделенный от природы крепким здоровьем, он выносил невероятные лишения во время поездок в глухие места, суровое отношение к себе распространялось и на подчиненных, что зачастую вызывало неудовольствие. Тем не менее он твердо шел к своей цели. А пока... пока приходилось ходить по правительственным инстанциям, доказывать правомерность существования того или иного памятника. Таких «походов» на моей памяти было немало, например к Председателю Совмина РСФСР Д. С. Полянскому осенью 1959 года с просьбой не взрывать древнюю

усадьбу, находившуюся на пересечении Малого и Среднего Кисловских переулков в Москве.

В XVI веке здесь было место расположения Государственной слободы. На этой тогда окраине города было подворье опричников, которое искал известный русский историк И. Е. Забелин, работая над книгой «История города Москвы». С большим интересом к этой проблеме отнесся И. Э. Грабарь: он подтвердил выводы, сделанные П. Д. Барановским и Н. Н. Ворониным о времени постройки центральной части усадьбы, относящейся, по многим признакам кладки, планировки и сводов нижнего этажа, ко второй половине XVI века. Как показали исследования, в XVII веке палаты не перестраивались, за исключением декора наличников окон, которые П. Д. Барановский относил ко второй половине XVII века. Позднее, когда в XVIII столетии усадьба перешла от князей Мещерских к графам Головкиным, а затем — к купеческой фамилии Зотовых, вновь изменился декор. Фасады усадьбы получили классическое оформление. Исчезли кокошники в наличниках окон, появился классический портик с шестью полосными колоннами. Таков был облик здания до взрыва его в ноябре 1959 года.

В спасении усадьбы принимали участие выдающийся авиаконструктор А. Н. Туполев, директор Московской консерватории А. В. Свешников, члены Комиссии по охране исторических и архитектурных памятников МСХа — С. А. Баулин, В. С. Константинов, А. А. Коробов, Е. А. Расторгуев, М. А. Кузнецов-Волжский, С. С. Чураков, Н. С. Фомичев. (А. В. Свешников даже добивался передачи здания Московской консерватории с последующей реставрацией и возвращения ему его исторического облика.) Но все попытки оказались тщетными. Визит к Полянскому, который продолжался десять минут, не привел к желаемым результатам. Последняя попытка, предпринятая А. Н. Туполевым, предотвратить уничтожение памятника также не была результативной: его появление ранним утром 2 ноября 1959 года в полной генеральской форме во дворе усадьбы не произвело впечатления на саперную команду... Лейтенант, командовавший взводом, попросил генерала Туполева покинуть двор, поскольку через несколько минут взрывные механизмы должны быть приведены в действие. «Я выполняю приказ своего начальника»,— добавил лейтенант, взывания Андрея Николаевича к его гражданской совести ничего не могли изменить...

Через два года Барановскому и его единомышленникам

суждено было пережить еще одно разочарование. В Витебске в центре города, в пределах древней цитадели был взорван древнейший памятник русской архитектуры Благовещенский собор — современник похода новгород-северского князя Игоря Святославича в половецкую землю в 1188 году.

Комиссии по охране памятников стало известно о подготовке собора Благовещения к взрыву, но никто не мог в это поверить. Казалось, полоса преднамеренного уничтожения исторических памятников вроде бы прошла. Какие доводы выдвигало правительство Белоруссии в защиту своих позиций по сносу? В сущности, никаких. Собор стоял в городском саду и не мешал ни людям, ни транспорту. Как с подворьем опричников в Москве, так и с храмом в Витебске причины сноса были ничтожны.

В первом случае нужна была для средней школы площадка. И это в то самое время, когда в Москве закрывалась масса школ из-за отсутствия необходимого числа детей. Во втором понадобилась танцевальная площадка для молодежи Витебска...

На запрос в Управление изобразительных искусств и охраны памятников Министерства культуры СССР последовал ответ, что не следует вмешиваться в культурную жизнь Белоруссии. Тогда была предпринята отчаянная попытка предотвратить катастрофу, и мы вылетели в Витебск. Барановский не предполагал, что встретит не только равнодушное, но враждебное отношение руководителей горисполкома: никакие доводы в защиту собора не помогли, и нам посоветовали покинуть город: «Не мешайте строить новую жизнь!»

Телеграмма на имя первого секретаря ЦК Белоруссии К. Т. Мазурова только ускорила разрушение храма. Он был взорван через три дня после нашего отъезда из Витебска.

Теперь на этом месте лежит груда битого камня, а стоящая рядом досочка с фарисейской надписью извещает, что остатки памятника охраняются государством...

В январе 1944-го в Комитет по делам искусств было направлено письмо.

Члену Комитета по делам искусств при СНК СССР

В. А. Шкварикову

Для разрешения стоящих перед Комитетом по делам искусств важнейших задач восстановления памятников отечественного зодчества,

разрушенных немецкими захватчиками, необходима активная работа высококвалифицированных специалистов по реставрации.

В этой сложнейшей и редкой отрасли в настоящее время ощущается крайний недостаток сил. Их насчитываются по всей стране буквально единицы. Среди виднейших специалистов этого дела выдающееся место занимает П. Д. Барановский, авторитет которого в вопросах реставрации является общепризнанным. Поэтому Комиссией по учету и охране памятников искусства поставлен вопрос о привлечении П. Д. Барановского на работу в качестве заведующего отделом архитектурной реставрации.

П. Д. Барановский — архитектор-искусствовед и ученый-археолог, со стажем реставрационных работ ок. 25 лет. В течение этих лет он был профессором, действительным членом Академии истории материальной культуры и Государственного Исторического музея, членом Государственного ученого совета НКП, заведующим отделом реставрации НКП, основателем и директором первого в СССР архитектурного музея в Коломенском и т. д.

В 1933 г. П. Д. Барановский был репрессирован и, отбыв 3-летнее наказание, с 1936 года продолжает активно работать в области исследования, охраны и реставрации архитектурных памятников в Академии архитектуры СССР и учреждениях НКП по РСФСР, Аз. ССР и Груз. ССР. В этой области он вновь имеет целый ряд научных открытий и достижений, заслуживающих самой высокой оценки.

Огромный опыт в реставрации и накопленный научный материал, энтузиазм и воля в проведении работ, а также организаторские способности, доказанные, например, восстановлением памятников архитектуры разгромленного белогвардейцами Ярославля или организацией музея в Коломенском, естественно, выдвигают П. Д. Барановского как совершенно незаменимое лицо на должность заведующего архитектурной реставрацией.

Но осуществлению этого ныне препятствует неснятие с него судимости, хотя со времени освобождения прошло 7 лет, и невозможность, вследствие этого, привлечь его в необходимой мере к делу реставрации памятников с проживанием в Москве.

Президент Академии архитектуры СССР *В. А. ВЕСНИН.*

В феврале победоносного 1944-го он стал начальником отдела реставрации, получил московскую прописку и уже в 1947 году занялся Крутицким подворьем.

Комплекс Крутицкого дворца, бывшая резиденция митрополита Сарского и Подонского, одного из наиболее крупных церковных феодалов и наместника патриарха, являет собой музей разнообразных памятников архитектуры конца сурового и лаконичного XV века и живописных палат, храмов, колоколен, крылец, переходов сказочного «Крутицкого теремка» конца XVII века.

Дворец представлял собой комплекс зданий, свободно расположенных на обширном участке, отделявшемся каменной стеной с четырьмя башнями по углам от соседней городской застройки. Двухэтажный каменный дом и примыкающая к нему домовая церковь поставлены на вершине холма в глубине участка. Дом крытыми деревянными переходами был связан с летними жилыми помещениями, расположенными на самом краю крутого оврага. Каменные двухэтажные переходы длиной около 70 метров соединяют эти постройки с соборной церковью Успения и одновременно служат оградой усадьбы.

Нижний этаж перехода имеет вид мощной глухой ограды, а верхняя галерея обрамлена парапетом и перекрыта двускатной кровлей, опирающейся на круглые каменные столбы. Часть этого перехода с воротами внизу и небольшим помещением вверху называется «Крутицким теремком». Теремок был не жилым помещением, а только декоративной «палаткой» над воротами, откуда открывался прекрасный вид на Москву. С северной стороны его видны Кремль и ансамбль Новоспасского монастыря, с южной — и Симонов монастырь.

В древности все возвышенности, лежащие по левому берегу Москвы-реки, от реки Яузы до урочища «Симоново», назывались Крутицами. Теперь это название удержала за собой возвышенность между Симоновым и Новоспасским монастырями. Сарский проезд и Подонский переулок напоминают о двух речках, которые вкупе с Москвой-рекой почти со всех сторон омывали этот живописный остров. В свою очередь эти две речки напоминают древнейшие владения епископов Крутицких.

В XIII веке, когда тысячи русских пленных в результате монгольского нашествия и разгрома Руси были угнаны на устье Волги в Сарый, столицу вновь образовавшегося государства Золотой Орды, великий князь Александр Невский исходатайствовал у хана дать для них епископа. Эти епископы получили название Сарыйских (или Сарских) и Подонских, так как их ведению принадлежали земли по

Волге и Дону — огромная территория, не меньшая по площади территории всей Франции.

Сарские и Подонские епископы пользовались на Руси исключительным авторитетом и со временем превратились в могущественных церковных иерархов. В патриарший период русской православной церкви (1589—1700) они были возведены в ранг митрополитов, первых по значению и влиянию на дела всероссийские после патриарха, и нередко заменяли последнего. Добиться всего этого можно было, очевидно, одним путем — усердной службой на пользу светской и духовной власти, занятой объединением русских земель в централизованное государство.

Около середины XV века Сарские и Подонские владыки, покинув агонизирующий Сарый, окончательно перенесли свою резиденцию на высокий крутой берег Москвы-реки, в трех километрах от Кремля, на то самое место, которое отписал им в 1300 году младший сын Александра Невского московский князь Даниил.

В течение трех столетий Крутицкая кафедра была одним из крупных центров просвещения, а некоторые из ее епископов известны как наиболее передовые и просвещенные деятели своего времени. Так, Феогност в XIII веке — писатель и посол от хана Менгу-Темира в Византию, Матвей, Досифей, Забела, Савва Черный и Нифонт Кормилицын — писатели, авторы литературных произведений XIV—XVI веков или же последователи и проводники художественной школы знаменитого Дионисия.

Значительна роль Крутиц в истории русского просвещения и в XVII веке. В «Крутицких храмиках» было основано ученое братское просветительское общество, в котором под руководством епископа Павла II и Киевского монаха Епифания Славинецкого, «многоученого грамматика, ритора, философа и теолога», переведено было много книг с иностранных языков как церковных, так и гражданских по истории, географии, медицине, анатомии и космографии». Епифанию принадлежит первый перевод в России западной книги с изложением коперниковской астрономии, им составлен славяно-греко-латинский лексикон для объяснения церковных слов.

Один из крутицких митрополитов Киприан Старорусский в бытность свою архиепископом Тобольским, положил начало сибирскому летописанию, явившись составителем так называемого киприановского свода Сибирской летописи.

В Крутицах был заключен Аввакум Петров — фана-

тичный оппозиционер церковных реформ, знаменитый писатель Древней Руси, «Житие» которого, по словам М. Горького,— «непревзойденный образец пламенной и страстной речи бойца».

В XVIII веке просветительские традиции в Крутицах развивались: здесь была учреждена духовная семинария.

В 1788 году, в связи с образованием губерний в России и упорядочением церковного управления в соответствии с новым административным делением, Сарская и Подонская епархия была упразднена, здания митрополичьего дома переданы военному ведомству и превращены в казармы.

Наиболее древним из зданий Крутицкого дворца является, по летописной датировке, Петропавловская и Успенская церкви XIII—XVI веков. Даже остатки их не сохранились.

Из уцелевших построек самая древняя — Воскресенская домовая церковь, построенная в 1492 году. Основа этого памятника, его подклет, сложенный из квадратов крупного известкового камня и без особого фундамента, по-видимому, еще более древняя и в этой части, может быть, представляет собою один из наиболее древних памятников Москвы.

Второй ярус здания Воскресенской церкви перестраивался в середине XVII века и подвергся настолько грубой перестройке военного ведомства под жилье, что только отдельные элементы в обработке окон, карнизов и т. п. говорили о его историко-архитектурной ценности.

Все остальные памятники комплекса Крутицкого дворца относятся к XVII веку, будучи построены в период между 1665 и 1695 годами при митрополите Павле II, создавшем в «Крутицких храмиках» просветительское общество и обустроившем Крутицы «яко рай земной».

Пребывание на Крутицах их новых хозяев — полицейских драгун, жандармского и внутреннего гарнизона батальона — наложило на памятники печать казарменного стиля. Здания дворца, перестроенные и обезображенные, ветшали. Уже в 1816 и 1889 годах ставился вопрос о сносе Воскресенской церкви, Теремка и Переходов и лишь запрещение правительства сберегло для нас этот интереснейший комплекс.

В 1840 году было решено восстановить Воскресенскую церковь, однако не в ее древнем виде, а в «византийском вкусе», с украшениями из расписных изразцов в подражание Теремку. К счастью, проект не был осуществлен.

В 1868 году Теремок и Переходы были реставрированы под руководством архитектора Д. К. Чичагова. Это была одна из первых реставраций в России, не ставившая задачу восстановления нарушенного функционального значения Переходов. Была восстановлена только поврежденная часть аркады Переходов по западной стене, северный участок сохранился во всех первоначальных элементах, а восточная, упавшая, часть осталась реставраторами нетронутой.

В начале XX века архитектор Н. Д. Струков создал проект реставрации Воскресенской церкви, который, однако, не был осуществлен. Он оставил описание Крутиц, вызывавших у него скорбное чувство своей запущенностью и сиротством.

Барановский отдал Крутицам много лет своего труда. То, что он увидел в 1947 году, не вселяло надежд на «легкую» реставрационную жизнь в Крутицах.

Жилые Митрополичьи палаты, выстроенные при Павле II, полностью сохранились в своем изначальном объеме, но, используемые под жилье, дошли до нас в таком искаженном виде, что уцелели лишь стены, своды же были сломаны, оконные проемы расширены, лишь следы срубленного богатого архитектурного декора, открытые после удаления штукатурки, говорили о возможности воскресить прежний вид этого редкого памятника русского зодчества. С южной стороны у Палат сравнительно хорошо сохранилось «Красное крыльцо» с белокаменной обработкой конца XVII века, имевшее первоначально еще более живописный вид.

С восточной стороны к Палатам примыкают Святые ворота, расписанные фресками, с надвратным Теремом, богато украшенные цветными изразцами и колоннами резного камня. Функционально Теремок служил частью Переходов, связывавших жилые палаты с домовой Воскресенской церковью и Успенским собором. Эти Переходы были сооружены на месте дворцовой ограды во второй период строительства дворца при митрополите Ефимии в 1694—1698 годах русским зодчим, подмастерьем каменных дел Ларионом Ковалевским. Изразцы для их украшения были куплены на заводе Осипа Старцева. В пожар 1812 года Переходы были повреждены и частично разрушились. В 1816 и 1839 годах ставился вопрос об их сносе с сохранением лишь Теремка.

В 1868 году была произведена реставрация аркады Переходов по западной сохранившейся стене. Но в 1930-е

годы при проведении подземных коммуникаций и эта часть Переходов сильно наклонилась на западную сторону, опустилась в местах прохождения труб и держалась лишь на деревянных подпорках. Теремок наклонился на юго-восточную сторону и весь покрылся сетью опасных трещин.

Повторилась «послепожарная» история. Возникло предложение передвинуть Теремок со сносом остальных строений. Поговаривали и о том, чтобы разобрать его, сохранив изразцы, однако капитальная научная реставрация спасла памятник от гибели.

Успенский собор с Петропавловской церковью в нижнем этаже хотя и имеет первоначальные даты построения 1292 и 1516 годы, но в современном виде является постройкой, сделанной в два приема — в 1665 и 1689 годах. При последующих перестройках XVIII—XIX веков в нем были растесаны все окна и двери, срублена вся декоративная обработка, полностью сломано западное и южное крыльцо, большая часть северного крыльца, изменена форма центральной главы. Под слоем штукатурки памятник утратил характер своего времени и не представлял художественного интереса. Только колокольня была в меньшей степени обезличена и своим шатром прекрасных пропорций говорила о незаурядном мастерстве зодчего. Техническое состояние некоторых частей собора внушало опасение: упала северная галерея, пристроенная в XVIII веке, и близко к разрушению было северное, сильно переделанное крыльцо. Собор после закрытия использовался сперва под общежитие Министерства обороны, потом под мастерские Академии архитектуры.

Воскресенская домовая церковь полностью утратила свой первоначальный облик, превратившись в безликий трехэтажный жилой дом.

К югу от Митрополичьего дворца находится здание Крутицких казарм с ярко выраженным характером сооружений николаевской эпохи. Изучение архивных документов, разыскания на месте позволяют сказать, что здание Приказных палат XVII века, так называемого «Крутицкого Казенного приказа», построено одновременно с Митрополичьими палатами. Под перестройками и искажениями, сравнительно легко устранимыми, обнаружилась конструктивная основа внушительного древнего здания, представляющего особый исторический интерес, потому что у нас почти совсем не сохранилось зданий приказов, административно-хозяйственных и судебных учреждений Древней Руси.

И наконец, на самом берегу Москвы-реки, с западной стороны усадьбы, находятся так называемые Набережные палаты, построенные в начале XVIII века. В их нижнем этаже была кухня, в верхнем, деревянном (не сохранившемся), — архиерейские покои, соединенные переходом с Воскресенской церковью.

Все это говорило о том, что такой сложности работа под стать лишь Барановскому. Почти два года были посвящены вхождению в тему. Архивы. Обмеры. Снова архивы, библиотеки, археологические раскопки. К началу пятидесятого года был готов, обсужден и утвержден проект реставрации.

Реставрационные работы в Крутицах были начаты Академией архитектуры, а затем продолжены Центральными научно-реставрационными мастерскими, куда перешел в 1950 году Петр Дмитриевич. Вот отдельные этапы возрождения единственного в своем роде ансамбля.

Чтобы вывести из аварийного состояния Успенские переходы, пришлось заключать одиноко стоящую, угрожающе наклонившуюся западную стену в «корсет» из брусьев, скрепленных огромными болтами, подвести на большую глубину фундамент, соорудить мостовые перекрытия, выпрямить наклонившуюся и вздувшуюся стену посредством металлических тяжей. Путем раскопок были найдены места столбов, служивших опорами для арок и для восточной несохранившейся стены Переходов.

Работы велись с 1952 по 1954 год. Стена, наклонившаяся на 32 см при 8 м высоты и выступавшая по длине на 14 м, была повернута и встала вертикально. Была проведена инъекция трещин и восстановлена разрушенная часть Переходов с докомпоновкой недостающего на основе археологических исследований и по аналогии с сохранившимися частями аркады в северной ее части.

Это была одна из крупных побед реставрационной науки и практики, которой добились впервые в таком большом масштабе и в таких сложных условиях.

Вот как об этом вспоминают сотрудники Петра Барановского.

Архитектор-реставратор Н. И. Иванов: «Я пришел к Барановскому в сентябре 1950 года. Он сразу начал проверять, могу ли я лазать по лесам и без них, не белоручка ли.

Сейчас и представить себе трудно те условия, в которых приходилось работать реставраторам. Время было трудное, послевоенное. Практически любой объект в Москве

был заселен жильцами — от подвала до чердака. Скольких трудов стоило найти жилье для семей, выезжающих из Крутиц.

Крутицкий дворец был в плачевном состоянии — Теремок завалился, Переходы чудом не падали — крен был страшный. Петр Дмитриевич ставил подкосы. Самым неотложным было — выпрямить стены, укрепить фундаменты. Этим мы и занялись. В период работ по фундаменту реставраторы дежурили на объекте круглосуточно. И вот результат: после замены фундаментов даже волосяной трещины нигде не обнаружишь.

Далее важно было восстановить в 1954—1955 годах северное крыльцо Успенского собора, сохранившегося в сильно искаженном виде. Кроме чисто технических трудностей, пришлось преодолевать и трудности административного порядка: добиться переселения жильцов, закрыть автогрузовой проезд по улице, согласовать с начальством сложные подземные работы.

Было произведено вывешивание частей сооружения с подведением фундамента на значительную глубину, устроены мостовые перекрытия над подземными коммуникациями. Затем памятник был реставрирован уже в надземных частях с дополнением утраченного на основе найденного и по аналогии с уцелевшим.

Работа по восстановлению крыльца как функционально необходимой части здания придала важнейший элемент всей архитектурной композиции ансамбля.

Следующей большой задачей реставрации было выведение Святых ворот и Теремка из аварийного состояния.

Пришлось вывешивать все сооружение, подкружаливать арки и своды, подводить фундамент до глубины проходящих здесь подземных городских сооружений, служивших причиной провалов грунта. Затем сделали инъекцию трещин, провели реставрацию сильно пострадавшей фресковой живописи, расширенных дверных проемов, стен, белокаменного и керамического их декора».

Проводились работы и по другим частям Успенского собора, его паперти и колокольне: найдены и восстановлены старинные порталы, наличники окон, испорченные и частично закрытые крышами главы. Особо сложной была работа по восстановлению центральной главы, приобретавшей в процессе перестроек луковичную форму. По аналогии с сохранившимися кирпичными боковыми главами и путем анализа других сходных памятников централь-

ная глава была реставрирована в стиле оригинальных древнерусских конструкций из кирпича. Впервые удалось восстановить древний геометрический способ построения глав.

«Петр Дмитриевич,— по словам Н. И. Иванова,— стоял за точность до миллиметра. Хорошо, если находилось хоть что-нибудь, по чему можно было уловить прежние размеры. А представьте, если окно или дверной проем растесаны намного шире изначального,— что тогда? Тогда изучается кладка справа, слева, сверху, идет развертка кирпича. Во все времена существовали правила, как закончить кладку, как вставлять четвертушку кирпича. Если эти правила знать, можно с большой точностью рассчитать прежние размеры. В дополнение к этому обязательно велись раскопки, тщательно обследовался культурный слой. При раскопках иногда находили целиком срубленные детали, и Петру Дмитриевичу удавалось «приклеивать» их на место... О Барановском можно сказать, что он — основоположник русской практической школы реставрации. Я у него работал шесть лет. Можно сказать, второй институт закончил. И какой!»

В 1954—1959 годах были проведены работы по реставрации Набережных палат. Из неказистой обезличенной развалины выросло здание редкой для Москвы каменной архитектуры начала XVIII века, построенное по особому разрешению в период запрещения Петром I каменного строительства в Москве.

Вспоминает Н. И. Иванов: «В бывшем дворце Крутицких митрополитов было много жильцов. Мы подбирались к нему сперва снаружи. Петр Дмитриевич начал отбивать штукатурку по всей высоте здания. Из рядового позднего ампира стал вдруг проглядывать дворец XVII века, с огромным количеством срубленных деталей. Восстановить их для него было делом привычным.

Освобождение от жилья аварийной части Митрополичьего дворца, прилегающей к Теремку, дало возможность в 1959 году вести работы по сохранению и выявлению наиболее ценных частей памятника: под капитальной перестройкой XVIII века и бесчисленными заплатами последующего времени были найдены элементы первоначальной архитектуры. Открылись сохранившиеся части столбов и двух арок в нижнем этаже, несущие Воскресенские Переходы. Значительные части разобранных столбов этих переходов были извлечены при разборке кладки XVIII века.

Одновременно велись работы по восстановлению Красного крыльца Митрополичьих покоев, носившие пока локальный характер, поскольку остальная часть здания оставалась заселенной.

В работе у Петра Дмитриевича был некоторый элемент авантюризма. Но это не от характера шло, а от обстоятельств. Взять такой случай. Реставраторам надо было заглянуть внутрь бывшего дворца. А он заселен — не подступиться. Составляя проект подводки фундаментов под Теремок, мы пришли к выводу, что не можем подвести фундамент, не сделав опорную часть в одной из комнат. На этом основании удалось отселить жильцов из одного из покоев и восстановить таким образом крохотный кусочек дворца. А позже это потянуло за собой и все остальное, уже легче стало доказывать на разных советах, что мы имеем дело с ценнейшим памятником архитектуры...

В 1968 году реставрационные работы по Крутицкому дворцу возобновила Московская областная специальная научно-реставрационная производственная мастерская. К этому времени от жильцов Митрополичьи покои были освобождены, развернулись исследовательские работы в натуре, разработка позднейших наслоений, реставрация юго-восточного угла Палат с укреплением фундамента и восстановлением окон первого этажа.

Продолжались работы по восстановлению части Воскресенских Переходов, примыкающих к Теремку, и реставрация колокольни».

Каменщик-реставратор В. Н. Киселев вспоминает, что последние семьи из Крутиц переселили в 1970 году. Они жили в перестроенной под жилье Воскресенской церкви — замечательном архитектурном памятнике с белокаменными подвалами XV века. Здесь Барановский вел исследования и реставрацию, не дожидаясь переселения граждан.

Свидетельствует Н. И. Иванов: «В Воскресенской церкви имелось подполье высотой сантиметров семьдесят. Когда его вскрыли, первым полез Петр Дмитриевич. А там — пылища, мусор. А тут — комиссия, которую он с час водил по мелкому дождику».

Летом 1969 года была создана Научно-реставрационная мастерская МГО ВООПИиК, преобразованная позднее в мастерскую Центрального совета общества. Основной ее задачей стала реставрация Крутицкого дворца.

Ею полностью завершено восстановление Воскресенских Переходов, имеющих большое значение для всего ан-

самбля: Святые ворота с Теремком уже не есть остаток старины, а воспринимаются как часть цельной художественной композиции, задуманной талантливым зодчим XVII столетия Ларионом Ковалевским. Сколько трудов и упорства понадобилось здесь со стороны Петра Дмитриевича!

В. И. Киселев говорит об этом периоде его жизни так: «Когда я первый раз увидел Барановского, ему было уже за семьдесят. Я много слышал о нем, встречи ждал с интересом. Увидел небольшого старичка, седого, в круглых очках. Глаза у него очень живые и, что называется, отчаянные. Какая-то лихость в них была и вообще в нем было много мальчишества. Если куда-то нужно было залезть, он в этом удовольствии никогда себе не отказывал. И чем рискованнее, тем лучше. За десять лет, что мы с ним работали, всякие ЧП случались. И землей его засыпало, и со стены он срывался. Полдня отлежится — и опять на объекте. Страха не знал. Но смелость была в другом: он не боялся отстаивать свои убеждения, идти один против всех. Бывало, на совещании, где все заранее уже было против него, он спокойно сидел, дожидаясь удобного момента, чтобы вмешаться, убеждать, а порою изменить ход дела...»

Н. И. Иванов: «Он умел многих мобилизовать на защиту какого-нибудь памятника, на его реставрацию. Мог, например, перегородить улицу, остановить движение. Такое было, когда восстанавливалось северное крыльцо в Крутицах.

В Митрополичьих покоях была проведена нами сложная работа по выпрямлению части южной стены с подводкой нового фундамента и реставрацией оконных проемов.

Укреплены фундаменты под всеми наружными стенами, поставлены поперечные стены и выложены своды. Почти полностью закончена реставрация декора по всем фасадам.

Основные работы были сосредоточены в Воскресенской церкви. Постепенно неприглядный жилой дом начинал приобретать черты храма XV века: появились абсиды, окна и порталы, белокаменные цоколь и межэтажный карниз. Восстановлены своды подвала и Казны церкви. Произведено укрепление фундаментов белокаменных пилонов».

В. Н. Киселев: «Каждый человек хочет видеть результат своего труда. Скажи ему: эту работу ты завершить не успеешь — возьмется ли? А Барановский брался. Он отдал Крутицам больше тридцати лет, а готовым ансамбль так и не увидел.

В старости у него было плохо со зрением, но он не сдавался. Помню, на Крутицах заменяли частично черепицу на Тереме. Приезжает Петр Дмитриевич, спрашивает, как дела. Приглашает меня подняться вместе с ним на кровлю. Я говорю ему: «Вы же не видите».— «Ну, хоть пощупаю»... Смотрю, идет по водосливу в полный рост. Внизу экскурсия прямо-таки замерла. А он все ощупал, встал на гребне и говорит: «Совсем плохо с глазами... Скажите, Ивана Великого видно сейчас?»

Н. И. Иванов: «Он страшно был нетерпелив, ждать не любил, нет рабочих — давай сам таскать кирпичи, доски, ящики... Работал быстро, не берегся совершенно, вечно у него были занозы, ссадины. Срывался с лесов не раз, падал, расшибался...

Ему многое удавалось. Помню: болеет, еле дышит. Лежит на диванчике, на животе телефон. Рядом — бумажки с необходимыми номерами телефонов. Чтобы время не пропадало, начинает обзванивать всех, кого нужно. А терпение у него было! И многие сдавались. Ну, представьте, чего человек порой не сделает, лишь бы он не досаждал...

Не знал пощады к себе и к другим. Работать с ним было трудно. Какое-нибудь дело можно отложить на завтра, вроде бы поздно, ночь, устали все, но увы,— нет таких пустяков, которые бы он во внимание не принимал. Со слабостями человеческими не считался, препятствий обходить не умел, шел в лоб, пока не сокрушал или пока его не сокрушили. Но — никаких компромиссов. Врагов наживал себе много среди чиновников всех рангов и мастей. Говорил, что думал, без всяких дипломатических уловок — и практически всегда был прав».

В. Н. Киселев: «По инициативе Петра Дмитриевича на Крутицах была создана экспериментальная школа-мастерская. Это была давняя его идея, много лет он ее пробивал. Наконец, в 1969 году в московской газете появилось объявление, что вновь организованная мастерская приглашает для обучения профессиям каменщиков, белокаменщиков, резчиков, позолотчиков. По этому случаю на Крутицах появилась группа молодых людей — человек пятнадцать. Они-то и стали костяком мастерской. Я пришел в Крутицы несколько раньше, с двухлетним стажем работ в реставрации. По замыслу директора, должен был учить новичков, пришлось туговато.

Скажу о нашем директоре — Евгении Михайловиче Верченко. Как и Барановский, это был человек замечательный. Встретились и познакомились они в 1927 году.

Верченко был из первых комсомольцев, приехал в Москву получать за что-то орден. Пошел на Красную площадь, увидел окруженный забором храм Василия Блаженного, а вокруг него каких-то людей, которые вроде бы его чинили. Это задело Верченко: как-никак он был комсомольским вожаком, боролся с «пережитками». Подошел: «Как же так, мы боремся... себя не жалеем, а вы тут... починяете». Вышел к нему человек — довольно молодой, в пенсне, с бородкой: «Вы пришли помочь? Заходите, пожалуйста». И Барановский начал ему рассказывать, что это за памятник, что вкладывали в него наши предки. Видно, много чего было в тот раз рассказано новоиспеченному «безбожнику». И стали они после этого на всю жизнь друзьями и единомышленниками. В мастерской на Крутицах Верченко исполнял обязанности директора, прораба, главбуха, снабженца. Все — за одну зарплату».

Виктор Алексеевич Виноградов, архитектор-реставратор: «К концу жизни Барановский стал легендой. Люди приходили, чтобы посмотреть на него, пообщаться с ним, поучиться. А учиться у него было чему, особенно молодым. Главным у него был сам подход к делу — очень своеобразный, но привлекательный для нас, учеников, отвечающий какой-то нашей внутренней потребности.

Барановский сравнивал реставрацию с лечением. От времени и небрежения памятник разрушается — болеет. Наша задача его лечить. Но памятник — это не просто сооружение, он несет в себе некую духовную субстанцию, накапливая ее и веками излучая. Этим объясняется тот факт, что всегда вокруг памятников кипят страсти, происходят столкновения мнений, одни — нелюди — активно стремятся их уничтожить, другие — патриоты — яростно их защищают.

Без памяти нет сознания. Реставрация памятника — это лечение сознания. Так, во всяком случае, считал Барановский. И требовал от каждого, кто имел дело с памятником, не просто грамотного, но нравственного к нему отношения. По этой же самой причине он любую утрату — фрагмента, археологической находки — воспринимал как трагедию: мы потеряли кусочек памяти. Требовал глубокого изучения памятника, знания его истории и всего, что с ним связано. Это и привлекало к Петру Дмитриевичу молодежь, хотя характер у «деда» был жесткий, требовательный, небрежности в работе он не прощал. Заметив огрехи в кладке, заставлял ее разобрать и сделать заново».

Дополню от себя воспоминания сотрудников Барановского зарисовками, сделанными мною в 1970 году.

Придя в 9 утра в редакцию, звоню Барановским. В трубке контральто Марии Юрьевны: «Петр Дмитриевич уходит в восемь и возвращается в десять вечера. Куда уходит? Известное дело — в Крутицы. Он там открыл XV век и готов торчать в Воскресенской церкви круглые сутки».

В голосе Марии Юрьевны ликование. Не странно ли? Тем, кто хоть немного знает ее, не удивительны ее восторги по поводу того, что ее почтеннейшего возраста супруг с утра до ночи мотается по продуваемым ветрами древним постройкам Крутицкого дворца. Во-первых, она сама и по должности, и по призванию ученый-исследователь. Быт, культуру конца XVIII — начала XIX века она знает, как никто другой в Москве. Интерьеры, библиотеки иных дворянских гнезд известны ей гораздо лучше, чем собственная квартира, где три четверти пространства занято бесчисленными папками с чертежами, внушительными фолиантами по вопросам архитектуры. Во-вторых, за годы совместной жизни она достаточно хорошо распознала характер мужа. Он хорошо себя чувствует, лишь когда впрямую занят реставрацией. Кабинетная работа его тяготит. Ну и что из того, что для осуществления «заготовленных» им впрок проектов реставрации и пяти жизней не хватит? В свое время все понадобится. Достанут с полки папку и будут реставрировать или восстанавливать строения по его чертежам!

Крутицы — постоянная забота, утеха старости Петра Дмитриевича. Любому своему собеседнику он обязательно скажет: «Кто знает, откуда придут помощь и поддержка. На призыв помочь доброму делу потенциально может отозваться каждый. Я и вас прошу, приезжайте в Крутицы... (Тяжело вздыхает.) Мне помирать пора. (У собеседника замирает сердце: «Неужели Петр Дмитриевич так плох? Голос и вправду — слабый, глухой».) Вы должны знать. Может, это кому-нибудь пригодится. Так вот: под кожухом Воскресенской церкви в Крутицах я обнаружил трехэтажный собор. Полагаю, это XV век. Такой же конструкции был собор кремлевского Чудова монастыря, трехэтажный, который в 1929 году разобрали, хотя я несколько раньше сделал обмеры, провел научную фиксацию. Теперь те чертежи — мой путеводитель по Воскресенской церкви. Возможно, это постройки одного мастера. Воскресенская трехэтажная церковь, которую предстоит выявить в кубе

невзрачного жилого дома,— безусловно, уникальное творение. XV век — величайшая редкость для Москвы. Конструкция Чудова монастыря и Воскресенской церкви больше нигде не встречается.

Воскресенье... Морозное воскресенье далекой малоснежной зимы. Надо ли сомневаться, что Петр Дмитриевич в Крутицах? «Вы не видели Барановского?» — спрашиваю молодого человека с киркой в руках. «Только что был в Набережных палатах».

Иду в палаты. Сторож, обогревающийся у печи старинного образца, в виде огромного черного полуцилиндра, сообщает: «Петр Дмитриевич только что был, ушел посмотреть на работу студентов».

Из нижнего сводчатого зала дворца студенты выносят строительный мусор. Да, Барановский здесь. Сейчас он, наверное, у каменщиков. Каменщики, выводящие закружаленный свод второго этажа, сказали, что Петр Дмитриевич побежал сыскать прораба, потому что не совсем верно прочитал его чертеж. Битый час я бегаю за неуловимым Барановским. Ну и прыть, ну и энергия, в его-то восемьдесят! Да, но и работы сколько! Берусь за кайло и начинаю долбить вместе со студентами мерзлый грунт. Кайло тяжелое, сделаешь десять ударов — отдыхаешь. Стою на дне неглубокой канавы, опершись на ручку кирки, а рядом, буквально в двух шагах, корявая, вся в «заплатах» стена «новооткрытого памятника культуры неувядающего значения» (определение Барановского). Есть признаки того, что вороньи перья несуразного, мрачного жилдома много лет скрывали от людского взгляда стать лебедя. Уже предъявляется миру красота белокаменного цоколя; радует нарядной новизной некогда стесанный декор узкого средневекового оконца на уровне второго этажа, явственно обозначился килевидный портал входа в храм.

Барановский возникает неожиданно, в пяти шагах от меня, что-то энергично втолковывает бригадиру каменщиков. Меня нисколько не смущает его невнимание. Может, не разглядел — видит он в последнее время плохо, предстоит глазная операция, может, не хочет отвлекаться от дел. Ну, а потом — простым приветствием дело не кончается. Если уж встретились, то разговор на несколько часов — это всегда у нас.

Однажды вьюжным февралем я засиделся у Барановских допоздна. Старик, как камешки на ладони, перебирал события своей долгой жизни. В одиннадцатом часу добрались до истоков.

Село Шуйское — здесь он появился на свет, Дорогобуж — здесь взялся за букварь. Болдино — здесь начало его творческой судьбы. Тут с горячностью юноши, у которого впереди вся жизнь, Барановский разворачивает перспективу «воскресения из мертвых» взорванного в 1943 году фашистами Болдинского монастыря. «Я трудно переживал известие о гибели (говорит он о храме, как о человеке.— *Ю. Б.*) Болдинского монастыря. Места себе не находил[1]. Меня утешали: смоленское областное архитектурное управление приняло меры охраны руин. Долго не мог себя заставить поехать туда. Но как только получил известие, что руины растаскивают, и уже не первый год, собрался в одночасье и поехал по бездорожью. На въездных воротах монастыря — доска, извещающая, что каждый кирпич этого памятника священен. Вошел в ворота — сердце так и упало. Среди зелени розовели три пирамиды — обрушенные взрывчаткой собор, колокольня и трапезная. По склону одной из пирамид ползал бульдозер, отгребая в сторону кирпичное богатство. Я понял, что доска со словами о священных камнях — это одно, а реальные запросы разоренной войной Смоленщины — другое. За двенадцать лет здесь сменилось тринадцать председателей сельского совета. С кого спросить? Я побывал в школе, которая находилась на территории монастыря, и уезжал с надеждой, что она станет хранительницей руин...

Добравшись до родных мест, всерьез занялся историей партизанской борьбы Дорогобужского края.

В Болдинских лесах осенью 41-го стоял фронт. Потом наши отступили. В непроходимые лесные дебри. Деменков, начальник милиции Дорогобужа, привел костяк партизанского отряда. 15 января 41-го, когда гитлеровцев уже гнали от Москвы, партизаны выбили немцев из Болдинского

[1] В жизни Барановского это не единственная тяжкая потеря. Потери общенациональные он воспринимал как личные, потому что сознавал — беднее стали люди в его стране и в целом мире. Фрагмент письма М. Ю. Барановской прекрасно доносит боль его души. Речь идет о варварском сносе храма XII столетия в Витебске: «Три дня тому назад я получил сообщение о том, что ходатайства с попытками сохранить памятник в Витебске кончились трагедией. Подобной утраты для нашего и мирового искусства еще не было со времени Михайловского монастыря и Пирогощей в Киеве... Тебе понятно, конечно, мое состояние, и вот с тех пор уже три ночи я почти не сплю, засыпаю на короткое время и вновь просыпаюсь от мучительной тревоги, от невозвратимости совершившегося и его бессмысленности».

монастыря и в нем основали штаб, который готовил штурм Дорогобужа. 15 февраля город был взят. От захватчиков очистили десятки сел и деревень. Восстановили колхозы и совхозы.

В день 20-летия освобождения Дорогобужа,— продолжал Мастер,— состоится партизанский слет. Я приглашен. Вот бы вам туда поехать.— Петр Дмитриевич вскинул на меня просветленный воспоминаниями взгляд.— Какие там люди!»

В ночь с 14 на 15 февраля 1967 года мы выехали в Дорогобуж. Когда автобус остановился и кондуктор выкрикнула: «Граждане, конечная!» — мы, еще не пришедшие в себя от ночной дороги, сонные, разбитые, с трудом осознавали, что Дорогобуж дарит нам солнечное зимнее утро. Петр Дмитриевич тихо, счастливо улыбнулся в щеточку седых усов: «Вот и приехали... Мой родной город».

Я огляделся. Главная улица от Днепра, с Подолья, полого шла вверх, а над городом в вышине, там, где вставало багровое от мороза солнце, сверкали алмазными снегами холмы. Взгляд мой не приметил ни древних храмов, ни крепостных стен, хотя возраст города и тот факт, что когда-то существовало Дорогобужское удельное княжество, казалось бы, обещали встречу со стариной. «Не мог же в городе, потерявшем историю, вырасти Барановский»,— подумалось мне. Петр Дмитриевич шел, чуть приосанившись, впереди меня. Выглядел он непривычно торжественным. Его можно было понять.

Судя по всему, настроение у него было прекрасное, и я не стал огорчать его вопросом: «Куда же пропали дорогобужские памятники?»

Ясно куда: атеисты, дорвавшиеся до власти, взорвали их или разобрали на кирпич. В фильме «Крест мой» на фоне руин Болдинского монастыря звучит трагический голос Барановского: «Монастырь взорвали фашисты. На сей раз не наши фашисты, а иностранные, германские». Это действительно необходимое уточнение — наши взрывали постоянно.

...Сиявшие алмазными снегами холмы оказались древним городищем. В полдень под залпы ружейного салюта на горе, из-за которой восходит солнце, был открыт обелиск.

Утром следующего дня колонна — до десятка легковых автомобилей, «газиков» и «волг» — тронулась от райкома партии: совершали объезд партизанских баз и штабов. К

часу дня по кривой, пересыпанной поземкой колее пробились в Болдино. Несколько бревенчатых домов, сельский магазин, школа, кирпичные крепостные стены монастыря. У въездных ворот машины остановились. Барановский, сухощавый, легкий на ногу, заспешил к крайнему дому сельца Болдино, бросив на ходу: «Я сейчас... Ключи от музея у Тита Петровича Новикова — он тут главный хранитель».

К кирпичной монастырской стене был прибит фанерный щит, видать, объявление. Приехавшие сгрудились возле него, читают: «Болдинский монастырь — величайшее произведение древнерусского искусства XVI века. Все три архитектурных сооружения монастыря — собор, трапезная и колокольня — являются памятниками создания Русского государства.

Перед бегством в 1943 году из Болдина фашистские захватчики взорвали все памятники монастыря. Отныне руины ценнейшего произведения русской старины будут свидетелем позорных действий побежденного врага.

Болдинский монастырь (руины) состоит на особом учете и охране. Строго воспрещается разборка стен, расхищение кирпича и стройматериалов. Разрушение и порча зданий монастыря карается законом. Охрана памятника вверяется сельсовету».

К монастырским воротам спешил Барановский — в легких ботинках, в подбитом ветром демисезонном пальто, вполне довольный собою. За ним, вздымая снег огромными валенками, еле поспевал Тит Петрович Новиков — местный учитель, тот самый доброхот, что сообщил в Москву Барановскому о разборке стен, расхищении кирпича.

Началась экскурсия. Показывая на заснеженную пирамиду справа, Петр Дмитриевич сообщал: «Это шестигранная колокольня. Достойнейший объект истории и штаб партизанской дивизии, освободившей Дорогобуж. На колокольне пятнадцатого января 41-го года взвился красный флаг — он был виден в окрестных деревнях и селах.

Вторая огромная гора в центре монастырской территории — собор Болдинского монастыря. За ним под кровлей — трапезная. В первый свой приезд в разрушенное Болдино я обнаружил, что трапезная палата с шатровой церковью взорвана со второго этажа. Четырехлетние усилия по восстановлению трапезной палаты увенчались успехом. Прошедшей осенью поставлена крыша...»

Кто-то из «экскурсантов», человек, явно незнакомый с биографией Барановского, перебивая чересчур спокойную для того холодного дня беседу, спрашивает Петра Дмитриевича: «А вы видели монастырь неразрушенным?»

Барановский на несколько секунд замолкает, снимает очки, протирает запотевшие на морозе стекла и с вызовом отвечает: «Еще увидим!»

Вопрошавшему и невдомек, сколько чувства, любви, всесокрушающей веры вложено Мастером в это «еще увидим!». Только специалисты в области реставрации помнят, что с 1922 по 1928 год Барановский каждое лето возился с заведением железобетонных связей в ниши из-под выгнивших деревянных брусков, некогда прочно стягивавших стены зданий. Это был его первый самостоятельный проект. Проект 1918 года. Тогда, тихим бабьим летом, днюя и ночуя на каменных шатрах побитых снарядами ярославских храмов, он постоянно думал о Болдине — своей первой мальчишеской привязанности.

Когда в 1959 году Петр Дмитриевич приступил к спасению трапезной палаты, он назвал эту операцию воскресением из мертвых. Были горы мусора и одержимость Барановского.

Местные специалисты по строительству, приезжавшие взглянуть, на что идут кирпич, лес, кровельное железо, разводили руками, приговаривая: «Старик наш совсем сошел с ума. Над грудой щебня строит крышу».

Строили с великими мучениями. Была зима: обмораживали руки, лица.

Трапезная палата, одна из трех болдинских построек гениального Федора Коня, уже воскресла. Восстановление шедевра продвигается успешно.

На повестке дня — сборка развалившейся на куски колокольни. Барановский выступает на заседании научно-методического совета Министерства культуры СССР с докладом, в котором обосновывает техническую сторону сборки архитектурных памятников. Сам он называет это головокружительно смелое предложение «склеиванием памятников по методу склеивания горшков». Для осуществления замысла нужны подъемные механизмы, которых пока нет, и вера в чудеса — она была всегда! А главное — вера в Барановского: он всю свою жизнь творит небывалое, невозможное, то есть чудеса!

Барановский — выпускник Московского археологического института, а «археология, говорят словари, наука,

изучающая историческое прошлое человеческого общества по вещественным памятникам». Обосновавшись в Коломенском, он собрал за несколько лет уникальную коллекцию по «Технике и искусству строительного дела в Московском государстве в XVI—XVII веках». Поездка по Русскому Северу с целью изучения и фиксации образцов отечественного деревянного зодчества приводит его к мысли о создании в Коломенском музея под открытым небом. В этом тоже сказался характер мышления археолога. Работая в 1922—1928 годах реставратором архитектурных памятников в Болдинском монастыре, Барановский создал большой и прекрасный музей. Он располагался в трапезной палате.

Война разметала музей. Но ничто не могло вытравить, заглушить в Барановском археологическую страсть. Приступив к работам по спасению болдинских памятников, он попутно собирал все, что ему удавалось обнаружить в земле и на земле. Верхушечный культурный слой таил в себе вещественные признаки недавних событий: оружие, военную амуницию и прочее. От вещей ниточка потянулась к людям. Петр Дмитриевич всерьез взялся за сбор материалов по истории Дорогобужского партизанского края. Он призвал на помощь своего друга-художника москвича Карла Карловича Лопяло, и тот безвозмездно написал для создаваемого в Болдине музея сорок живописных портретов героев-партизан. Барановский, как умел, оборудовал стенды с партизанским оружием и документами, расставил трофейные автоматы и пулеметы, развесил портреты партизан и, показав относительно полно и внушительно новейшую боевую историю края, стал разворачивать экспозицию в глубь веков.

Здесь скарпель и мастерок времен Федора Коня, ружья и сабли бежавших через Болдино по Старой Смоленской дороге наполеоновских войск, ядра и пищали времен царя Алексея Михайловича, при котором Болдинский монастырь и весь Смоленский край были отбиты у шляхты, скандинавский топор.

Удивительный, ни на что не похожий музей оборудовал Барановский в болдинской лесной глуши.

Ветераны с нескрываемым волнением слушали глуховатый голос устроителя музея, поражались историческому богатству Дорогобужского края, с восхищением думали о собравшем эти богатства 75-летнем старце, сухоньком, крепком человеке с удивительно красивой головой и совсем молодыми глазами.

Одним словом, я имел редкое удовольствие видеть Барановского в лучах славы.

Летом 1970 года с великими трудностями, через грязи великие, образовавшиеся после ливней, мне посчастливилось пробиться в Болдино. То-то, думаю, Барановский обрадуется. Как бы не так! Мастер не поворачивается, продолжает работу: «Давай, Саша, вот отсюда сковырнем по полкирпичика и увидим, как пилястра пойдет,— обращается он к каменщику интеллигентного обличья. «Петр Дмитриевич, точно! Уже показалась».

Словно рентген, Барановский пронизывает своим острым взглядом фасад трапезной палаты. Я стою в трех шагах и не решаюсь прервать его. А он, вполне довольный тем, что ему удалось нащупать запропастившуюся было пилястру, продвигается вдоль фронта работ: «А что, фасад трапезной Федора Коня позаделистей будет Василия Блаженного! — неожиданно заключает Петр Дмитриевич и, повернувшись ко мне, здоровается так, словно мы с ним расстались вчера вечером.— Вы уж извините — тут у нас самая горячка. Три дня дожди отрывали от работы». С этими словами он окончательно оттаял и стал показывать свое хозяйство.

Радостно было видеть строительное оживление на лесах трапезной, и уж вовсе замечательным было зрелище южной стены колокольни. Многометровый фрагмент ее был уже на три четверти очищен от битого кирпича и пыли. Идея Барановского о склейке фрагментов взорванной колокольни как бы стала явной.

В этот момент на колокольне работали А. М. Пономарев[1], инженер из Москвы, Наташа Петрова, студентка из Вязьмы. Каменщиками, под руководством мастера Владимира Емельяновича Бобылева, были Саша Леницкий и Виктор Оводов — инженеры из Москвы. В сокровенном деле проводили они очередной отпуск.

Барановского всегда окружали люди, ему подобные — бескорыстные, одержимые. Люди иного сорта не задерживались возле него.

Болдинские памятники восстанавливаются. Смоленское областное управление культуры помогает реставраторам стройматериалами, присылает на летние месяцы студенческие строительные отряды.

---

[1] А. М. Пономарев уже после смерти Барановского осуществил мечту учителя: колокольня восстановлена, есть и колокола, и звонарь.

Глядя, как неутомимо трудится их наставник, без раскачки включаются в дело и студенты.

Сколько хлама и строительного мусора вынесли из Митрополичьего дворца Крутиц студенты Московского института тонкой химической технологии имени Д. И. Менделеева! В Крутицах родился клуб «Родина», костяком которого стало студенчество этого института. Петр Дмитриевич вспоминал как-то: «Это было, наверное, в 64-м. В общественных кругах просыпался интерес к русской старине, к архитектурным памятникам. Институт имени Менделеева организовал для студентов путешествие по Волге. Вернувшись, ребята завесили фотографиями памятников русского искусства коридоры и актовый зал. Нас — В. П. Тыдмана, страстного болельщика за памятники, А. А. Коробова, художника-пейзажиста, писателя Ю. А. Арбата и меня — студенты пригласили выступить на вечере, посвященном вопросам сбережения памятников Отечества. Я сказал молодежи, что это почтенное дело, что я всячески приветствую их порыв и могу рекомендовать желающим объединиться в клуб, помещение для которого найдется в Крутицком дворце после того, как мы его все вместе приведем в первозданное состояние. Временно клуб будет находиться в отремонтированных Набережных палатах. Так появился клуб «Родина». Студенты принялись осваивать рабочие профессии. Перво-наперво мы освободили дворец от полов и потолков последнего времени, выровняли площадь перед дворцом, устроили клумбу, откопали беседку Герцена. Очень скоро у молодежи выработалось верное отношение к памятникам, некоторые стали профессионально разбираться в вопросах реставрации...»

Послушаем опять Н. И. Иванова: «Идея создания школы-мастерской в Крутицах с мастерами и подмастерьями, передачей опыта профессиональных секретов, освоением старинных приемов работы носила несколько утопический характер. Но в том-то и была сила Барановского, что ему удавались даже утопии.

Мы сами творили известь по старинным рецептам: без цемента, сделали печь для обжига кирпича.

В старину обычно и глину добывали, и кирпич обжигали рядом с возводимой постройкой. Архитекторы знали приемы зодчества, понимали толк в зондажах, не чурались черной работы. А каменщики, в свою очередь, разбирались в архитектуре, знали историю, владели навыками строительной работы.

Но ведь и реставрация требует такого сорта людей...»

Архитектор-реставратор О. И. Журин: «Барановский хотел создать эталонную мастерскую, в которой возродились бы традиции подлинной научной реставрации. Предполагалось готовить специалистов высокой квалификации, создавать мобильные летучие отряды по консервации памятников.

Его мастерская жила и действовала. Собрался в ней толковый народ. Достаточно сказать, что те полтора десятка мастеров, что воспитались на Крутицах, на сегодняшний день являются лучшими в Москве. Крутицы — это школа. Школа Барановского.

Школа гражданского, духовного воспитания».

Вот как об этой поре вспоминает один из единомышленников П. Д. Барановского Семен Ермолаевич Дмитриев: «Свет на Крутицах зажегся в особенно тяжелые для нашей культуры годы. Тогдашний верховный «бонза», ныне прославляемый иными борзописцами, вроде Федора Бурлацкого, за якобы благодушный нрав и умение пошутить, на весь мир обещал войти в коммунизм (к 1980 году) без единого священника! Оргия богоборчества отзывалась по всей русской земле грохотом падающих колоколен и треском разбиваемых иконостасов.

Тогда же на Крутицком подворье П. Д. Барановский начал новый этап восстановительных работ. Возобновилась реставрация отдельных сооружений комплекса, предстояла серьезная борьба за освобождение памятников архитектуры из-под жилья. О военном ведомстве, занимавшем значительную часть ансамбля под гауптвахту, тогда не могло идти и речи, и еще немало лет в непосредственной близости от дворца маячил на вышке автоматчик, повергая приходящих сюда в некоторое смущение... Но тогда хватало дел и с занятыми под коммуналки зданиями, прежде всего собственно дворцом, в котором предстояла огромная черновая работа — сломка перегородок, перекрытий, удаление штукатурки. Весь хлам нужно было вынести, вывезти, благоустроить двор, что, конечно, тормозило темп реставрации. Тут-то и пришел на помощь Барановскому клуб «Родина».

В тогдашних вузах Москвы, как и всей страны, неукоснительно выполнялась «установка» ограничивать исторический багаж будущих ученых и командиров производства рамками курса истории КПСС, оказывается, как теперь объявлено, фальсифицированного. Главная задача при «усвоении» его заключалась в том, чтобы не перепу-

тать даты партсъездов и запомнить, когда какая платформа или уклон были блистательно разгромлены. Но вот в одном техничееком вузе, кажется, благодаря поощрительной позиции его руководителя С. В. Кафтанова, немалое число студентов всерьез увлеклись поездками по старым русским городам. Вузом этим был Московский химико-технологический имени Д. И. Менделеева, расположенный, кстати, в одном из достопримечательных районов старой Москвы — Миусах.

В 1964 году большая группа студентов совершила автобусную поездку в Переславль-Залесский, Ростов Великий, Углич, открыв для себя совершенно неведомый, ошеломляюще прекрасный мир. Конечно, восприятие древнерусского «культового» зодчества и тем более живописи могло быть в те времена чисто эстетическим. Ростовский кремль (на деле монастырь) мог смотреться отечественным Парфеноном, что было уже немало — ценность памятников становилась очевидной, побуждала молодежь к действию. Было сделано много снимков, организована фотовыставка, проведен вечер, посвященный русской старине. Пришли на него студенты из других вузов, из МГУ. Главное же, организаторам вечера — Анатолию Домникову, Александру Садову и их друзьям — посчастливилось выйти на тех людей, которые знали подлинную историю России и сражались за ее памятники.

На вечер 8 мая пришли П. Д. Барановский, В. П. Тыдман, писатель Ю. А. Арбат, художники А. А. Коробов, И. С. Глазунов, А. М. Лаптев, искусствовед Десятников...

В ответ на вопрос студентов, чем они могут помочь, Барановский пригласил их на Крутицы, сказав, что работа черная и безвозмездная. На этом же вечере было принято решение создать молодежный клуб любителей истории и древнерусского искусства, был принят устав: «Работать и учиться!»

Молва о вечере пошла по московским вузам. Через короткое время организовали подобную же встречу в МГУ, в контакт вступили студенты МВТУ, других институтов, потянулись ученики 100-й и 551-й школ... Днем же рождения клуба «Родина» было решено считать первый рабочий день студентов на Крутицах — 25 мая 1964 года.

Петр Дмитриевич отдавал клубу много времени. Рабочими днями были понедельник и четверг, по вечерам, но многие приходили и в другие дни — нас тянул этот сказочный уголок Москвы. Осенью того же года начали работать секции архитектуры, живописи, историко-литератур-

ная, секция фольклора, инспекционная. Под клуб отдали помещения Набережных палат, в которых была проведена внутренняя реставрация, устроено отопление и освещение. Тускло светились окна дворца, превращенного в «воронью слободку», и еще одного трехэтажного здания, в котором только Барановский угадывал древнюю Воскресенскую церковь. Под церковью находился подвал со столпом посередине, в одной из белокаменных стен которого сохранилась ввинченная цепь. Старожилы клуба уверяли, что на этой цепи сидел протопоп Аввакум. Правда, походы в этот подвал, с факелом или фонариком, проводились лишь в знак поощрения за хорошую работу...

Барановский, много рассказывавший ребятам об истории Крутицкого подворья и Ново-Спасского монастыря, принимал участие и в совещаниях клуба. Он сразу сумел зажечь ребят идеей музейного комплекса. Помимо мемориальной комнаты Герцена, было намечено создать два музея: один — посвященный «Слову о полку Игореве», второй — рассказывающий о памятниках архитектуры района, и прежде всего Крутиц. Что касается последнего, то в 1968 году экспозиция его, составленная из архитектурных фрагментов, изразцов, мелких вещиц, найденных в Крутицко-Ново-Спасском комплексе, была систематизирована самим Петром Дмитриевичем и выставлена в двух комнатах второго этажа дворца, примыкающего к Воскресенской церкви.

На первые месяцы 1965 года, пожалуй, приходился пик просветительской работы клуба. В нем появились рабочие ЗИЛа, сотрудники Центрального института технологии машиностроения и других учреждений, расположенных поблизости от Крутиц. Была организована передвижная выставка, рассказывающая о древнерусском зодчестве, которая демонстрировалась в городах Подмосковья. Много было сделано для устройства вечеров, выставок, поездок студентов по историческим местам Москвы и Подмосковья Владимиром Кубраком, Виктором Васильчиком, Сергеем Шереметевым.

Не только Барановский возлагал на клуб «Родина» большие надежды. Поддерживали его, помогали, защищали такие известнейшие люди, как П. Д. Корин, Л. М. Леонов, С. Т. Коненков, В. А. Солоухин, авиаконструктор О. К. Антонов, космонавт А. А. Леонов... Особенно теплые отношения у клуба сложились с И. С. Козловским, с дочерью великого певца Ириной Федоровной Шаляпиной-Бакшеевой. Начиная с 1966 года члены клуба ездили на вос-

становление дома композитора С. И. Танеева в живописнейшем Дютькове, что вблизи Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом. Постоянными были поездки в Радонеж, где под руководством Ф. Ф. Ляха восстанавливалось здание церкви. Сейчас в ней филиал Загорского музея. Регулярно выпускались бюллетени о проведенных работах, оформлялась газета «Ярило».

В 1965 году правительством РСФСР было принято решение о создании «Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры». В его комитет вошли Барановский, председатель правления клуба «Родина» А. Садов, В. Ириков. Примерно в это же время установились добрые отношения у клуба с Олегом Васильевичем Волковым, известным в те годы своей битвой за Байкал. Читать лекции в клуб приходили и известные ученые, и начинающие искусствоведы, например рано ушедший из жизни Евгений Николаев, признанный ныне авторитет в истории русского градостроительного искусства М. П. Кудрявцев, В. Плужников.

Вспоминается Константин Сергеевич Сулимцев. Своим ровным доброжелательным отношением ко всем, умением вовремя сказать нужное слово, личным примером настраивал он ребят на деловитый лад.

Нельзя не вспомнить инженеров Юрия Фатюнина, Александра Пономарева, инженера-строителя Алексея Гузья, музейного работника из Истры Элеонору Алмаеву, «неразлучную троицу» Татьяну Дубинчину, Ольгу Потоцкую и Татьяну Чепек, математика Татьяну Залетову, студента Виктора Бобылева, библиотекарей Люду Красикову и Галю Воронову, покойного ныне Бориса Лобазова — прекрасного организатора...

Одним словом, работа с Барановским осталась в людях навсегда.

Но вскоре с подачи... главного архитектора Пролетарского района Москвы В. Галактионова начались провокации против клуба. То и дело наезжала милиция. Ничего такого не обнаружив, отправлялась восвояси, а дня через два снова на Крутицах урчали милицейские мотоциклы.

Наконец, ребята настояли на том, чтобы Галактионов объяснил правлению клуба, какие, собственно, у него претензии. Приехал худой, какой-то обглоданный человечишко и начал исступленно орать, что «Родины» никакой нет и что все должны убраться к черту из «помещения областного управления культуры». В глаза он никому не смотрел. Через несколько дней навесил на двери клуба замки и для

пущей острастки опечатал их печаткой районного масштаба. Это было 25 апреля 1968 года.

Но плохо знали слуги режима наших ребят. Конечно, о каких-либо пикетах и тому подобном не могло быть и речи, за это, невзирая на самую высшую степень правоты, полагалась тюрьма. Барановский оберегал нас от опрометчивых шагов. Писали протесты наверх, как положено, начиная с Брежнева и ниже. Помогла пресса. В результате клуб «Родина» был признан! Началась борьба за спасение усадьбы «Ольгово» под Дмитровом, восстановление церкви в Бёхове на Оке, близ Поленова, реставрация дома Даля на Большой Грузинской.

В 1969 году произошло еще одно благоприятное для клуба событие: Крутицкое подворье было передано Московскому городскому отделению ВООПИиК с целью организации экспериментальной реставрационной мастерской и создания школы реставраторов. Возглавил ее замечательный специалист и человек Евгений Михайлович Верченко. Опять закипела работа «Родины»...»

В результате настойчивых поисков и научных исследований, как говорил сам Мастер, обезличенным зданиям частично был возвращен их замечательный и оригинальный художественный образ, побуждающий к завершению этих работ.

Нарядным, праздничным вышел из реставрации пятиглавый Успенский собор (XVII в.). Выпрямилась крепостная стена с крытой переходной галереей. Сквозной силуэт взлетающего ко второму этажу наклонного крыльца Успенского собора, архитектурные ритмы переходной галереи настолько живописны, что еще во время реставрационных работ на них приходили взглянуть как на московскую достопримечательность.

А вот еще одно свидетельство, отчасти связанное с тем самым злополучным посещением Фурцевой. Вспоминает Александр Сергеевич Трофимов: «Петр Дмитриевич никогда не успокаивался на достигнутом. После образования в 1966 году Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры он сразу же приступил к организации реставрационной мастерской при Московском его отделении, где он рассчитывал создать школу реставраторов. И такая школа им была создана. В ней молодые люди получали высокую профессиональную подготовку, непосредственно обучаясь у выдающегося мастера».

Трудно было переоценить значение этой школы-мастерской в Крутицком подворье. На ее базе восстанавлива-

лись многие замечательные памятники Москвы, включая и сам архитектурный ансамбль подворья.

Жизнь Петра Дмитриевича приближалась к концу. Он стал реже бывать на заседаниях Общества. Поговаривал о передаче своего архива Государственному Историческому музею.

Запомнилось мне совместное посещение мемориального памятника на улице Ермоловой — дома великого русского актера М. С. Щепкина. Это было в конце зимы 1975 года. В обследовании дома Щепкина, кроме нас с Петром Дмитриевичем, приняли участие члены Комиссии охраны памятников Московского союза художников А. А. Коробов, С. А. Баулин, М. М. Успенский. Последний слыл большим специалистом по организации музеев. И как раз в это время он работал над восстановлением квартиры Н. А. Римского-Корсакова в Ленинграде. Будучи знаком с Е. А. Фурцевой, Успенский надеялся на ее помощь и поддержку Малого театра в организации музея-квартиры М. С. Щепкина. (Как впоследствии оказалось, никакие доводы в пользу открытия музея действия не возымели. Дом через пять лет был снесен.)

По глубокому снегу мы прошли через сад, уже не имевший ограды, и поднялись по кривой лестнице на второй этаж. Дом казался необитаемым. Но на антресолях теплилась жизнь... Нас встретил глубокий старец и провел в комнаты с низкими потолками и старинными печами, еще дававшими тепло. С трепетом душевным мы ступали по половицам, которые были свидетелями посещений Михаила Семеновича А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, В. Г. Белинским, А. И. Герценом, И. С. Тургеневым, Т. Н. Грановским, С. Т. Аксаковым. Во время своих приездов в Москву Пушкин непременно заглядывал в эту гостеприимную семью. 17 мая 1936 года приход великого поэта оказался последним. Эта дата связана с работой М. С. Щепкина над записками, начатыми по совету Пушкина.

Не только последний хозяин этой квартиры, но и ее обстановка казались нам сохранившимися от тех далеких времен. Как бы в знак подтверждения он обратил наше внимание на старинное бюро, стоявшее в углу комнаты около окна, и объяснил, что оно, по преданию, принадлежало М. С. Щепкину, потом, после его смерти, обстановка квартиры и это бюро перешли к детям, далее — к внукам. Наследники, по всей вероятности, еще долгое время сохраняли за собой этот дом.

Мы слушали старика, затаив дыхание, и все казалось

нам, что из соседней комнаты через арку, закрытую тяжелыми портьерами, выйдет Щепкин...

Петр Дмитриевич, предчувствуя гибель этого дома, впал в угнетенное состояние. Всю обратную дорогу он не проронил ни слова, но, прощаясь, сказал, что если мы не добьемся его спасения, надо распускать Общество.

В конце семидесятых годов наступил резкий перелом в физическом состоянии Петра Дмитриевича. Он жаловался на боли в суставах и потерю зрения. В таком состоянии я застал его в одно из последних моих посещений квартиры — тесной кельи Новодевичьего монастыря. Он сидел на кровати, набросив на плечи зимнее пальто, ежился от холода и повторял: «Какая скверная вещь — старость...»

«Подводя итоги всему, что сделано Россией в области искусства, приходишь к выводу, что это по преимуществу страна зодчих. Чутье пропорций, понимание силуэта, декоративный инстинкт, изобретательность форм — словом, все архитектурные добродетели встречаются на протяжении русской истории так постоянно и повсеместно, что наводят на мысль о совершенно исключительной архитектурной одаренности русского народа»,— писал И. Грабарь. Крутицкий комплекс — великолепная иллюстрация его великолепной мысли.

...Барановский возник передо мной в тот декабрьский день, как дух бесплотный. «Здравствуйте. Прошу извинения. Я вижу, вы себе нашли тут дело по плечу. Очень полезно киркой на морозе помахать, и нам поддержка. Видите, в Крутицах оживление. Центральный совет общества охраны памятников выделил средства. Это радостный факт. Но я совсем замотался. Бестолковщина. Дали каменщиков. В достатке стройматериалы. Но люди не привыкли работать в воскресенье, даже за сверхурочные. Может, они и правы, но мне-то надо спешить...»

Петр Дмитриевич возбужден, настроение у него боевое, вид отличный, порозовел на морозе. Дело пошло! Это для него всегда было хлебом насущным, воздухом, без которого нет жизни.

Мы стоим перед южным фасадом Воскресенской церкви. Он пока не поражает соборной лепотой, но это уже и не безликая стена. Холодное декабрьское солнце освещает счастливое лицо Барановского. Петр Дмитриевич бросает взгляд на явно обозначившийся в своем узорном великолепии древний портал и как бы продолжает когда-то начатый рассказ.

Среди этого безличья мы уже можем найти нечто

относящееся к старине... Это здание, столько претерпевшее, начало всех начал московского строительного искусства. Воскресенская церковь — единственный на Руси трехэтажный собор.

Нижний этаж — сводчатая усыпальница. Мы обнаружили в ней три каменных саркофага. На одном из них имя Досифея — ученика гениального русского живописца Дионисия, человека, близкого к Василию III.

Второй этаж — деловая палата. Здесь помещалась казна. Здесь собирались на совет. И наконец, третий этаж — собственно церковь.

Характерная черта творческого почерка Барановского — уникальность открытых им объектов и универсальность открытых им способов реставрации, в основу которых положен точный математический расчет, полностью исключающий элементы домысла.

Ф. М. Достоевскому принадлежат простые, как истина, слова: «Миру в высшей степени необходимо иметь людей, которых можно уважать». Петр Дмитриевич Барановский принадлежит к их числу.

О. И. Журин, близко знавший Барановского, говорит, что он, привлекая внимание своих учеников и соратников к истории Крутиц, обращался к тем далеким временам, когда Епифаний Славинецкий «со товарищи» делал свои знаменитые переводы. Петр Дмитриевич провел здесь однажды блестящий вечер, посвященный юбилею Епифания. Настанет время, и о Барановском «со товарищи» будут писать не менее восторженно и говорить на вечерах.

В. А. Виноградов: «У нас была мечта — освободить всю территорию Крутицкого подворья от посторонних организаций и возродить его в том виде, в каком он был в царствование Алексея Михайловича. В пространной записке, найденной в архиве Коллегии иностранных дел, современник пишет, что митрополит Павел, «подобно новому Филадельфу, устроил в своем архиерейском доме вне града Москвы, в месте, именуемом Крутицы, на горах высоких и крутых над рекою Москвою, в месте тихом и безмолвном, храмины примерные для новых переводчиков и мудрецов, и сады из разных видов цветов и деревьев и трав насадил, и источников накопил сладководных для отдыха от трудов и оградою оградил, как некий рай».

Мы и мечтали возродить не просто архитектурный ансамбль, а весь этот живописный уголок — сады, источники, рай...

Барановский рассчитывал, что со временем, когда мы отреставрируем большую часть комплекса, здесь будет культурный центр — музей, студии, лекционные залы... Сейчас, как это ни горько сознавать, в отреставрированных зданиях разместились фонды Исторического музея. Жизнь на Крутицах замерла — тихо, заперто...»

В. И. Киселев: «Крутицкое подворье — это целый этап в жизни Петра Дмитриевича. В нашей — тем более. Здесь мы отмечали его 75-, 80-, 85-летие, и как отмечали — с колокольным звоном!

С утра радиофицировали Воскресенскую церковь, принесли пластинки: Ростовские звоны, Моцарта. Накрыли стол. Все готово. Звоним ему в Новодевичий: «Петр Дмитриевич, у нас интересная находка, приезжайте, пожалуйста». Только он в дверь — включили звоны, под руки подхватили, повели наверх... То был настоящий праздник!»

Девяностолетие (1982 г.) Барановского так же торжественно и сердечно отмечали в Новодевичьем. Собрались сотни его единомышленников, соратников, поклонников. Почти совсем слепой, в темных очках, на крыльце Больничных палат появился Петр Дмитриевич. Сохранилась киносъемка известного русского мастера документального кино Бориса Карпова, на которой запечатлен этот последний праздник Петра Дмитриевича. Его чествовали, вручали подарки, в том числе его живописный и скульптурный портреты. Долго над головами собравшихся, как икона, как символ веры, витала большая фотография в рамке — рисунок Казанского собора. Прилюдно Барановский благословил Олега Журина на свершение святого дела — воссоздание Казанского собора по его, Барановского, обмерным чертежам. Вскоре он передал ему папку с материалами по собору и стал собираться в дальний путь... Призвав на помощь близких — сестру Наталью Дмитриевну, которая после внезапной смерти в 1978 году Марии Юрьевны, была при нем неотлучно, дочь, Ольгу Барановскую, он принялся за наведение порядка в грандиозном архиве. Всегда это строго охранялось, содержалось порядочно, систематизировалось. Теперь была забота, как сделать так, чтобы архив не распылился по рукам, а стал бы сводом прожитой трудной и плодотворной жизни. Барановский до последнего часа жил верой в то, что его единомышленники воссоздадут если не все, то многое из погубленного в годы советской власти человеконенавистниками с партбилетами в карма-

нах. Он предложил свой архив Государственному Историческому музею, там от него отказались. Тогда он начал переговоры с Музеем архитектуры имени А. В. Щусева, они увенчались успехом. И Барановский написал еще один, последний в своей жизни документ — завещательное письмо...

Свято исполнивший свой долг перед великим русским народом и зодческим искусством Мастер тихо скончался в 1984 году в своем доме. Похоронен по завещанию на кладбище Донского монастыря под сенью величественных храмов.

Мир праху его и вечная Память!

Бычков Ю. А.

Б65 Житие Петра Барановского.— М.: Сов. Россия, 1991.— 176 с., ил.

Петр Дмитриевич Барановский, ставший легендой в среде архитекторов, археологов, реставраторов, историков,— главное действующее лицо книги. Читатель должен знать, что благодаря ему, Барановскому, уцелел от сноса собор Василия Блаженного, по его обмерам и чертежам восстанавливается ныне Казанский собор на Красной площади, его руки, руки Мастера-труженика, касались множества архитектурных сооружений в России, Закавказье, Белоруссии, на Украине. Нам ли не знать это имя?! Нам ли не поклониться его памяти в год приближающегося 100-летнего юбилея (1992)?!

Б $\frac{4702010204-163}{М105(03)91}$ КБ—14—42—91 85.113(2)

ISBN 5—268—00494—8

Юрий Александрович Бычков

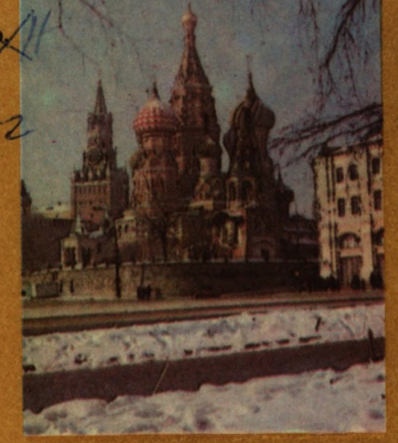
ЖИТИЕ ПЕТРА БАРАНОВСКОГО

Редактор **З. Г. Антипенко**
Художественный редактор **Б. Н. Юдкин**
Технический редактор **Л. А. Фирсова**
Корректоры **Л. В. Дорофеева, А. З. Лазуткина, Л. М. Логунова**

ИБ № 6314
Сдано в набор 29.04.91. Подп. в печать 02.10.91. Формат 84×108/32. Гарнитура литературная. Бумага № 2 офс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 9,66. Уч.-изд. л. 10,71. Тираж 40 000 экз. Заказ 2160. Цена 2 р. Изд. инд. НА-259.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и массовой информации РСФСР. 144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

«Советская Россия»

